

ЭТЮД ДЛЯ УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА

Вәлихан Джиуазаде

ЭТЮД ДЛЯ
УГОЛОВНОГО
РОЗЫСКА

Рассказы

БАКУ ЯЗЫЧЫ 1990

С (Аз) 2
Д 11

Редактор
М. АЛИЗАДЕ

ДВОЕ НА МАРШРУТЕ

Перед разводом Раджабова подозвал к себе заместитель начальника районного отдела внутренних дел подполковник Халилов.

— Как настроение, сержант?

— Спасибо, товарищ подполковник, все отлично.

— Ну, я рад за тебя. Видишь вон того паренька, разглядывающего стенд с фотографиями отличников?

— Так точно, вижу, товарищ подполковник.

— Зови его сюда, это новенький, пойдешь с ним на маршрут. С тобой он уже, наверное, познакомился на фото. Присмотрись к нему и давай без возражений. Обязательно сработаетесь. Тебя, между прочим, Салимову я представлял, тот тоже колебался, не хотел с новичком. В этом году его направили на учебу в школу милиции, на следующий год ты готовься. А пока давай, помоги парню, сам знаешь, как трудно первое время. У него и с семейными делами проблем много. Тоже будем думать.

Развод прошел как обычно, и наряды вышли на службу. Сержант Раджабов шел не спеша, от его крепкой, атлетически сложенной фигуры в перетянутой портупеей шинели веяло уверенностью в себе, что вообще свойственно людям незаурядной физической силы. По его невозмутимому лицу трудно было определить, в каком он настроении.

С высоты своего двухметрового роста Раджабов изредка недовольно поглядывал на Ахвердиева. На вид щуп-

лый, выглядит моложе своих двадцати двух лет. Со стороны никто не скажет, что они почти ровесники.

Раджабов свободно, по несколько раз подряд толкает стокилограммовую штангу. С детства занимался вольной борьбой, выполнил норматив мастера спорта. Тренируется ежедневно. Теперь увлекся еще и самбо, рукопашным боем.

— Сколько ты вешишь? — неожиданно для себя спросил он Айдына.

— Шестьдесят семь килограммов, а что? — оживился тот.

— Ничего.

Раджабов вновь погрузился в молчание. Все-таки он ценил физическую силу и был убежден, что в милицию нужно брать парней ростом не ниже ста восьмидесяти пяти сантиметров. Он слышал, что в каких-то странах подбирают в полицию именно по такому принципу. За два года он имел возможность убедиться, как важна физическая подготовка в патрульно-постовой службе. Новичок ему не внушал доверия: стеснительный, чем-то похож на девушку, тонкие черты лица, порывистые движения. Ему бы только дорогу на перекрестке показывать прохожим, куда и как пройти, об стрелки на брюках можно порезаться, так отутюжены. В экстремальной ситуации растеряется. «Ничего, — успокоил он сам себя, — долго не продержится, сбежит».

Они шли по освещенному проспекту, думая каждый о своем и, разумеется, друг о друге.

Теперь им предстояло вместе нести службу, где уверенность друг в друге — дело первостепенной важности.

Раджабов неплохо знал особенности обстановки на маршруте, места повышенного внимания, где концентрировался криминогенный контингент. В свою очередь, и к его внушительной фигуре здесь тоже привыкли. А вот на новенького, сменившего высокого, мощного Салимова, смотрели с удивлением.

С Раджабовым приветливо здоровались завсегдатаи чайханы, расположенной в центре тенистого скверика. Увидев их, прошмыгнула мимо развязная девица, настороженно проводила глазами группа вычурно одетых молодых людей с помятыми лицами. Завидев их, торопливо перешел, почти перебежал улицу пожилой мужчина с переброшенной через плечо сумкой, наполненной пустыми бутылками. Опустившийся вид его не оставлял сомнений

в том, что давно уже пьянствует, ночует не дома. Все это не осталось незамеченным для сержанта.

— Два раза его задерживал, бродяжничает, — кивнул вслед Раджабов. Бывший кандидат наук. Добрейшей души человек. Жена стала погуливать, он запил. Ну, а она со своим любовником спровоцировала его на скандал. С ним истерика, начал посуду бить, кидаться на них. Словом, мелкое хулиганство. Отсидел пятнадцать суток, с работы — от позора и сплетен — пришлось уволиться. Ну, а дальше известное дело. Копался в себе, переживал, не мог понять, зачем она пошла на эту подлость, сказала бы сразу, что хочет развестись, оставить себе квартиру. Ответа, как водится, не нашел, так потихоньку и спился. Сейчас прописался в общежитии, работает на стройке. Надолго ли?

Раджабов тяжело вздохнул и повернулся на 180 градусов.

— Пойдем обратно.

Стало уже смеркаться, зажглись фонари на столбах, засияли разноцветными огнями вывески над магазинами. Прохожих становилось все меньше. Раджабов глянул на часы.

— Двадцать сорок пять, не сучай, сейчас будет веселее.

Они приблизились к месту, где продолжала стоять та же группа парней.

— Вот эти, — Раджабов слегка скосил глаза в их сторону, — опять соображают, куда податься. По тридцать лет, а в мальчиках ходят. Все у них есть: и деньги, и машины, и квартиры, и, самое главное, крупные связи. Несколько раз приходилось иметь дело с ними, сразу начинают давить родственниками, угрожают погоны снять, ускользают, как угри. Двоих из этой компании мы с Салимовым задержали с наркотиками. Потаскали нас тогда по инстанциям. Но выдержали, оба срок получили. Сколько от них, подонков, горя, девчат портят, наркотиками балуются, фарцуют, но попробуй подступись.

Он повел плечами так, что заскрипели ремни, и надолго погрузился в молчание. Сержант считал себя философом, много повидавшим на своем веку человеком. Ему нравилась любимая фраза Салимова: на нашем маршруте за смену столько насмотришься, сколько другому за всю жизнь не выпадает.

Раджабов повторил эту фразу как свою, только вместо

«наш» подчеркнул «мой» маршрут. Ахвердиев согласно кивнул головой.

Еще с час они неторопливо прохаживались по маршруту. Раджабов все больше напоминал Айдыну сжимающуюся пружину.

— Все верно, — подумал он. — После девяти вечера для нас самая работа.

— Извините, пожалуйста, можно ваши документы? — обратился старший сержант к парню в модной адидасовской куртке и кроссовках, с чемоданом в руке.

Тот остановился, полез в карман и вдруг рванулся вправо, но Раджабов успел схватить его за руку.

— Так что с документами?

Парень, сделав несколько безрезультатных попыток высвободиться, выругался.

— Не нужно нервничать. Ахвердиев, свяжись с дежурной частью, вызови машину, отвезем его в РОВД. Послушаем, откуда у него чемодан.

Задержанного доставили в отдел без приключений.

Оказалось, туда уже поступило заявление о краже чемодана. Пожилая женщина, приехавшая из района, покупала подарки сыну к свадьбе. Присмотревший ее вор улучил момент, когда она отвлеклась, разглядывая покрывало, а дальше было дело техники.

В дежурной части он со злобой разглядывал Раджабова, не скрывая досады, что попался так глупо, и с вызовом спросил:

— Чем это я тебе не понравился, сержант? Вроде раньше не встречались.

— Чемоданом, — не громко, но с расстановкой ответил Раджабов.

— Приметы так быстро сообщили? — едко ухмыльнулся вор.

— Нет, о краже я не знал.

— Так чего жко мне привязался, сверхинтуиция. что ли?

— Какая у меня интуиция? — отпарировал старший сержант. — Все просто, вижу, идет парень как с дискотеки, а в руках чемодан большой, потертый, старенький, да тяжелый. Не вписывались вы друг в друга. Ну, будь здоров!

Вот так Раджабов, ликовал в душе Айдын, чистейшую кражу дал, с вещдоками. Увалень, увалень, а как этого от-

пел, спокойно, с достоинством. Модный парень, а с дедовским чемоданом торопится — здесь действительно повод для размышления.

Оформив протокол, милиционеры вернулись обратно. Все было спокойно. Они в очередной раз прошли по маршруту в один конец и повернули обратно. Раджабов молчал, попытки Ахвердиева заговорить прервал, не поворачивая головы:

— Отвлекаешься!

Старший сержант мерил асфальт большими шагами, Айдыну приходилось подстраиваться под него и идти в довольно быстром темпе. «Два шага Раджабова — три моих, — прикинул Айдын. — Ничего, придется привыкать».

Впереди у кафетерия оживленно переругивались трое мужчин. Разгоряченные ссорой, они не обратили внимания на подошедших милиционеров. Двое накинлись на одного и сбили с ног. В руках маленького толстяка в джинсовом костюме блеснул нож. Раджабов с неожиданной легкостью для его огромного тела сделал несколько прыжков и перехватил занесенную руку с ножом.

Видимо, он переборщил, потому что толстяк буквально взревел от боли. Его дружок набросился на сержанта, но сразу попался на прием.

Как выяснилось в дежурной части, вся троица оказалась членами кооператива, и чисто коммерческая беседа, начавшаяся в кафетерии, перешла в конфликт, к развязке которого подоспели патрульные.

На город спустилась ночь. Они шли, вслушиваясь в мерный стук собственных сапог. Прохожих почти не было. Лишь прогуливались у своих домов старушки да владельцы собак со своими питомцами.

— Ну, кажется все, пойдет на спад, — удовлетворенно промолвил Раджабов. — Тебе повезло с дежурством, без особых приключений. Так бы всегда. Мой маршрут — один из самых сложных. Ты попробуй перейти на автопатруль, там полегче будет.

Последняя фраза задела Айдына, но он не ответил. Раджабова можно понять, ему нужен хорошо подготовленный напарник. При задержании вора и тех дерущихся сержант действовал один, от него не ускользнула нерасторопность Айдына, независимо от себя оказавшегося в роли стороннего наблюдателя. Теперь его не покидало ощущение неловкости за себя. Нечего кривить душой, все развора-

чивалось так стремительно, что он не успел сориентироваться. Обижаться на Раджабова не имело смысла, он прав, двое на маршруте должны нести равную нагрузку, их уязвимость увеличивается вдвое, если один выступает в роли довеска, отсиживается за спиной другого.

До самого конца дежурства никто из них не нарушил молчания.

Дома, сняв форму, Айдын почувствовал, как он сильно устал. Восемь часов непрерывной ходьбы с довольно тяжелой экипировкой — рация, пистолет, постоянное нервное напряжение, — все это дало о себе знать. Спина и ноги гудели, болели плечи. Ужина не было. Утром бегал в роддом, отнес жене передачу, потом засобирался на службу. Утюжился, начищался, испытывая легкую тревогу: как встретят, как пройдет боевое крещение. Вспомнил, что не обедал и не ужинал, но есть не хотелось.

Этажом выше гуляла молодежь, звучала музыка вперемежку с громкими выкриками и топотом ног.

— Время два часа ночи, а им хоть бы хны, — подумал Айдын, — неужели не устали за день?

Вспомнил парней, о которых говорил Раджабов, усмехнулся с досадой. В голову полезли скверные мысли. Одним все нипочем, никаких нравственных критериев, какими-то левыми путями обеспечивают свое благополучие. Машины, дачи, знакомства. А другие, как, например, он, угла своего не имеют. Мать в районе с двумя младшими дочерьми на руках. Дома крышу нужно починить, да никак не получается. Теперь квартиру искать надо, жену с ребенком некуда вести.

Чтобы отвлечься, отжался пятьдесят раз от пола и принялся вычищать и гладить свою новенькую форму.

В детстве он любил смотреть, как это делает отец. Ему едва исполнилось двенадцать лет, когда убили отца, работавшего участковым инспектором милиции. Расправились с ним жестоко, истерзанное тело после длительных поисков нашли в лесу. Преступников задержали через несколько месяцев.

Подробностей Айдын не знал, со слов матери понял, отца убили, когда он пытался задержать группу скотокрадов на месте преступления.

О службе в милиции он впервые задумался после одного эпизода, свидетелем и участником которого стал совершенно случайно, находясь в увольнении. Известно, как сол-

дат проводит время, если в городе, где служит, нет знакомых. Сходил в кино, зашел в пару магазинов, а потом бесцельно бродил по улицам. До установленного времени в часть возвращаться не хотелось. Побродив вдоволь, он уселся на скамеечке и принялся за эскимо.

Рядом пристроились парнишка с девушкой, видимо, студенты. И вдруг подходят двое типов и ни слова не говоря начинают дубасить парня. Айдын к ним: «Вы что делаете?».

— Не лезь, солдат, а то и тебе отвалим.

Он вмешался в драку, подросла милиция, парнишка лежит без сознания, и Айдыну крепко досталось.

Типов этих доставили в милицию, и, удивительное дело, как сразу они изменились. Куда что девалось? Врали, унижались, сваливали вину друг на друга. Потом в часть приезжал отец одного из них, просил изменить показания. Айдыну передали, что на КПП его ждут, и он очень удивился.

Мужчина при виде его сразу приступил к делу:

— Ты скажи, что первым начал тот, с девкой. Какая тебе разница? Скоро домой поедешь, я все организую, одену как надо и денюжат подброшу.

Холеный, с барскими замашками, он был уверен, что солдат согласится, держался снисходительно. Молчание Айдына расценил как боязнь продешевить. Покровительственно похлопал по плечу.

— Тысчонку получишь.

— Говорят, тот парень останется инвалидом?

— А тебе что за беда? Сам виноват. Ну, а ты влез в драку, не разобравшись что к чему, поэтому и тебе попало. За несколько синяков компенсация достаточная. Ну, по рукам, я спешу.

Ох, как захотелось Айдыну врезать ему по крупному, мясистому носу, но он сдержался.

Заявить об их разговоре следователю — бессмысленно, не докажешь, дядька хитрый. Надо с ним, гадом, по-другому.

— Мне надо подумать, все-таки меня предупреждали об ответственности за дачу ложных показаний. Рискованно.

— Брось ты дурака валять, — мужчина уже оставил просительный тон, в котором начал разговор. — Скажи, что вспомнил, как парни молча проходили и посмотрели на девчонку, а тот кинулся на них в драку, первый ударил моего сына в лицо.

«Вот подонок», сжав кулаки, подумал Айдын. «Подожди, я тебя проучу!».

— Нет, я должен подумать.

— Хорошо, вот мои телефоны: домашний и служебный, завтра жду звонка.

Он уселся в черный ГАЗ-24, поджидавший неподалеку, и уехал.

На следующий день Айдын, конечно же, ему не позвонил. Вечером дежурному по роте позвонили с КПП, спрашивали Айдына. Дежурный был предупрежден и ответил, что Ахвердиев уехал в командировку. Будет через неделю.

Айдын не случайно определил именно такой срок своей командировки. Он истекал за день до судебного заседания.

Едва дежурный положил трубку, как снова позвонили с КПП. Родственники, так представились ожидавшие Айдына, интересуются, куда он выехал.

— Что ответить? — прикрыв трубку рукой, спросил дежурный.

— Вот сволочь, — не сдержался Айдын. Что же ответить? И тут его осенило. Прошлой осенью они ездили в колхоз помогать собирать урожай, это километрах в двухстах отсюда, и он назвал адрес. Пусть едут, ищут.

На суде рассказал, как было. Вертялый, грассирующий адвокат задал ему ряд встречных вопросов, пытался поймать на неточностях, но ничего не вышло. Айдын перехватил его недоуменно-рассерженный взгляд в сторону мужчины, приходившего к нему в часть.

«Стряпчего он купил, подумал Айдын, видимо, и насчет меня успокоился, не думал, что сорвется».

Потерпевший и его мать, казалось, были безучастны к происходящему. Парня выписали из больницы после сильнейшего сотрясения мозга, с потерей зрения на семьдесят процентов. Было видно, его ни на минуту не отпускают головные боли.

Но больше всего Айдына поразило другое. Девушка, здесь ее именовали свидетельницей, сидела отдельно. Когда она ровным, спокойным голосом ответила на вопрос председательствующего в суде, что не заметила, кто первый начал драку, Айдына словно ошпарило кипятком. Обвиняемые сразу приободрились, а потерпевший еще ниже опустил голову.

Айдыну все стало ясно.

В роту он пришел перед отбоем и долго не мог успокоить-

ся, сидел в каптерке, пил чай со своим другом Витькой Зерновым.

Вспоминали первые дни службы, говорили о предстоящем увольнении в запас. Виктор намеревался поступать в политехнический институт. Стал допытываться: а куда ты? Айдын ответил не сразу. Понимал, учиться пока не получится. Надо работать, сестер поднимать. Матери без отца достается.

— Пойду в милицию служить, поработаю несколько лет, а там и об учебе можно думать.

— В милицию? — удивился Зернов. — Зачем тебе нужно всю жизнь с дерьмом возиться?

— А затем, чтобы другим поменьше приходилось с этими гадами сталкиваться, — вдруг прорвало Айдына, перед глазами которого, как в ускоренном кино, промелькнули физиономии подсудимых: адвоката, девушки, мужчины, пытавшегося его подкупить. Он рассказывал о происшедшем в суде. Против ожидания, Зернов не удивился, воспринял услышанное спокойно.

— Чудак ты, Айдын, дали ей деньги, уговорили, а может, припугнули. Ну, встречалась она с ним, а теперь он калека, зачем он ей? Все в этой жизни проще, чем ты себе представляешь. Опустись, брат, на землю, оглядись внимательно.

На том разговор и окончился.

Дома он посоветовался с матерью, она не возражала против его решения, хотя и не скрывала тревоги. Ей нелегко было благословить сына на опасную службу, которая отняла у нее мужа. Но она это сделала, испытывая в душе гордость за сына, решившего пойти по стопам отца.

Пожив недолго в родном доме, Айдын уехал в Баку, устроился такелажником на судоремонтном заводе. Прописался в общежитии.

Первый рабочий день запомнился еще и потому, что в отделе кадров познакомился с будущей женой, выпускницей энергетического техникума, тоже получавшей выписку из приказа о назначении. Через полгода они поженились. Из общежития пришлось уйти, в короткий срок сменили несколько квартир, и эта проблема существенно отравляла Айдыну мысли о будущем.

Отутюжив форму, он прилег на диван и задремал. А когда проснулся, солнце поднялось высоко и припекало через незадернутую штору. Наскоро собравшись, заторопился в

роддом, предстояло заскочить на базар, в аптеку, пройти по нескольким адресам насчет квартиры.

Едва успел к разводу на дежурство. После короткого инструктажа, на котором, кстати, отметили их бдительность и умелые действия, вышли на маршрут. Айдын чувствовал себя неловко за незаслуженную похвалу в свой адрес, а с другой стороны, не будешь же из строя перебивать подполковника, вносить пояснения.

Раджабов по обыкновению молчал и каких-либо комментариев по поводу инструктажа не высказывал.

Вечерние улицы были заполнены народом.

— Ты что такой мрачный? — нарушил молчание Раджабов.

— Устал немного, квартиру искал. Завтра жену с ребенком из роддома забирать, а угла своего нет.

— Что ты так рано женился, я на два года старше и пока не собираюсь, — наставительным тоном произнес сержант.

— В таком деле нельзя сроки устанавливать. Один в двадцать встретил свою судьбу, другой в тридцать, даже в пятьдесят, а третьему не повезло. Коли никого не полюбил, лучше вообще не жениться.

— Да... — протянул Раджабов, — и у жены здесь тоже никого из родственников?

— Нет, никого кроме меня и сына, — улыбнулся Айдын.

Как-то сам собой завязался разговор, и он рассказал Раджабову о матери, сестренках. Тот слушал, не перебивая.

Их внимание привлекла старушка с заплаканными глазами.

— Что случилось, бабуля? — обратился к ней Раджабов.

— Ничего, сынок, — всхлипнула старушка.

— Может, обидел кто? — допытывался сержант.

— Деньги у нее улетели, я сам видел, — вмешался мужчина в черных очках с авоськой. Она протянула три рубля продавцу за кефир, а он не успел взять, ветер сдул. Пока сообразила, что к чему, кто-то поднял. Теперь ищи-свищи. А продавец и слушать ничего не хочет.

— Ясно, — успокоился Раджабов. — Нужно быть внимательней, бабуля. Не расстраивайтесь. Пойдем, Ахвердиев, это не по нашей линии.

«Дети и старики очень похожи в каких-то жизненных

ситуациях, подумалось Айдыну, наверное, оттого, что одинаково беспомощны. Интересно, какая у нее пенсия?» Три рубля, может быть, разбиты на несколько дней. Он сам ежемесячно посылал матери тридцать рублей. Сумма небольшая, и хотя мама ругает, мол, у нас все есть, а он-то знает, что каждая копейка идет в дело.

В кармане у Айдына лежало всего шесть рублей — две трешки, а зарплата послезавтра. Он обернулся, старушка тихонько семенила домой.

— Минутку, я сейчас, — коротко бросил Раджабову и побежал назад.

— Бабуля, подождите.

Она обернулась, улыбнулась ему.

— Что сынок?

— Вот ваши деньги, никто не заметил, а они рядом лежали.

Старушка просияла.

— Спасибо, сынок. Я же знала, моя трешка где-то здесь, сколько людей стояло в очереди и никто не увидел, куда она запропастилась. А мужчина в очках расстроил меня, сразу заподозрил плохое: «ищи-свищи», «забрали». Обидно даже, как можно так о людях думать. Простое недоразумение.

Она еще раз поблагодарила и заковыляла обратно к навесу, где продавали кефир.

Раджабов ни о чем не спрашивал, он все понял и, видимо, анализировал поступок Айдына. На его обычно непроницаемом лице промелькнуло подобие улыбки, он скосил взгляд на напарника, тот почувствовал. Они встретились глазами, но ничего не сказали друг другу.

Еще с час милиционеры ходили, не проронив ни слова. Так бы всегда, подумалось Раджабову, когда вдруг впереди слышались крики, они сразу прибавили шаг.

Раздался выстрел.

— Это у ювелирного, — бросил Раджабов и побежал вперед. Айдын был намного легче и сразу обогнал его. Увидел мужчину с пистолетом в руках, бежавшего от магазина и заскочившего в притормозившие «Жигули». Уедут, все пропало, машина наверняка угнана, — успел подумать он.

Преступники тоже заметили милиционера, бежавшего навстречу, водитель нажал на газ и машина резко рванула с места, она бы промчалась мимо.

Точно рассчитав свой маневр, Айдын, подпрыгнув что есть силы вверх, каблуками сапог ударил в лобовое стекло и опрокинулся спиной на капот.

Проехав несколько метров, «Жигули» стали. Водитель сидел неподвижно, его пассажира, успевшего выскочить из машины, мертвой хваткой держал Раджабов.

На место происшествия прибыла следственная группа.

Раджабов заботливо осмотрел Ахвердиева.

— Вроде обошлось. Сними сапоги, посмотри, ноги не порезал?

— Нет, все нормально.

— Ты меня, Айдын, удивил своим прыжком, даже в видео такое не часто увидишь. Я уже хотел стрелять по колесам, а ты вперед вырвался, обзор закрыл.

Айдын промолчал. Раджабов впервые назвал его по имени. Действительно, видимо, проще было произвести несколько выстрелов, но тогда и преступник мог отстреливаться, а так сработал элемент неожиданности. Они оба в шоковом состоянии.

На маршруте все было обычно, если не считать мелочей, пресекли драку у ресторана, задержали типа без документов, с шприцем и тремя ампулами морфия. Раджабов поднял левый рукав пиджака и рубашки и покачал головой.

— Вызывай машину, пусть в РОВД разбираются.

Когда после смены Айдын сдавал оружие, дежурный предупредил: следователь просил подойти в 9 часов, у него к Ахвердиеву несколько вопросов.

— А нельзя попозже, у меня жена в больнице?

— Смотри сам, мое дело предупредить, позвони ему утром.

— Ладно, приеду к 9-ти.

Он вышел на улицу. Транспорт уже не ходил, на такси каждый раз не наездишься. А пешком где-то час хода.

— Постой, Айдын, — окликнули его сзади. Это был Раджабов.

— Слушай, у меня тетка одна живет в двухкомнатной квартире, я с ней сейчас по телефону поговорил, может, поживете пока у нее, она согласна. И платить ей ничего не надо, она старенькая, только рада будет.

— Спасибо, — растерянно произнес Айдын, — неудобно как-то получилось. Я ведь просто так, к слову сказал о своих проблемах. Ты не беспокойся.

— Что значит — не беспокойся? Завтра же, а вернее,

сегодня, перебирайся. Надо быт налаживать. Он помолчал и закончил шутливо:

— На нашем с тобой маршруте шестьдесят семь килограммов маловато.

— На нашем маршруте, — повторил Айдын глядя прямо в глаза Раджабову.

— На нашем, — твердо ответил сержант.

РАНЕНИЕ

— Смотри, Асир, какие красивые игрушки, — остановился перед ярко освещенной витриной Айдын Ахвердиев.

Его напарник сержант Раджабов понимающе усмехнулся, но по обыкновению промолчал.

— Вон собачка, видишь, беленькая, совсем как настоящая. Лично я выбрал бы ее для подарка. Нравится?

Раджабов молча кивнул.

— Ладно, пойдем, а то отвлеклись, — спохватился Ахвердиев. — А завтра утром придем рассмотрим получше.

— Собачку? — не понял Раджабов.

— Да нет, вообще все игрушки.

Невозмутимый сержант не сдержал улыбку, подумав, что его друг, к которому он искренне привязался за этот год, не перестает удивлять своей непосредственностью.

— Что ты улыбаешься, мы с замполитом договорились завтра пойти в подшефный детский дом, ребятам подарки отнести. Пойдешь с нами?

— Нет, у меня завтра тренировка, а потом дела разные, — уклончиво ответил Раджабов.

— Жаль, в прошлый раз нас попросили беседку отремонтировать и сделать деревянную горку. Ты ведь по столлярной части любишь возиться. Детский дом недалеко от райотдела, быстро сделаем и уйдем. Дети обрадуются, там

малыши дошкольного возраста, при нашем появлении визжат от радости, бегают, подарки рассматривают.

Ахвердиев посерьезнел, горестно вздохнул.

— Знаешь, Асир, какие детки хорошие, всех бы к себе домой забрал. Совсем крохи, а уже страдают. Маленькие, но смотрят по-взрослому, такое ощущение, что в самую душу заглядывают, хотят спросить, чей ты папа.

Раджабов молчал. Излишняя, по его мнению, впечатлительность лишала его друга покоя, внутреннего равновесия. Беспокойная натура. У самого маленький ребенок, неустроенность, живет на квартире, а он о чужих детях печется, переживает, страдает. Обижать Айдына отказом не хотелось, и он спросил:

— Во сколько собираетесь?

— В десять.

— Тогда я успею, пораньше заскочу на тренировку.

Больше до конца дежурства они к этому разговору не возвращались.

Утром у входа в райотдел Асир застал целую группу сотрудников, складывавших в УАЗик ведра, банки с красками, корзинку с игрушками, пакеты с фруктами.

— Привет, Асир, — окликнул его Айдын. — Молодец, что пришел, мы уже в магазин с замполитом съездили. Представляешь, собачку ту, что мы смотрели, кто-то купил. Жалко!

— Ну что, ребята, пойдем, не будем терять времени, — обратился к ним замполит отдела майор Искендеров. — Мы пройдемся пешком, а старшина подъедет на машине чуть позже.

У здания детского дома Асир бывал сотни раз, но никогда не задумывался о тех, кто в нем живет. Сейчас он их увидел. Несколько десятков малышей от трех до семи лет гуляли в тенистом дворе. Дети постарше при виде сотрудников милиции бросились им навстречу и буквально повисли на плечах улыбающегося Искендерова. Чувствовалось, они хорошо знали и любили его. Пожилая воспитательница уголком платка вытерла глаза, не часто ей приходилось видеть, как радовались даже самые грустные из малышей.

Раздав детям подарки и фрукты, принялись за дело. Командовал Айдын, быстро определивший задание каждому. Остался один Асир.

— Ты что, забыл обо мне? — забеспокоился он.

— Нет, нам с тобой персональное поручение — отремонтировать беседку, а потом соорудить горку с лестничкой. Доски, инструменты мы завезли в прошлый раз, сложили у котельной. Начиная перетаскивать, а я пока ориентируюсь на площадке, размеры сниму.

Старенькая беседка требовала основательного ремонта. Нужно было срочно заменить подгнившие внизу и расшатавшиеся опорные столбы. Обхватив один из них своими мощными руками, Раджабов легонько потряс его, и беседка заходила ходуном.

Работа закипела. Айдын едва успевал за Раджабовым, играючи орудовавшим топориком и с необыкновенной легкостью разделявавшимся с огромными, тяжелыми после дождя досками.

Каждую реечку, брусок они аккуратно выстругивали и тщательно подгоняли друг к другу, затем обрабатывали поверхность наждачной бумагой.

— Эй, ребята, вы отдыхать думаете? — подошел в окружении детей улыбающийся Искендеров.

— Чуть позже, товарищ майор, — не отрываясь от работы, ответил Ахвердиев, нам еще горку делать.

Тем временем на других участках работа завершалась. Привели в порядок двор, окопали деревья, подремонтировали забор. Те, кто закончил работу, подошли к детям. Со стороны было занятно смотреть, как парни в милицмейской форме возятся с малышами в песочнице или играют в прятки.

Раджабову было не до этого. Дело двигалось споро, но все равно недоделок оставалось много, а он не любил бросать начатое, не доведя его до конца. Тем не менее от предложенной помощи отказался.

— Вы идите, а я еще повожусь, мне спешить некуда, — ответил он сослуживцам.

Айдын его не переубеждал, зная, что с Раджабовым спорить бесполезно. Вскоре они остались вдвоем, ребята, попрощавшись, ушли. Вбив в беседку последний брусок, Асир удовлетворенно крикнул и сел перекурить. Айдын начал собирать инструменты.

— Ты что это? — остановил его Раджабов. — А горка?

— В следующий раз займемся, мы и так задержались.

— Оставь, я сам потом соберу. Ты иди, все равно мне торопиться некуда, повожусь еще немного.

— Ну, как знаешь. Тогда до завтра, — Айдын ушел,

Передохнув, Раджабов начал делать заготовки для горки, с тем чтобы в следующий раз сразу приступить к ее установке.

Воспитательница пригласила зайти выпить чаю, он, поблагодарив, отказался. Она указала ему глазами в сторону одного из окон.

— Посмотрите на него. Вот упрямец, тихий час, все спят, а этот из окошка подглядывает. Заметили, он с утра ни на минуту не отходил от вас.

Сержант повернул голову в сторону, куда указывала воспитательница, но никого не увидел.

Он не поддержал разговора. Постояв, женщина ушла.

Раджабов продолжал работу, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить ненароком детей. Он бросил взгляд на окно, указанное воспитателем, и увидел малыша, упершегося лбом в стекло. Вспомнил, какой-то мальчонка действительно стоял неподалеку от него. Другие дети крутились под руками, а этот не приближался, наблюдал со стороны. Раджабов приложил две ладони к щеке и наклонил голову, спи, мол. Мальчишка улыбнулся и исчез за занавеской.

Спустя несколько минут Асир вновь посмотрел на окно, мальчишка опять наблюдал за ним.

Закончилось время сна, и детей опять вывели на прогулку. Набегавшись вокруг дяди, они ушли к песочнице.

А где же этот пацанчик, что наблюдал за мной, — подумал Раджабов, разглядывая детей. Похожие вроде были, но он не сумел определить, который из них.

Аккуратно сложив заготовки, собрал инструменты, не хватало лишь молотка. Огляделся вокруг и встретился глазами с тем самым мальчонкой. Он сидел на корточках, прислонившись спиной к стволу развесистого тутовника и держал в руках молоток.

— Давай-ка сюда молоток, — позвал он его, стараясь смягчить нотки своего низкого, густого голоса. — Мне пора уходить.

Мальчуган не двинулся с места.

Асир сам подошел к нему, взял молоток. Тоненькие пальчики малыша еще сильнее вцепились в рукоятку.

— Зачем тебе молоток? — мягко спросил Раджабов. — Отдай мне его, а я вам еще что-нибудь сделаю.

— Не отдам, — насутился мальчик.

— Почему?

— Не отдам и все.

— Ну хорошо, пусть остается у тебя, только смотри, не ушибись, — мирно решил дело сержант. — Поиграешь, отдашь воспитательнице. Договорились?

Мальчишка отрицательно мотнул головой.

— Я тебе отдам, когда ты придешь.

— Хорошо, — покладистым тоном ответил Раджабов и потрепал мальчугана по голове.

— А когда ты придешь?

— Как закончу все свои дела, так и приду, — поспешил закончить беседу Раджабов.

Он отнес к котельной доски, инструменты и, кивнув на прощание воспитательнице, вышел со двора детского дома. Асир был чужд сантиментов, и все же посещение детского дома оставило какое-то тревожное чувство, от которого он избавился только к концу дня.

* * *

На дежурстве ни Айдын, ни Раджабов не заводили разговора о детском доме. Для Айдына это было обычное посещение, поэтому он не придавал происшедшему особого значения. Вначале Раджабову хотелось поделиться с ним своими впечатлениями, но он передумал. Проходя мимо магазина с игрушками, Асир бросил взгляд на витрину. Собачки, так понравившейся Айдыну, там не было, а неплохо было бы подарить ее тому мальчугану.

Дня через два он все-таки не удержался и спросил у замполита, когда планируется следующий субботник в детском доме.

— Пока не знаю, — ответил майор. — А что, потянуло к детям? Ты ведь с нами первый раз там был.

Много переживший на своем веку, бывший афганец, майор понял состояние молодого милиционера и одобрительно улыбнулся.

— Как выберешь свободное время, зайди, навести детей, а там посмотришь, если нужна будет помощь, скажешь. Я с директором созваниваюсь почти каждый день. Когда возникают проблемы, она обращается без всяких лишних условностей. А ты действуй по своему усмотрению, не вгоняй себя в ненужные рамки.

Так Асир снова появился в детском доме. Пожилая воспитательница, гулявшая во дворе с детьми, улыбнулась ему, как старому знакомому.

Молотка среди инструментов не оказалось, пришлось обойтись топориком. Начал собирать лесенку, для прочности скреплял ступеньки припасенными металлическими уголками. Время от времени поглядывал в сторону: там, под тутовником, как и в прошлый раз, сидел тот самый мальчуган.

Сержант подмигнул ему, подозвал к себе, мальчик не шелохнулся.

Он работал, чувствуя на себе пристальный взгляд малыша и несколько раз поворачивался к нему, приветливо улыбаясь.

Потом пришла воспитательница и увела мальчика.

Интересно, он будет смотреть в окошко или нет, подумал Раджабов и посмотрел в сторону спальни. Мальчуган глядел на него, подперев голову двумя руками.

К вечеру горка уже красовалась в центре игровой площадки. Малыши с радостными криками штурмовали ее со всех сторон, съезжали вниз по гладким доскам.

Мальчуган, наблюдавший за ним, к горке не подошел, он по-прежнему сидел на своем месте под тутовником.

Сержант окликнул его. Держа в руке молоток, он медленно приблизился.

— Почему ты не катаешься на горке?

— Не хочу.

— Ты опять играешься с молотком? Положи его в инструменты.

Мальчишка спрятал руки за спину.

— Не положу, — подумав, добавил: — если я тебе отдам молоток, ты больше не придешь.

— Придут другие дяди, будут здесь ремонтировать, — начал объяснять Раджабов.

Мальчуган, не дослушав его, бросил молоток и убежал, заливаясь слезами.

Радужное настроение сразу улетучилось. Происшедшая сценка не ускользнула от внимания воспитательницы:

— Не расстраивайтесь, мальчик очень нервный, все эти дни он ждал вас, молоток прятал под подушку. Его тоже надо понять, — извиняющимся тоном закончила она.

Мысли о мальчугане не покидали его ни днем, ни ночью, и он рассказал о своих переживаниях Айдыну. Тот слушал очень внимательно, не перебивая. Когда Асир закончил, он стал задавать вопросы, расспрашивать, как выглядит мальчуган. Чувствовалось рассказ задел его за живое.

— Жалко и обидно, что по-настоящему, в корне изменить их жизнь мы не можем, — начал рассуждать Айдын, но их беседу прервала подбежавшая женщина.

— Товарищи, товарищи милиционеры... — испуганно проговорила она, — там в подворотне человека убивают.

Они побежали в указанном направлении. Увидев милиционеров, преступники, склонившиеся над лежащим на земле мужчиной, метнулись в разные стороны, бросив бездыханную жертву.

— Берем обоих, — крикнул Раджабов. — Ты того, в куртке, я длинного.

Они прекрасно знали свой участок патрулирования, все выходы и проулки, проходные дворы. Айдын, быстро разгадав маневр преступника, проскочил через подъезд соседнего дома, перерезал ему путь и выскочил навстречу, в двух метрах перед ним.

— Стой, стрелять буду, — приказал он.

Парень от неожиданности замешкался. Воспользовавшись этим, Ахвердиев сбил его с ног, заломил руки за спину.

Тем временем Раджабов настойчиво преследовал другого.

Расстояние между ними неумолимо сокращалось. Чувствуя, что оторваться не удастся, преступник резко остановился, повернулся навстречу приближающемуся сержанту и выстрелил. Пуля обожгла правое плечо. Раджабов вскрикнул от боли, но не остановился, сильно оттолкнувшись, он прыгнул на преступника и ногой выбил из рук пистолет. Преступник метнулся к ближайшему подъезду, а сержант поднял упавший пистолет и, сунув его в карман, побежал следом. В темном, сыроватом подъезде их шаги отдавались гулким эхом. Почти рядом, как в одной связке, они преодолевали пролет за пролетом. Больше всего сержант боялся потерять его из виду. Заскочит в любую квартиру, быть беде. Он видел, как парень на ходу наугад толкнул рукой несколько дверей, но к счастью, они оказались запертыми.

С девятого этажа на крышу можно выбраться через люк, сообразил сержант, он бы многое отдал, чтобы люк оказался на замке, но его ждало разочарование. В метре от него парень успел через люк выбраться на крышу и ударами ног не давал возможности подняться Раджабову. Получив несколько ударов по голове, Раджабов, изловчившись,

схватил-таки его за ногу, потянул на себя. Заорав от боли, преступник рванулся, что есть мочи, и освободил ногу, но потерял при этом равновесие и упал. Несмотря на боль в руке, Асир довольно ловко выскочил на крышу. В окровавленной рубашке, с ссадиной на лбу от удара каблуком, он выглядел угрожающе и, твердо ступая, приближался к преступнику. Скрыться тому уже было некуда. Затравленно озираясь, он пятился назад. Наступив на валявшийся на крыше длинный металлический стержень от сломанной телевизионной антенны, он с радостным воплем схватил его и закрутил над головой, дергаясь всем телом.

— Не подходи, убью, я каратист.

Раджабов, не останавливаясь, расстегнул кобуру, достал пистолет, щелкнул предохранителем, передернул затвор.

— Бросай железяку! Повторять я не буду.

Парень замер, оценивающе глядя на сержанта. Он понял, что тот не шутит и настроен решительно. Резким движением достал из кармана куртки толстую пачку денег и бросил под ноги милиционеру.

— На! И давай расстанемся, пропусти меня к люку.

Раджабов не ответил.

На нагретый солнцем рубероид упали еще две пачки.

— Бери деньги, там пять тысяч и пропусти меня вниз, никто ничего не узнает. Своим скажешь, не смог задержать из-за ранения.

У Раджабова не было сил отвечать. Он отрицательно покачал головой. От потери крови кружилась голова. Время работало против него. Он боялся лишиться сознания, ноги подламывались сами собой. Чтобы не упасть, Асир опустился на колено, крепко сжимая пистолет обеими руками, медленно поднял его до уровня груди преступника. Тот заметил, что с сержантом творится неладное, значит, еще оставался шанс уйти и двинулся было вперед.

— Отойди на пять шагов назад, подними руки за голову, стой и не шевелись, иначе стреляю без предупреждения, — с трудом ворочая непослушным, прилипшим к гортани языком, проговорил сержант.

Парень усмехнулся и все-таки сделал шаг в его сторону.

Раджабов нажал на спуск. Выстрел испугал преступника, он отбежал назад.

Силы оставляли Асира. Неимоверным усилием воли он заставлял себя держаться, но глаза закрывались сами со-

бой. Преступник выжидал, видя, как борется с самим собой сержант.

— Сдыхай быстрее, — процедил он сквозь зубы, злобно ухмыляясь.

У него не оставалось сомнений в том, что сержант уже не жилец.

А сержант, сделав попытку привстать, вдруг беспомощно опрокинулся на спину. Преступник метнулся к нему, чтобы завладеть пистолетом, но не успел. Громыкнул выстрел, рядом просвистела пуля.

— Не двигайся!

Невысокий, худенький милиционер приближался легкими, стремительными прыжками, словно стелясь над крышей. Парень все-таки наклонился, рванул пистолет из рук лежавшего у его ног сержанта, но не смог разжать пальцы, намертво прихватившие рукоятку. Подоспевший милиционер неуловимым приемом перебросил его через себя и уложил лицом вниз.

* * *

После операции Раджабову предстояло проваляться в госпитале не менее месяца. Он потерял много крови и очень ослаб. Его крепкие мускулистые руки с трудом удерживали стакан с чаем. Ежедневно приходили навещать сослуживцы. Айдын просиживал рядом все свободное время. Он очень переживал за товарища и не устал благодарить судьбу за то, что подоспел вовремя.

В тот день, сдав задержанного им преступника подъявшему автопатролю, он сразу бросился на помощь Асиру. Не обнаружив его нигде, встревожился и метался по дворам в надежде услышать милицейский свисток или голос товарища, шум схватки. Он не сомневался, что они где-то поблизости. Прохожие на его расспросы только пожимали плечами. Выстрел на крыше прозвучал в тот момент, когда Айдын стал терять уверенность в правильности своих предположений. Наверх он взбежал на едином дыхании. Зная уравновешенный характер Асира, его выдержку, физическую подготовку, он понимал, что тот может применить оружие только в самом крайнем случае, когда положение его будет безвыходным. И услышав выстрел, ощутил дыхание беды. И не ошибся.

Айдын ежедневно носил Асиру домашний обед, ухаживал за ним, как заправская сиделка. От него не ускольз-

нуло, что уравновешенного, даже флегматичного друга мучает не только рана, но и какие-то горькие мысли, но никак не мог понять, в чем дело. Причина вскоре выяснилась.

— Интересно, — обратился к нему Асир неестественно робким голосом, — как зовут этого мальчугана из детского дома?

— Не знаю, выйдешь из госпиталя и спросишь, — удивился вопросу Айдын.

Уже дома он спохватился, что Асир не зря спрашивал о мальчике. И на следующее утро специально зашел в детский дом расспросить о нем воспитателей.

Дети во дворе обрадовались, увидев своего старого знакомого. Он впервые пришел сюда с пустыми руками и испытывал неловкость, не зная, с чего начать. Пока он собирался с мыслями, его опередила воспитательница:

— Где ваш товарищ, высокий, плечистый, приходил с вами на субботник?

Айдын ответил шутливо:

— У нас в РОВД все, кроме меня, высокие и плечистые. Кого вы имеете в виду?

— Мне не до шуток, — женщина досадливо наморщила лоб и всплеснула руками, — я вполне серьезно. Молчаливый такой, слова из него не вытянешь, плотничал все.

— О, такой у нас один. Его зовут Асир. А в чем дело?

— Уговорите его зайти хоть на минутку, пусть покажется, успокоит, что жив и здоров.

Айдына удивил такой оборот.

— Но откуда вы знаете, что он ранен? Кстати, сейчас он чувствует себя намного лучше, опасность миновала.

У воспитательницы округлились глаза.

— Вы говорите, опасность миновала? Значит, он был тяжело ранен и Алик плакал не случайно? Вот видите, значит, есть какие-то независимые от нас силы и ребенку что-то передалось. — Женщина разволновалась не на шутку. — Представляете, я захожу днем в спальную комнату, он не спит, ручками сжимает молоток и тихо так говорит: «Моего друга, наверное, убили, поэтому он не приходит ко мне».

Она бы еще долго ахала по этому поводу, но Ахвердиев мягко перебил ее:

— Который из них? — спросил он, глядя в сторону ребят.

Она повернулась в противоположную сторону двора, указала рукой:

— Вон он, сидит под тутовником со своим молотком. Сердце кровью обливается, когда вижу, как он страдает.

Айдын раздумывал недолго. Посвятив в свой план воспитательницу и получив полную поддержку, зашел к директору детского дома.

...Асир спал, и они зашли в палату, тихонько ступая на носках. Вглядевшись в мертвенно-бледное лицо Раджабова с запавшими скулами и темными кругами под глазами, малыш всхлипнул. Асир мгновенно проснулся, приподнял голову и лицо его дрогнуло. Не обращая внимания на замершего посередине комнаты Айдына, он неотрывно, с нежностью смотрел на малыша, а потом, обняв его за худенькие плечи, привлек к себе.

Айдын тихо повернулся и вышел из палаты.

ЭТЮД ДЛЯ УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА

До прихода гостей оставалось еще много времени, и Валех нетерпеливо поглядывал на часы. Ему предстояло сыграть роль дальнего родственника хозяина квартиры профессора Заманова, знакомство с которым произошло при довольно неприятных для последнего обстоятельствах. Сегодня утром архитектор обнаружил исчезновение из своей коллекции нескольких кляссеров с редкими марками, стоимость которых он даже затруднялся назвать, она наверняка составляла несколько десятков тысяч рублей. Старый филателист был до того обескуражен, что никак не мог сосредоточиться и точно ответить на вопросы.

Небольшого роста, худенький, подвижный, он мерил комнату быстрыми шагами, беспомощно разводил руками, неустанно повторяя, что вчера вечером они были на месте. Проводив гостей, он перед сном по многолетней уже привычке работал с коллекцией, каких-либо изменений не заметил, альбомы лежали в обычном порядке.

Валех не перебивал старика, давая ему выговориться. Это была одна из его основных заповедей. Человек должен успокоиться, так как в подобных ситуациях он чувствует острую необходимость выплеснуть эмоции, выразить свое негодование. Обращаясь со своей бедой, он ждет участия, а это — прежде всего внимание. В райотделе, куда пришел Заманов, разговор у них не получился, профессор был

слишком взволнован, поэтому Валех решил пойти к нему домой, выяснить на месте, что же все-таки произошло. И подробнее расспросить о гостях.

Осмотр ничего существенного не дал, вызванная им следственно-оперативная группа также уехала ни с чем. В вещах никто не рылся, все находилось на местах, следов пальцев рук, даже хозяина, годных для идентификации, не обнаружили. Это выглядело странным, но Заманов внес ясность, вспомнив, что именно по субботам к нему приходит делать влажную уборку соседка, на протяжении многих лет дружившая с его покойной женой.

— Что же вы сразу не сказали? — не выдержал Валех. — Значит, у нее есть ключ, его могли похитить?

— Нет, она приходит обычно часов в восемь, когда я дома, и в течение часа занимается уборкой.

— А где находились вы на этот раз?

— Отремонтировал уют, курил на балконе. Я стараюсь не мешать ей. Тогда и она быстрее управляется.

Он помолчал, пристально всматриваясь в лицо собеседника.

— Только, пожалуйста, ее ни о чем не спрашивайте. Это порядочнейший человек. Лучше пусть пропадут мои марки, чем мы оскорбим ее подозрением. Это моя просьба и одновременно требование, — заключил он, взмахнув рукой.

Жест этот предполагался резким и решительным, но получился неловким, и Заманов это почувствовал.

Следов кражи или даже присутствия посторонних в квартире профессора не обнаружено, но марки исчезли. Как это произошло? Ему предстояло теперь найти ответ. На вопросы о гостях профессор отреагировал столь же эмоционально, как и на предыдущий о соседке.

— Порядочнейшие люди! Их прошу не вмешивать. Они у меня постоянные гости, можно сказать, члены семьи.

По опыту Валех знал, что атаки в лоб не дают результата. Заманов обидится, если он в дальнейшем проявит интерес к соседке или к его гостям. Надо было его как-то отвлечь и исподволь завести разговор, с тем чтобы получить хоть какую-то информацию об окружении профессора. То, что среди них есть почитатели шахмат, он не сомневался: на журнальном столике стояли шахматные часы и доска с расставленными в сложной позиции фигурами.

Валех попытался ее оценить.

— Играете? — отреагировал Заманов.

— Да, немного.

— И в блиц?

— Да.

— Хотите сразиться?

— Можно, только не сейчас, я после дежурства. Боюсь, не смогу оказать достойного сопротивления. Но позиция на доске меня заинтересовала.

— Это этюд, четырехходовка. Вчера так и не решили, хотя долго бились. Попробуйте.

Валех склонился над доской, но в голову ничего не лезло. Ему предстояло решить более сложный этюд. Роль каждой из участвующих в нем фигур надо было глубоко проанализировать. Никак не удавалось сосредоточиться, он чувствовал, что смог бы решить позицию на доске, но не сейчас. Тогда он и условился встретиться с профессором, тем более что ему очень хотелось увидеть кого-нибудь из постоянных завсегдатаев этой квартиры.

Пришел он специально за полчаса до намеченного времени: нужно было побеседовать с Замановым и предупредить его, чтобы представил Валеха дальним родственником. Профессор встретил его как старого знакомого и выглядел несколько успокоившимся.

— Проходите, пожалуйста.

— Спасибо. Ну, как наш уговор? — спросил Валех, усаживаясь в кресло.

— Остается в силе. Я согласен с вами, если друзья узнают, что вы из уголовного розыска, появится скованность. Располагайтесь, я сейчас.

Сидя в обтянутом плюшем кресле, мягком, очень удобном, Валех неторопливо, внимательно осмотрел комнату. Затем прошел в другую, где располагался кабинет. Во всем чувствовался твердый порядок. Хозяин — человек аккуратный, даже педантичный, заключил он и вернулся в кресло.

Профессор овдовел несколько лет назад, жил один в трехкомнатной квартире старого двухэтажного дома. Коллекцию хранил в своем кабинете, где и спал на диване. Одну комнату после смерти жены практически не использовал, она заперта на ключ. Наружные окна в квартире закрыты ажурными металлическими решетками.

Заманов всю последнюю неделю никуда из дома не отлучался, если не считать продуктовых магазинов. Отсутствовал по десять—двадцать минут, причем, с его слов, в

разное время дня. Если бы он отсутствовал всегда в определенных часы, преступнику или преступникам было бы легче осуществить свой замысел. Версию о проникновении через входную дверь Валех прорабатывал просто так, на всякий случай, наверняка, и преступники просчитывали все варианты, пока не остановились на осуществленном. Если они пришли к нему, поочередно отвергая все другие, то не исключено, что и он остановится на том же методе. Профессор, как он утверждает, видел марки вечером перед сном, после ухода гостей. Если он не ошибается и действительно все классеры были на месте, то пропажу он обнаружил где-то через двенадцать часов. Примерно в 23 часа он лег спать, в половине десятого утра принялся за коллекцию и вскоре заметил пропажу.

Сейчас, когда Заманов возился на кухне, заваривая чай, Валех, прикрыв глаза, пытался смоделировать ход событий.

Если принять за веру все, что говорит профессор, то отпадают и гости. После их ухода марки оставались на месте, значит, подозрение падает на соседку.

Кто эта женщина? Мог ли кто-нибудь склонить ее к совершению кражи? Пока, видимо, это основная линия, возможно, специально подброшенная мне кем-то, решил Валех. Очевидный ход. Взгляд его упал на шахматную доску, где сохранялась прежняя позиция.

— Очевидный ход, — задумчиво сказал он вполголоса.

— Что вы сказали? — спросил вошедший в комнату профессор.

Поставив стеклянный поднос со стаканами на журнальный столик, он уселся напротив.

— Я сказал, очевидный ход.

— Ну, в этюдах все очевидные ходы имеют цель увести от единственно правильного, а тот обычно, на первый взгляд, выглядит бесперспективным.

— И все-таки путь к решению может быть и через разработку очевидных ходов, методом исключения, — улыбнулся в ответ Валех.

— Безусловно, — согласился Заманов. — Но этот метод требует много времени, тут союзниками шахматиста в первую очередь являются не комбинационное чутье и тактическое видение, а настойчивость. Может, я ошибаюсь, но мне все-таки кажется, что творческая сторона, какое-то озарение уступают первое место трудолюбию.

— Я думаю, творчество и трудолюбие — прекрасные

союзники, — отпарировал Валех. — К сожалению, ни то, ни другое мне пока здесь не союзники, — шутливо показал он на доску.

Они выпили по чашке чая, предлагая друг другу варианты решения и тут же отвергая их.

Резкий звонок прервал их занятие. Заманов пошел открывать дверь и вернулся в комнату вместе с полным, лысым мужчиной в очках с сильными выпуклыми линзами. Он поздоровался с Валехом радушно и тут же погрузился в кресло, где сидел до этого профессор. Чувствовал он себя как дома и казался, во всяком случае на первый взгляд, человеком общительным, доброжелательным.

— Мучаетесь над этюдом?

— Да нет, только сели, — ответил Заманов, — Познакомься, это мой дальний родственник Валех, а это — Аслан-муаллим, архитектор, начальник проектного бюро, заядлый шахматист, когда-то был моим аспирантом.

Толстяк еще раз пожал руку Валеху и тут же снова переключился на шахматы. Он не давал им возможности предлагать свои варианты, быстро передвигая фигуры, не доведя задуманное до конца, вдруг хлопал себя по лбу ладонью и с легкостью переходил к следующему варианту. Он, видимо, обладал поразительной способностью чувствовать себя совершенно раскованным в любой компании и не очень стеснял себя мыслью о том, как его воспринимают другие. В таких условиях пытаться решить этюд было бессмысленно, и Валех, делая вид, что участвует в бурных поисках Аслана, думал о своем.

Вот перед ним один из завсегдатаев квартиры вдовствующего профессора. Такой тип людей у него не вызывал симпатий своей шумливостью, несдержанностью, но делать из этого какие-то определенные выводы было бы, разумеется, ошибкой.

Он настолько ушел в себя, что вздрогнул, когда вновь раздался звонок. В прихожей громко поздоровались с профессором, и вскоре в комнату вошли двое мужчин. Один из них, представившийся Эйтибаром, невысокий, крепкого сложения, лет сорока, другой Рамиз, примерно такого же возраста, узкоплечий, с длинными вьющимися волосами.

Перебросившись шуткой с Асланом, они уселись на диван и принялись за газеты, тут же оживленно обмениваясь впечатлениями от прочитанного. Вскоре к ним присоединился и Заманов, вернувшийся из кухни с чайником и ва-

реньем. Газеты отложили в сторону и стали спорить о каком-то проекте, который одни критиковали, а другой, напротив, отстаивал, но делал это скорее по инерции, чтобы поддержать разговор.

Свободное владение профессиональными терминами не оставляло сомнения в том, что и они коллеги Заманова и Аслана — архитекторы или строители.

Валех глянул на часы. Половина восьмого вечера. Вот в таком же составе они были здесь вчера. Как дальше развивались события?

Он и не заметил, когда Заманов успел начертить график блицтурнира, включив туда и его. Предстояло сыграть два круга, в каждой партии по пять минут на соперника.

Он сразу убедился, что попал в сильную компанию примерно равных партнеров. Незаметно для себя увлекся перипетиями борьбы, подсчетом очков. То ли действовала новая обстановка, то ли еще какие-то факторы, но играл он явно ниже своих возможностей.

Первенствовал Заманов и видно было, как он по-ребячьи радовался результату. Аслан играл, шумно комментируя свои неудачи, хватаясь за голову в критических ситуациях. Эйтибар и Рамиз вели себя сдержаннее, но последний, судя по всему, очень болезненно реагировал на проигрыши. Кончик носа у него белел, и он нервно потирал лоб большим и указательным пальцами левой руки. Эйтибар во всех случаях оставался невозмутимым.

Время пролетело незаметно, гости, распрощавшись, ушли. Валех и профессор остались вдвоем.

— Убедились, что мои друзья милые, интеллигентные люди? — мягко спросил Заманов.

— Я в этом не сомневался, — ответил Валех. — Можно мне пройти в ваш кабинет?

— Пожалуйста.

Пропустив гостя, старик вошел следом и открыл окно.

— Зимой здесь прекрасно, солнце заходит, очень приятно сидеть у окна.

— Зато летом нагревается сильно, — продолжил Валех. — Одно спасение, сквозняк можно устраивать.

— Я так и делаю, а в гостиной сегодня жарковато было, все потому, что я увлекся шахматами. У нас Рамиз плохо переносит жару.

— А ваши друзья увлекаются филателией?

— Нет, наоборот, подшучивают. Вы знаете, какая с марками возня? Нужен определенный уход, температура. Забот хватает, а в моем положении это спасительное занятие.

— Значит, эту ночь вы спали здесь на диване?

— Да, да, да — именно на нем. Сон у меня чуткий, если бы кто-то ночью вошел, я бы проснулся. Открыть книжный шкаф, письменный стол, достать классеры, — нет, это невозможно.

Валех сдержал улыбку.

— Что же получается? Вы смотрели марки, потом легли спать здесь же, в кабинете. Утром пришла соседка, и после ее ухода они исчезли.

— Именно так, но она ни при чем.

— Тогда кто же?

— Ума не приложу, загадка какая-то.

— Скорее этюд.

— Вот именно этюд, — подхватил профессор. Сравнение ему, видимо, понравилось, — Этюд, — повторил он и добавил, указывая пальцем в сторону собеседника: — для вас, работника уголовного розыска.

— Все же я хотел бы поговорить с вашей соседкой, вы же не сможете решить этюд, в котором отсутствует фигура, имеющая свою функцию, пусть даже чисто символическую.

Профессор колебался.

— Поймите меня правильно, я профессионал, расследование — это специфическая работа, поиск, нельзя поддаваться чувствам. Не исключена чья-то злая воля, использовавшая визиты соседки к вам.

— Хорошо, — уступил Заманов. — Только, умоляю вас, будьте деликатнее, чтобы не обидеть ее подозрением.

— Не беспокойтесь, профессор. Если б вы знали, как мешает нам настороженность людей. Я пришел помочь, вы не должны опасаться каких-то необдуманных действий с моей стороны. Вот у меня нет сомнений в вашем профессиональном уровне, не должно быть и у вас. Жизнь превратится в пытку, если люди не будут друг другу доверять. Пассажир не может не верить водителю, больной врачу. Я не смогу вам помочь, если не почувствую поддержку, понимание и доверие.

Заманов ничего не ответил, лишь кивнул головой в знак согласия.

— Ну, до завтра, спокойной ночи.

— Спасибо, взаимно.

Выйдя на улицу, Валех достал сигарету, закурил. В кабинете профессора горел свет. Посмотрел на часы, без десяти одиннадцать. Заманов сказал, что обычно ложится спать в одиннадцать... Судя по всему, человек он пунктуальный или таким кажется. Проверим и получим дополнительный штрих к портрету, подвел итог своим размышлениям Валех.

Дом старой постройки начала века. С правой стороны к нему примыкает одноэтажное строение с плоской крышей, откуда до окна кабинета метра два. На крышу этого домишки забраться легко. Мощная ветка тутовника свисает прямо над крышей.

Валех легко взобрался на дерево, с него перешел на крышу, приблизился к окну кабинета. Прислушался, прислонившись спиной к стене.

В комнате было тихо, затем послышались шаркающие шаги профессора, щелкнул выключатель, погас свет. Двадцать три часа ровно.

Валех бесшумно спустился на тротуар и зашагал домой. Рано утром он зашел к соседке Заманова. Пожилая, со следами былой красоты, женщина спокойно восприняла его визит. Он представился, рассказал о том, что у профессора пропали марки, не уточняя, правда, когда, при каких обстоятельствах было обнаружено их исчезновение. И попросил вспомнить, не заметила ли она чего-нибудь необычного в кабинете, когда делала уборку.

Женщина внимательно выслушала, с ответом не торопилась. Потом отрицательно покачала головой.

— Нет, все было обычно.

Она протерла мебель, полы, подоконник. В последнее время пыли в кабинете значительно больше. Раньше профессор почти не открывал здесь окно — солнечная сторона, шторы всегда сдвинуты. Зато в гостиной окно всегда настежь, поэтому там и пыли больше.

— Видимо, профессор после ухода на пенсию дольше стал работать в кабинете? — спросил Валех.

— Нет, дело не в этом. Я как-то спросила, он ответил, что вечерами друзья просят открыть из-за жары.

— А вам хлопоты лишние?

— Да какие там хлопоты. Тофик-муаллим очень дисциплинированный человек, любит порядок, каждая вещь на своем месте, у него делать уборку не составляет труда.

Я представляю, как он сейчас расстроен. Его коллекция заменяет ему очень многое в жизни.

— Ничего, марки мы найдем, — успокоил женщину Валех. — Извините, что я вас потревожил в такую рань.

— Ой, — вдруг она подскочила со стула, — я вам даже чаю не предложила. Не отказывайтесь, а то обижусь. Попейте чайку, работа у вас трудная и ведь не для себя стараетесь. Вы нашего участкового Абиьгасанова знаете?

— Знаю.

— Так вот, с месяц назад с соседнего дома мальчишки на крышу повадились лазить, хотели голубятню установить прямо под окном Тофика-муаллима. Шум, гам, представляют. А профессор постеснялся прогнать их оттуда. Я сама позвонила Абиьгасанову, уважаемый, скромный, приятно с ним беседовать. Быстро разобрался и прогнал их оттуда. Так мать одного из них скандалить в участковый пункт приходила. Сама своего ребенка губит. Они там не столько птицами занимаются, сколько курят, да в карты играют.

Валех напился чаю и раскланялся с гостеприимной хозяйкой.

Через несколько минут он вновь сидел в гостиной профессора Заманова. Встретились уже как давние знакомые.

— Вы наверняка еще не ели, прошу без возражений разделить холостяцкий завтрак. Кстати, я даже не спросил, у вас есть семья?

— Да, жена и сын. Правда, своим присутствием я их не балую, — пошутил Валех.

— Посидите минутку, сейчас будет готова яичница с помидорами.

Валех уселся поудобнее в понравившееся ему кресло. Вчера днем он беседовал с Абиьгасановым, отзывы о Заманове, соседке положительные. О друзьях профессора тоже ничего предосудительного не слышал, двое из них — Аслан и Рамиз — проживают поблизости, на его же административном участке, а Эйтибар на проспекте Строителей. Народ серьезный, коллеги Заманова.

Об инциденте с голубями он тоже рассказал, выразив сомнение в его взаимосвязи с кражей. Во-первых, прошел месяц, во-вторых, окно зарешечено, следов взлома при осмотре места происшествия не обнаружено.

Все это так, но Валеха насторожили две последние информации, так или иначе связанные с кабинетом профессора.

Во-первых, голубятня. Во-вторых, Заманов, человек педантичный, размеренный, с месяц назад вдруг резко изменил свою привычку и стал регулярно открывать окно в кабинете. А ведь перемена температуры для марок нежелательна, портится краска. Дальше он не углублялся. Что же побудило Заманова изменить своей привычке?

Яичница получилась отменная и, с аппетитом перекусив, они уселись пить чай.

— Хотите, сыграем, — предложил профессор.

— Не прочь, тем более, что горю желанием взять реванш за вчерашнее. Жарковато было и в прямом, и в переносном смысле.

— Сейчас я открою окно в кабинете и устроим сквознячок, но зато на доске спасительной прохлады не ждите.

Заманов направился было в кабинет, но Валех остановил его.

— В отличие от вас, не люблю сквозняков.

— Это не я, а Рамиз любит прохладу.

— Он, видимо, с детства плохо переносит жару?

— Нет, раньше за ним этого не замечал, а в последнее время он что-то стал жаловаться.

— А вчера у вас закрыто было.

— В самом деле? Я не помню, разве Рамиз не открывал?

— Простите, профессор, а ваши друзья в ваше отсутствие проходят в кабинет?

Вопрос чем-то насторожил профессора, бросившего сердитый взгляд на собеседника.

— Как в мое отсутствие?

— Ну, допустим, вы на кухне, мало ли как бывает? — с деланной непринужденностью ответил Валех.

— А вы бы позволили себе такое? — тихо произнес Заманов, пристально вглядываясь в лицо Валеха.

— Зависит от отношений, но без нужды наверняка не зашел бы.

— Вот и они так же.

— Но ведь вы говорите, Рамиз иногда открывает окно.

— Ну, молодой человек, — прищурился Заманов, — мы так с вами договоримся черт знает до чего!

— Ваш ход!

Выиграв две партии, Валех попрощался с хозяином и направился в райотдел.

Начальник отделения уголовного розыска майор Сафа-

ров внимательно, не прерывая, выслушал, делая пометки в блокноте, затем перешел к разбору поисковых действий по пунктам.

В целом он одобрил их, порекомендовав встретиться с мальчишками из соседнего дома, поговорить с ними.

Через час Абиьгасанов и Валех беседовали с ребятами, оставившими у него неплохое впечатление. С участковым побывали на крыше, что взволновало мать одного из подростков. Абиьгасанов ее успокоил, убедив, что к ее сыну это не имеет никакого отношения.

Удовлетворенный осмотром, Валех вернулся к себе в кабинет. Было о чем подумать. Доказать преступнику его вину можно, только взяв его с вещдоками. А что, если марки уже переданы третьему лицу? — Думай, думай, оперативник, — подгонял он себя, грош тебе цена, если дело останется нераскрытым. — Он еще долго сидел, выкурив несколько сигарет подряд.

В конце концов решение было принято. Он позвонил Заманову и попросил разрешения провести у него вечер.

Бодрый голос на другом конце провода не вызвал сомнений в желании увидеть у себя своего нового знакомого.

В половине седьмого Валех уже сидел в кресле и беседовал с хозяином квартиры. Деликатный старик не спрашивал о том, как идет расследование, старался даже не касаться этой темы, хотя, безусловно, переживал.

Вскоре пришли и Аслан с Эйтибаром, чуть позже Рамиз. Турнирную таблицу Заманов заготовил заранее. Валех вновь играл из рук вон плохо. После второго поражения подряд профессор, вздернув брови, с удивлением посмотрел на него.

— Не раскachaюсь никак, — отшутился Валех.

Стрелки стенных часов приблизились к девяти. Валех, положив руку на колено сидевшего рядом профессора, в полную силу легких выдохнул воздух.

— Все-таки на меня оказывает воздействие жара. — Заманов хотел привстать, но почувствовав, что рука жалась, уселся на место и непроизвольно посмотрел на Рамиза. Тот сначала отвернулся, делая вид, что увлечен позицией на доске. Потом поднялся и вошел в кабинет. Вскоре легкий ветерок пронесся по комнате.

Рамиз вернулся и уселся на место, на лице его выступили крупные капли пота. Он нервно сжимал скрещенные пальцы рук. Валех не отводил взгляда и знал, что Рамиз

его чувствует. Заманов тоже заметил пристальный, дерзкий взгляд молодого человека.

Тем временем Аслан выиграл у Эйтибара, и наступила очередь Валеха с Рамизом.

Валех избрал ферзевый гамбит. Его соперник играл в нарушение всех тактических канонов, дважды подставляя фигуры и быстро сдался.

Через минуту он вдруг засобиравшись уходил, ссылаясь на нездоровье. Валех вышел вместе с ним.

— Вы ничего не хотите мне сказать?

— Если я не арестован, то через час буду у вас на работе.

— Договорились, но лучше пойдемте за марками вместе.

Через час Рамиз сидел напротив него, на столе лежали два кляссера с марками.

— Вы узнали, какая их примерная цена?

— Тысяч тридцать, — потупился Рамиз. — Жадность погубила, — вдруг разрыдался он, размазывая по щекам слезы.

К таким переходам Валех давно привык. — Успокойтесь, садитесь и пишите все как было.

Рамиз послушно взял ручку и бумагу.

Валех с трудом скрывал безразличность к человеку, обворовавшему одинокого старика, считавшего его своим другом.

Если бы Рамиз не рассчитал все так хладнокровно, а поддался минутной слабости, его поступок выглядел бы менее отвратительным, а изображаемое им раскаяние могло показаться правдоподобным. Но Валех уже хорошо знал этого коварного человека.

Он знал, что Рамиз еще в момент первой встречи заподозрил что-то неладное, встретив Валеха. Он неплохо держался и все же допустил несколько ошибок, выстроенных Валехом в одну цепь по мере расследования.

Передав задержанного следователю, Валех, несмотря на позднее время, отправился к Заманову. Старик удивился его приходу.

— Случилось что-нибудь?

— Пришел обрадовать, марки нашлись. У меня в запасе двадцать минут, вы ведь ложитесь в 23 часа, вот и решил побеспокоить. Этюд я решил, а подготовлен он опытным шахматистом.

— Что же мы стоим в дверях? Проходите. Садитесь сюда и рассказывайте все по порядку.

— Хорошо, я начну с того, что я почувствовал руку сильного соперника, когда узнал о том, что марки исчезли накануне дня уборки. Женщину я почти сразу исключил, все улики против нее, глупо с ее стороны действовать так откровенно. Значит, ее подставили сознательно. Может, даже рассчитывали, что начнут ее вызывать, беспокоить, и вы, во избежание конфликта или из жалости, заявите, что марки нашлись и у вас нет претензий. Кстати, именно это вы и готовы были сделать, встретив в штывы мои расспросы о друзьях и соседке.

Следующим штрихом стала фраза, сказанная вами. Вы обмолвились о том, что Рамиз последнее время не выносит жары, приходится открывать окно. Я уточнил, делает ли он это сам, и получил утвердительный ответ. В тот первый вечер нашего с ним знакомства он внимательно меня рассматривал, его, естественно, насторожило появившееся сразу после кражи новое лицо, о котором он ничего не слышал. Другие ваши друзья, не подозревавшие о краже, на меня не среагировали. Разумеется, я сделал этот вывод, сопоставляя другие факты. Например, он не открыл, как обычно, окно и не попросил вас об этом. И еще он засветился, когда наводил справки обо мне в РОВД. Зачем бы это понадобилось честному человеку? Знал за собой грех, боялся и не поверил, что я родственник.

Валех внимательно смотрел на профессора, сжавшегося, будто перед ударом. Пока он еще не очень понимал, кто преступник, но боялся услышать, что это кто-то из его друзей, быть может, Рамиз.

— Позавчера вечером, выйдя от вас, я по дереву взобрался на крышу соседнего дома. Оказалось, это довольно просто.

Утром следующего дня от соседки услышал насчет голубятни и о том, что вы изменили свою привычку и в кабинете постоянно открываете окно, поэтому там собирается пыль. Сопоставить все — дело несложное, тем более, что идею с голубями ребятишкам подкинул Рамиз, ему нужны были какие-то отвлекающие маневры. Согласитесь, сообщение о том, что ребята целый день толкуются под окном, может насторожить кого угодно, увести следствие в сторону.

Когда вся подготовительная часть была завершена, он под предлогом открыть окно, — вы в это время находились на кухне, двое других были заняты шахматами, — вошел в кабинет, нашел нужные клясеры, аккуратно передвинул

на их место ваши же запасные, того же цвета. Затем завернул в целлофановый пакет украденные и просунул через нижнюю щель в решетке. Пакет бесшумно упал на крышу. Он был уверен, что вечером никто не заметит свертка на крыше, к тому же знал, что участковый строго запретил ребятам появляться там. Спустя час, распрощавшись с вами, он проделал то же самое, что и в следующий вечер. За следы он не боялся, утром уборка.

— Подождите, — перебил Заманов, — определенная логика в ваших рассуждениях есть, но и только. Доказательств никаких.

— Вот именно, никаких. Можно было рассчитывать на неожиданность, своего рода психологический ход.

— Какой же?

— Вы помните, я пожаловался на жару и удержал вас.

— Да.

— Рамиз хотел проигнорировать мое замечание и в то же время боялся, что это покажется подозрительным, он же обычно сам жаловался на удушье. Вы не двигались, и он, поколебавшись, пошел открывать окно, а на крыше увидел неожиданную сцену. Участковый инспектор Абильтасанов и мальчишка, сразу показавший рукой в его сторону.

Профессор сделал протестующий жест.

— Не спешите, здесь нет ничего предосудительного. Если б он был непричастен к краже, то, увидев участкового с мальчишкой, никак не прореагировал бы на них, сказал об увиденном нам, возможно, пошутил бы по такому поводу. А он вышел весь в поту, на нем лица не было. Естественно, сразу подумал о том, что его видели на крыше с пакетом, и эго конец.

Кстати, на крыше обнаружены следы обуви с характерным узором на каблуке. Это его следы.

— Ну, а дальше он проиграл мне в шахматы и засобирался уходить, не приняв никакого решения. Оставалось только помочь ему смягчить свою вину, что я и сделал.

— Так он признался!

— Полностью и вернул марки.

— Но почему он на это пошел?

— Прочел недавно статью о редких марках, навел справки в клубе филателистов и решил, что легко их сбудет. Он там бывал несколько раз, я это вчера установил. Пришлось навести справки о каждом из ваших друзей. Так вот Рамиза коллекционеры запомнили.

— А где он хранил классеры?

— У себя дома.

— Но ведь если бы он их уничтожил, доказать вину вряд ли было возможно. Вы его просто ошарашили своими ходами.

— Поверьте, дались они нелегко, и ситуация щекотливая — подлость в кругу друзей, что может быть хуже? — И чтоб как-то смягчить впечатление о последней фразе, Валех добавил: Не мучайте себя понапрасну поисками причины его подлого поступка. Рядом с вами долгое время был непорядочный человек, проанализируйте его прежнее поведение, я многое узнал о нем за эти три дня. Алчность, приспосабливаемость, эгоизм — ведь и вы об этом знали, но по доброте душевной что-то прощали, находили объяснение. Помните, как он набивался к вам в соавторы, а его махинации с премиями за проекты?

Заманов удивленно воскликнул:

— Когда вы все это узнали?

— Да это и нетрудно было сделать. Я легко вхожу в контакт с людьми и научился отличать хорошее от плохого. Знаете, профессор, я признателен своей службе за то, что благодаря ей увидел и узнал всевозможные крайности в человеческом поведении. И научился особенно дорожить добрым проявлением человеческой души. Пусть это преступление останется у вас в памяти, как этюд для уголовного розыска, решенный вашим искренним другом и заядлым шахматистом.

ДЕНЬ, ПОМЕЧЕННЫЙ КРУЖКОМ

Посетительница средних лет, полная, ярко покрашенная женщина, неестественно всхлипывая, непрерывно прикладывала платок к глазам. Делала она это осторожно, дабы не смазать ненароком обильно нанесенную на лицо косметику. Это их третья беседа с начальником отделения уголовного розыска по поводу ее жалобы на бывшего супруга, якобы угрожающего убийством. Ее собеседник Валех Нагиев давно разобрался в сути дела. Ситуация простая, не имеющая отношения к уголовному розыску, но толковать заявительнице это невозможно, и поэтому он молча сидит, выслушивая всякие глупости и мысленно посылая ее ко всем чертям.

— Вы посмотрите, что сделал этот садист с моим телом, — наваливается она на письменный стол и быстрым движением руки обнажает плечо. — Пользуясь моей беззащитностью, издевается, как хочет. Ну почему вы молчите? Неужели не хотите мне помочь?

Жеманно улыбаясь, она привстала, заглядывая ему в глаза, и вдруг положила ладонь на его руку.

— Я умоляю вас, мне так нужна ваша защита. Забудьте, что вы должностное лицо, я вижу в вас только мужчину и обращаюсь как к мужчине!

Валех резко высвободил руку, с трудом сдерживая нарастающее раздражение. Эта эффектная по всем парамет-

рам дамочка, отбросив всякий стыд, пошла в атаку. С подобными штучками он уже сталкивался и все-таки каждый раз испытывал неловкость.

Она глядела на него выжидающе, по-своему расценивая его молчание. Конечно, ему необходимо было обдумать ее предложение. В проигрыше он не будет. А ей через начальника уголовного розыска наконец удастся отомстить бывшему мужу, даже, может, подвести его под какую-то статью.

А Валех обдумывал, как бы поделикатнее избавиться от назойливой посетительницы, так уверенно предлагавшей себя. С ее мужем он встречался, получив первое заявление. Предварительно навел о нем справки на предмет возможных противоправных действий в отношении жалобщицы. Оказалось, что это милейший человек, уставший от вздорной, необычайно агрессивной женщины, которому просто посчастливилось после стольких лет супружеской жизни, заполненной интригами и скандалами, встретить родственную душу и соединить с ней судьбу. Бывшая супруга мстила хладнокровно и последовательно, неоднократно была у него на работе, провоцировала скандалы на улице. Разобравшись с обоими, Валех не мог понять одного: рассчитывает ли она вернуть его таким путем или просто завидует чужому счастью.

Заявительница томным голосом нарушила затянувшееся молчание.

— Беденький, как вы устали. У вас ужасная работа. И у меня тоже нервы на пределе, разрешите сегодня украть вас от дел, — она вновь потянулась к его руке.

Опередив ее, Валех встал. На память пришло одно из первых заявлений в его практике, которое пришлось разбирать. Там тоже писали об угрозе убийства. Бывшие супруги, кстати, оба научные работники, обращались в разные инстанции с письмами, в которых изоощренно унижали друг друга. Забыв всякую порядочность, они поочередно пытались склонить его на свою сторону. Одинаково бесстыдно он предлагал деньги, а она себя. Неискушенный в житейских перипетиях, Валех старательно пытался найти во всем этом зерно истины, определить правого и виноватого. И чем глубже он вникал в конфликт, тем больше удивлялся их мерзости. В конце концов, он возненавидел их обоих и, не сдержавшись, высказал напрямую все, что думал. Он полагал, что пристыдит их, прекратит бессмысленную вражду, но тем самым только вызвал огонь на себя.

Они дружно «ощетинились» против него. Ему крепко досталось от начальства, а заявление передали другому сотруднику, который еще с год никак не мог отбиться от встречного потока заявлений.

Тогда у Валеха состоялся памятный разговор с его наставником, майором Сафаровым. Всегда сдержанный, майор недовольно выговаривал ему:

— У нас в розыске эмоции надо подавлять, мы здесь не с самыми лучшими представителями рода человеческого встречаемся, будь любезен относиться спокойно к угрозам, шантажу, грязным намекам, к оскорблениям, наконец.

Валех, набычившись, молчал. Смягчившись, Сафаров потрепал его по голове.

— Запомни, дружище, в розыске ты сотню жизней проживешь, в невероятных ситуациях испытаешь себя, встретишь разные судьбы. У нас в работе много романтики, но еще больше трудных, утомительных будней, как говорят гадалки, «пустых забот». Учись подавлять свои чувства, будь то чувство страха, омерзения, брезгливости, справедливого гнева. Даже с последним подонком, как бы он тебе ни был противен, всегда держись в рамках, обращайся на вы.

— Значит, я здесь вроде мальчика для битья? Насильнику улыбайся, проститутке руки целуй, с убийцей и вором интеллигентные беседы веди, а они меня матом, а при случае — заточкой в бок! Эти же гады, бывшие супруги, меня в грязь носом суют, а я, по-вашему, виноват. Извините, товарищ майор, осмелился защитить свое человеческое достоинство, отказался от денег и постели и сказал им, кто они есть на самом деле. Между прочим, мне с детства внушали говорить правду.

— Ладно, — примирительно завершил беседу Сафаров, — поверь мне, я прекрасно тебя понимаю. Пойми, наконец, что что-то может быть правильно по сути, но неверно по форме.

— По сути, по форме, какая разница, милиция здесь или школа философии?

— Точно, школа философии, — усмехнулся Сафаров. — Без философского склада ума в угрозыске делать нечего, так что отрабатывай наравне со служебной подготовкой.

Уходя, майор поднял указательный палец:

— Не забудь, пожалуйста, и о таком важном компоненте, как чувство юмора.

Позже в критических ситуациях советы Сафарова не раз помогали ему находить верное решение.

А что, собственно, произошло сейчас? Дамочка определенного склада считает себя неотразимой, разыграла сцену, которую, видимо, продумала до мелочей. Безусловно, опыт здесь у нее богатый. Ну и ладно, она обо мне худшего мнения, чем мне бы хотелось. И тоже ладно, заключил он. В конце концов, они не в пансионе благородных девиц, очень заманчиво оборвать, что простительно лейтенанту-романтику, но недозволено ему, человеку, кое-что повидавшему. Как любил поговаривать Сафаров, «оперативник теряется только тогда, когда его хвалит начальство, и это простительно, ибо бывает один раз, когда провожают на пенсию».

Валех улыбнулся своим мыслям.

— Спасибо вам за предложение, меня оно очень тронуло, но от работы я предпочитаю отдыхать дома. Вы позволите мне быть откровенным?

Дама выжидающе улыбнулась, вряд ли ожидая подвоха из его слов. Он продолжил:

— Оставьте в покое своего бывшего мужа. И не надо мстить человеку за скромное желание пожить в согласии и спокойствии.

Поблуднев от неожиданного для себя оборота беседы, она подскочила со стула.

— Вот вы как заговорили, он уже нашел к вам дорожку. Интересно, сколько это ему стоило?

Она перешла на крик.

— Я не позволю расставлять вокруг себя сети, найду, к кому обратиться.

— О, в этом я не сомневаюсь, методика, нацеленная на подлость людскую, рассчитана у вас до мелочей.

— На что вы намекаете? — зло прищурилась заявительница.

Нагнев нахмурил брови.

— Я не намекаю, а предупреждаю об уголовной ответственности за систематическую клевету на вашего бывшего мужа, гражданина Меджидова.

— Не пугайте меня, я за себя умею постоять. — Она покачала головой, уперев руки в бока, и, не сдержавшись, тихо выругалась.

— Вот вы и сбросили маску, — весело произнес Валех.

Словхватившись, что сорвалась, дама попыталась возразить, он остановил ее решительным жестом.

— Если когда-нибудь жизнь столкнет нас, мне будет легко принимать решение. Прекрасная штука — терпение, благодаря ему я получил возможность лицезреть вас в разных ролях. Как легко вы перевоплощаетесь! То невинная жертва, незаслуженно страдающая женщина, а теперь уже нечто другое. Теперь понимаю бедного бывшего мужа. Ситуация ясна нам обоим. Давайте договоримся не докучать друг друга. До свидания.

Женщина молча покинула кабинет.

Валех видел в окно, как она вихляющей походкой вышла из здания РОВД, где ее поджидал юркий, модно одетый парень. Выглядела она веселой и независимой. С довольным видом уселась в машину и укатила.

В комнате стоял устойчивый запах косметики. Валех открыл окно, вдохнул полной грудью сырой, холодный воздух. Неприятный осадок от разговора не проходил. Настроение испортилось. Утешением была надежда, что нервничал не зря, она оставит затею посадить бывшего мужа.

Валех прошелся по кабинету. С годами легче переносятся подобные вещи, не в моральном, конечно, плане, а с точки зрения рассудочной оценки поведения человека.

Чтобы как-то отвлечься, включил радиоприемник, шла веселая передача для старшеклассников.

За окнами торопились прохожие с елками, дети с подарками. До Нового года — неделя. Значит, еще один год прожит. Он вынул из портмоне новый, купленный вчера, маленький календарик. Каким будет этот год? Достал из сейфа и стал рассматривать хранившиеся по давней привычке календарики прошлых лет, начиная с первого года службы. Тогда, оставаясь наедине со своими мыслями, анализируя пережитое, он завел привычку обводить кружком трудные дни. Сколько было неудач, разочарований, горьких мыслей об ошибочности выбранного пути. Писал рапорты об увольнении. Поостыв, вновь окунался в работу. Да, за этими кружками его жизнь: погони, засады, задержания, поиски истины, многое другое, словом, все испытания, через которые провел его уголовный розыск. Теперь он уже не помнил, что было за каждым из этих кружочков, отмечавших своего рода критические для него моменты, из которых составилось то единое целое, именуемое его службой, а точнее, жизнью.

Телефонный звонок прервал его невеселые раздумья.

Дежурный доложил, что в микрорайоне ЧП, покушение на убийство. Муж на почве ревности выстрелил в жену, потом забаррикадировался в квартире, там двое детей и старуха-теща. Оперативная группа уже выехала на место.

— Свяжитесь с ребятами, передайте, что я выезжаю, пусть действуют осмотрительно.

По опыту он знал, как сложно принимать решения в подобных случаях, нередко это ситуативное преступление. Человек, поддавшись минутной вспышке, совершает непоправимое. Вид окровавленной жертвы действует по-разному. У одних гнев сразу угасает, охватывает чувство непоправимого и тогда нередко — самоубийство. Других отчаяние от содеянного еще больше распаляет, толкает на продолжение безумия. Преступник жаждет смерти всему окружающему и себе. Обезвредить такого крайне трудно.

...Место происшествия они определили издали по скоплению людей и машин. Собравшиеся возбужденно переговаривались, задирали головы, рассматривая окна квартиры восьмого этажа, где произошла трагедия. Рядом стояли две машины скорой помощи.

Участковый инспектор Эйвазов подбежал к Валеху, доложил обстановку. «Хорошо, что вызвали медицину», — слушая его, подумал Валех.

— А где ребята? — спросил про оперативников.

— На исходных позициях, готовятся к проникновению в квартиру. Детишки зовут на помощь, кричат так, что у соседей через стену слышно. Медлить никак нельзя.

— Ну и каков же план действий?

— Решили отвлечь его внимание шумом в подъезде. Мамедов тем временем с балкона девятого этажа спрыгнет вниз и заскочит в квартиру. Если что — применит оружие. Одобряете?

Нагнев покачал головой.

— Расскажи-ка, быстро, что это за семья, как зовут мужа, жену, детей.

Участковый обстоятельно ответил на все вопросы.

— Сколько комнат в квартире?

— Две.

— Значит, балкон один. Сидя в первой комнате, он может спокойно просматривать и прихожую, и балкон. Спрыгнуть с балкона, выбить стекла и заскочить внутрь — да за это время в смельчака можно выстрелить несколько раз! Давайте отбой. Всех ко мне.

— Есть, товарищ майор!

Через пару минут все собрались. Старший оперуполномоченный уголовного розыска Магеррам Мамедов не скрывал раздражения. Они были друзьями, и Магеррам, раньше никогда не нарушавший служебного этикета, всегда очень щепетильный в вопросах службы, не выдержав, отвел его в сторону.

— Послушай, Валех, извини меня, но я побольше тебя работаю в розыске, знаю, на что иду. Уже подготовился внутренне! Ты думаешь это так просто? Зачем остановил, там детишки напуганы до смерти, женщина в прихожей лежит, под входной дверью кровь. Что здесь тянуть?

— Успокойся, Магеррам, я никогда не покушался на твой опыт и помню, что был самым молодым в отделении и учился у вас, но позволь мне делать свое дело. Обиды выскажешь потом. Неужели тебе не понятно, он подстрелит тебя, как куропатку, когда прыгнешь на балкон. С балкона на балкон и в безобидной ситуации не просто спрыгнуть, а тут малейшее промедление и — выстрел.

— Ты что-то стал осторожным, должность обязывает? — не сдержался Магеррам.

— Я не обижаюсь на тебя только потому, что понимаю твои чувства и хорошо знаю тебя, дружище. Там люди, которых надо спасать, но должность действительно обязывает меня не допустить ошибки, он может застрелить и тебя, и детей. А пока он молчит, думает, попробуем решить все мирным путем.

— На переговоры он не идет!

— А кто их вел?

— Эйвазов, потом я.

— А теперь я попробую. Вдруг повезет в третьей попытке.

— Только не вставай напротив двери!

— Хорошо, и не сердись на меня, старина. Коль скоро ты вспомнил о том далеком времени, когда я пришел в отделение и был самым молодым опером и учился у вас, в том числе и у тебя, то потрудись вспомнить, как вы хорошо распекали меня за безрассудство, причем ты возмущался больше других. Так что воздержись от упреков. Ну, вперед, — заключил он любимой присказкой.

— Пстой, — Магеррам взял его за плечи, — смотри, не зарывайся, я буду наготове.

Они обменялись крепким рукопожатием.

Затем Валех подошел к врачу скорой помощи, молоденькой девушке в очках.

— Доктор, можно у вас позаимствовать на время халат и чемоданчик?

Она недоуменно подняла брови.

— Зачем?

— Я попробую вступить с ним в переговоры. С работником милиции он в нынешней ситуации на контакт не пойдет. Может, медицине не откажет, попрошу выдать раненую, не исключено, что согласится.

— Тогда я пойду с вами, вы же не специалист.

— Если он согласится с моим предложением, я прибегну к вашей помощи.

Накинув халат, надев шапочку и подхватив чемоданчик, Валех поднялся наверх. У двери стоял с пистолетом наготове оперуполномоченный Сеидов.

— Спускайся вниз, и ни в коем случае никто не должен подниматься выше шестого этажа. Никаких неожиданных звуков.

— Но, товарищ майор, он уже дважды стрелял в дверь, когда с ним заговаривали.

— Быстро спускайся вниз.

Подойдя к двери, Валех громко и отчетливо произнес:

— Икрам, это говорит врач, позволь забрать Махбубу, ее можно спасти. Она обязательно поправится. Ты погорячился, дело сделано, но пока не поздно отвести беду. Обдумай мое предложение и не торопись с ответом. Я жду за дверью, рядом никого нет.

В ответ послышались угрозы.

— Икрам, ты ничем не рискуешь,пусти меня, я перевяжу раненую. Я выполню твои условия. Не доводи до непоправимого, она мать твоих детей. Ее вылечат, тебе дадут небольшой срок, может быть даже условно, и все можно наладить. Подумай, а чтобы у тебя не было сомнений, я встану напротив двери, с этого мгновения моя жизнь, как и детей, в твоих руках.

Послышался легкий шорох, в дверном глазке мелькнула тень.

— Я сейчас выпущу в тебя пулю.

— У тебя есть такая возможность, я же сказал, что отдаю свою жизнь в твои руки.

Валех почувствовал, как бьется сердце, ноги налились свинцом, на лбу выступили капли пота, но вытереть его он не решился, любой жест мог вызвать выстрел.

— Где у тебя медикаменты? — прервал молчание Икрам.

— В чемоданчике.

— Открой и покажи мне.

Валех подставил открытый чемоданчик к глазку.

— Хорошо, предупреди милицию, я застрелю тебя, если хоть кто-то подойдет к двери.

— Я им об этом уже сказал. Они побоятся ответственности, ведь тогда им придется отвечать за мою смерть.

— Входи.

Дверь открылась. Рослый молодой мужчина отступил, держа в руках охотничье ружье.

В прихожей на правом боку лежала женщина, она была без сознания.

Тихонько закрыв за собой дверь, Валех защелкнул английский замок.

Парню это понравилось, он оценивающе смотрел на врача.

Валех медленно склонился над женщиной, она была ранена в левый бок дробью, но рана, по его мнению, была не очень опасной, хотя крови потеряно много. Вполголоса обратился к Икраму:

— Можно вынести ее? Нужна срочная операция, она потеряла много крови, здесь помочь ничем нельзя.

Не без колебания Икрам согласно кивнул.

— Хорошо, выноси. Но гляди, без шуток.

Внезапно в нем проснулась ярость.

— Я уничтожу тебя, себя и детей.

Валех молча, плавным жестом открыл замок, неспешно поднял тело женщины и, сделав несколько шагов, положил ее на пол перед дверью. Затем вернулся в прихожую, вновь запер дверь.

— Зачем ты вернулся? — опешил хозяин квартиры, положив палец на курок.

— Махбубу сейчас отвезут в больницу, ее обязательно спасут, а я хочу поговорить с тобой о детях. Но сначала разреши крикнуть из окна, чтобы ее забрали. — Не ожидая ответа, как в замедленном кино, открыл окно:

— Медсестра, пострадавшая за дверью, срочно везите на операцию.

Закрыв окно, Валех вернулся в прихожую. Хозяин угрюмо наблюдал за ним. Уверенность, медлительное спокойствие врача впечатляли. Послышались шаги, он в очередной раз навел ружье на Валеха, но тот демонстративно

повернулся спиной, пригнулся к глазку. Женщину унесли. Валех обернулся.

— Вот видишь, все нормально.

— Ее в самом деле можно спасти? — недоверчиво, но с какой-то затаенно-робкой надеждой встрепенулся мужчина.

— Позже позвоню в больницу и узнаю результат операции. В квартире есть телефон?

— Есть.

— А теперь я хочу посмотреть детей, их надо успокоить, а еще лучше отпустить. Ты дал возможность спасти мать, сделай второй благоразумный шаг. Если хочешь, я останусь с тобой. Мы дождемся конца операции.

Икрам боролся с самим собой, метался, не зная, что предпринять. «Доктор» спокойно ждал. Не торопил его.

— Хорошо, выводите, они в ванной комнате.

Заплаканная старушка с двумя малышами сидела на полу. Увидев «доктора», обрадовалась, но встать была не в силах.

— Что с моей дочерью, доктор?

— Она в безопасности, я помогу вам.

Приподняв старушку, Валех взял за руки малышей.

— Пойдемте, все будет хорошо, папа сделал это случайно.

Он вывел их так, чтобы дети не смотрели в сторону стоящего с ружьем в руках отца.

Не переступая порога квартиры, он проводил старушку с детьми и, облегченно вздохнув, закрыл дверь, после чего прислонился к ней спиной. Опять сильно закружилась голова, он чуть не упал. Их глаза встретились, Икрам отвел взгляд. Молчали долго.

— Почему ты не ушел с детьми, боялся, буду стрелять?

— Нет, ты бы не выстрелил.

— А если выстрелю сейчас?

Двустволка поднялась на уровень груди. Лицо Икрама нервно дергалось, он судорожно потряс ружье.

— Ты что, не боишься смерти?

Послышался шум. Икрам отскочил чуть назад, ему показалось, это на балконе. Сразу подобравшись, он чуть пригнулся.

— Ну, смотри, стреляю сначала в тебя, потом в них.

Валех стоял не шевелясь. Сейчас можно было рискнуть, попытаться выбить оружие, но почему-то его охватило рав-

нодушие ко всему происходящему. Вспомнился недавний разговор с заявительницей. Сегодня он здорово устал. Сделав усилие, собрался с мыслями. Надо обезоруживать.

Тем временем Икрам успокоился, опустил ружье.

— Так почему ты не ушел?

— Мы с тобой договорились ждать конца операции. Разреши позвонить в больницу.

— Звони.

Валех набрал номер дежурного РОВД.

— Это говорит доктор Нагиев, меня интересует состояние здоровья женщины, доставленной с огнестрельным ранением.

Из сообщения по радиации дежурному было известно, что начальник уголовного розыска в квартире с преступником, и он обрадовался, услышав его голос.

— Как вы там, товарищ майор?

Нагиев перебил его.

— Пойдите в операционную и узнайте, я жду у телефона, сейчас скажу номер. Какой у тебя номер? — обратился он к Икраму.

Тот назвал шесть цифр, Валех повторил их, не запоминая. Затем положил трубку.

Икрам, не опуская ружье, уселся на диван напротив, вид у него был неважный.

Валех стал готовиться к броску, но тело не слушалось, казалось ватым.

Икрам расслабился. Отрешенно глядя перед собой, он положил ружье на колени, теперь обезоружить его не стоило никакого труда. Валех тихонько выдвинул вперед левую ногу, перенося на нее центр тяжести, тело напряглось, он уже готов был прыгнуть, когда Икрам поднял голову, по лицу его текли слезы. Он сразу изменился: напротив сидел потерянный человек, только сейчас осознавший весь ужас происшедшего.

— Не знаю, как я мог это сделать, нет мне прощения, погубил свою семью, у меня очень хорошая жена. Ты уходи, доктор, пусть уж меня милиция здесь убьет.

— Подожди немножко, Икрам, мы ведь договорились ждать результатов операции. Давай помолчим, я тоже устал.

Это был первый в его практике случай, когда не хотелось обезоруживать преступника. Выбить у него ружье — значит пресечь сопротивление, угрозу, а Икрам сейчас уже

не был опасен. Добровольная сдача смягчала его вину и лишать его этого шанса в подобной ситуации — жестоко, да и не хотелось.

Звонок заставил обоих вздрогнуть. Дежурный проявил осторожность на случай, если трубку возьмет хозяин. Женский голос сообщил: операция прошла успешно, больная спит.

Валех оценил уловку дежурного, но хотел убедиться, может, и в отношении раненой он хитрит. Он действует в принципе верно, но Икрама обманывать сейчас нежелательно.

— Девушка, передайте трубку Ага-заде, это Нагиев.

— Слушаю вас, — настороженно произнес Ага-заде.

— Азиз, твоя информация абсолютно точная, ты сам выяснил?

— Да, лично разговаривал с заведующим, через пару недель будет на ногах.

— Ну, хорошо, спасибо, я возвращаюсь. До встречи.

По тону и выражению лица «доктора» Икрам понял, что жена жива и, боясь верить в это, напряженно ждал подтверждения.

— Скоро будет на ногах, так что не вешай носа, все еще можно поправить.

— Нет, — покачал головой Икрам, — я себе уже вынес приговор, хотел только перед смертью узнать, жива ли. Спасибо вам, доктор, вы настоящий мужчина, в отличие от меня.

Он уперся грудью в ружейный ствол, рука судорожно потянулась к курку, но выстрел не прозвучал. Валех самым сильным ударом ноги выбил оружие.

Пока Икрама везли в РОВД, он несколько раз повторял: «спасибо, доктор», так и не разобравшись, почему тот едет с ним в УАЗике.

Валех подбадривающе улыбнулся ему, пусть пока думает, что я доктор, ему будет легче.

Составляя протокол задержания, отметил, что Икрам сдался добровольно и, решительно подписав его, попросил сигарету у Ага-заде.

— Вы же бросили курить, товарищ майор.

— Конечно бросил, это так, проявление безволия, — отшутился Валех.

Когда вернулся к себе в кабинет, ему показалось, что он отсутствовал здесь очень долго, по меньшей мере не-

сколько месяцев, все выглядело как-то иначе. Из радиоприемника неслась тихая мелодия, она казалась знакомой, но вспомнить ее он не смог.

Маленькие календарики так и лежали веером на столе. Их было целых пятнадцать штук. Каждый год службы. Он взял последний, пятнадцатый, и обвел кружком уходящий день уходящего года.

ЯГОДЫ ШИПОВНИКА

Старший оперуполномоченный по особо важным делам управления уголовного розыска МВД республики подполковник милиции Рустам Бабаев только что прибыл из командировки, и у него было прекрасное настроение. На столе перед ним лежал рапорт о проделанной работе по разоблачению устойчивой преступной группы из трех человек, совершивших разбойное нападение на кассира совхоза «Победа», возвращавшегося с зарплатой из райцентра.

Место для нападения они выбрали укромное, в своеобразном тупичке, примерно в восьми метрах от съезда с магистрали на шоссе, ведущее в главную усадьбу совхоза. Как выяснилось уже в ходе расследования, преступники заранее знали время возвращения ПАЗика с бухгалтером, сумму, которую он должен был получить в банке.

Увидев приближающийся автобус, в котором сидели лишь водитель и бухгалтер, они на ранее угнанном КАМАЗе перекрыли дорогу, оставаясь сидеть в кабине. Водитель, пожилой уже мужчина, аккуратно затормозив, вышел из салона, подошел к ним:

— Что вы, ребята, дурака валяете, неужели не стыдно?

В ответ выстрел в упор. Бухгалтер не успел понять, в чем дело. Его застрелили прямо в автобусе.

Преступление вызвало резонанс во всем районе. Когда Рустам прибыл туда, следственно-оперативная группа под

руководством следователя прокуратуры Мусаева отработала уже несколько версий, но положительного результата они не дали.

Работе очень мешали бесконечные визиты, звонки жителей совхоза с требованиями быстрее найти убийц, люди высказывали недовольство, медленными, по их мнению, действиями прокуратуры и милиции. Так что Мусаеву приходилось по нескольку часов в день отвлекаться, беседовать с посетителями.

Когда Рустам вошел к нему в кабинет, чтобы представиться, он невольно стал свидетелем такого разговора и отметил выдержку, деликатность следователя, мягко, но последовательно убеждавшего собеседника прислушаться к его аргументам.

После ухода вроде бы удовлетворенного сельчанина они поздоровались, как старые знакомые, и без раскачки принялись за изучение материалов уголовного дела. Мусаев выглядел значительно старше своих тридцати лет, говорил не спеша, тщательно взвешивая каждое слово, внимательно прислушивался к возражениям.

От совместной работы с ним у Рустама остались самые приятные впечатления. Кропотливо отработывая каждую, едва видимую зацепку, они сумели-таки выйти на преступников.

В очередной раз возвратившись к составлению подробной схемы движения совхозного автобуса, Рустам получил информацию о красных «Жигулях», которые на разных участках видели следовавшими на незначительном удалении от ПАЗика. «Жигули», как оказалось, в то утро угнали преступники. Рустам предположил, что они сопровождали бухгалтера до самого поворота в сторону совхоза, чтобы убедиться в вероятности своих расчетов и в случае необходимости подстраховаться. Конечно, это было только предположение, но оно оказалось реальным. Сидевшего за рулем «Жигулей» удалось установить. Он пытался вначале запереться, но это не помогло. Отпечатки пальцев, оставшиеся в угнанной машине, совпадали со следами его пальцев. Проверили его окружение и вышли на трех других участников преступной группы, то есть непосредственных исполнителей. Дело получилось громкое, тем более что при задержании один из преступников оказал активное сопротивление, отстреливался, и Рустам, вынужденный применить оружие, ранил его в руку.

Не заходя домой, он прямо с поезда, а было около семи утра, направился на работу, засел за рапорт.

Много писать он не любил, и вся проделанная поисковая работа уместилась на двух листках. Перечитав написанное он удовлетворенно вздохнул, поставил подпись и число. Стрелки часов приближались к девяти часам. Рустам посмотрел за окно. День ожидался жаркий, и он подумал, что неплохо бы съездить на море искупаться. Он любил осенний пляж, море чистое, освежающее. За месяц командировки не выпало ни одного выходного, спал в полглаза. Отгул, что называется, заслужил, и передав рапорт начальнику отдела, мог со спокойной совестью отправиться домой.

Зазвонил телефон.

— Бабаев слушает...

— Доброе утро, Рустам, зайди пожалуйста, — услышал он глуховатый голос заместителя начальника управления полковника Алиева.

— С приездом, — коротко бросил полковник, крепко пожимая ему руку. — Молодец, хорошо поработал, как себя чувствуешь?

— Спасибо, хорошо.

— Настроение боевое?

— В общем-то да, — насторожился Рустам, подозревая, что отгул придется отменить.

— На, посмотри сводку.

О чем говорил полковник, Рустаму сразу стало понятно: достаточно было одного взгляда на отпечатанные страницы оперативной сводки. Обнаружен труп женщины, личность уже установлена.

— Смерть, вероятно, наступила от множественных переломов основания черепа, — негромко произнес Алиев, когда Рустам, ознакомившись с оперативной сводкой, протянул ее обратно.

— Я знаю, ты устал, но придется ехать именно тебе, кстати, звонил из районной прокуратуры Мусаев, просил направить тебя. Я слышал, вы здорово сработались. Билет на самолет заказан, всего около часа лета, это лучше, чем на поезде.

Позвонив домой и сообщив жене, что у него все нормально и он возвращается в район, Рустам на машине заместителя начальника управления поехал в аэропорт.

Як-40 набрал высоту. Ровно, без натуги гудели моторы. За иллюминаторами плыли густые, белые облака. Миловидная стюардесса разносила минеральную воду. Рустам

откинулся на спинку кресла, открыл предусмотрительно захваченный в дорогу журнал, но в голову лезли разные мысли, и он машинально, не вдумываясь, просматривал текст, пока не задремал.

Самолет прибыл точно по расписанию, у выхода с летного поля его поджидал улыбающийся Мусаев.

Не теряя времени, выехали в прокуратуру. В дороге молчали, Рустама сильно клонило ко сну. Вспомнил, что ел последний раз в обед перед отправкой поезда в Баку.

— Заскочим буквально на минутку ко мне, не возражаете? — нарушил молчание Мусаев.

— Да, пожалуйста, — согласился Рустам, не подозревая, что дома их ждал вкусный обед. Рустам познакомился с женой Мусаева, невысокой улыбчивой женщиной и двумя очаровательными девчушками-близнецами, едва научившимися ходить.

В домашней обстановке Рустам совсем расслабился, и когда уже в прокуратуре начался разговор об убийстве, включился с трудом.

Трагедия произошла вечером неподалеку от райцентра в лесополосе. Тело обнаружили подростки, собиравшие ежевику. Скорее всего женщину кто-то привез на машине и здесь убил. Кто и почему? Вот эти вопросы и стояли перед следственно-оперативной группой.

В заключении судебно-медицинской экспертизы констатировалось, что убийство совершено множественными ударами тупым предметом в голову.

— Мне нужно выехать на место происшествия, много времени это не займет, — обратился Бабаев к Мусаеву.

— Хорошо, хотите, можем вместе поехать.

— Нет, не стоит, — смягчил отказ улыбкой подполковник. — Лучше я сам там поброжу, заодно и сон разгонится.

В лесополосу он выехал вместе с молодым словоохотливым сержантом, водителем патрульной машины, который рассказал о слухах, бродивших в связи с убийством молодой женщины, по фамилии Фарзалиева, работавшей в районной аптеке провизором. Она разведена, и, возможно, убийство организовал муж. Сам он давно выехал из района, живет в Сургуте, но люди не исключают, что убийство его рук дело, нашел кого-то, тем более сейчас он в отпуске, только приехал.

Мусаев эту версию имел в виду, подумал, Рустам, она самая очевидная, отработать ее нужно в первую очередь.

В лесопосадке он пробыл недолго. В тени деревьев было прохладно, в ветвях шумели неугомонные воробьи. Сидя на высохшей верхушке высокого тополя, каркала потревоженная ворона. Кругом росла высокая, зеленая и густая трава.

— Вот тут ее и нашли, товарищ подполковник.

Громкий голос сержанта заставил вздрогнуть от неожиданности.

— Мальчишки увидели ее и подошли ближе, а когда поняли, что убитая, голова изуродована, бросились бежать, остановили попутную машину и приехали в милицию. Молодцы, как вы считаете?

— Я согласен, молодцы.

Ему надо было бы как-то отправить разговорчивого водителя в машину, но не хотелось обижать. Человек ведь уверен, что помогает ему.

Рустам вернулся на шоссе, с трассы место не просматривалось, это наводило на мысль, что преступник местный. Собственно, сомнений по этому поводу почти не было: исключалось, чтобы женщина села в машину с незнакомым человеком. Наверняка, она ему доверяла или появились исключительные обстоятельства. Рустам несколько раз снова неторопливо прошелся по лесопосадке.

В профессиональном уровне Мусаева он был уверен и не сомневался, что осмотр места происшествия сделан квалифицированно, но все-таки надеялся на какую-то счастливую случайность, могущую сослужить добрую службу.

Его внимание привлек причудливо разросшийся куст шиповника, он подошел к нему. Ягоды едва начали краснеть, сорвал одну из них, покрутил в руке и бросил в траву. И тут словно что-то его подтолкнуло. С одной стороны кустарника почти полностью отсутствовали плоды. Присмотрелся внимательно: так и есть. Присев, раздвинув траву, увидел буквально усеявшие траву ягоды шиповника. Стал неторопливо осматривать этот участок. Земля была влажной и сохранила несколько вмятин, похожих на следы от каблуков мужской обуви. Здесь, в стороне от места происшествия, кто-то стоял, и нервно обрывал ягоды, сплющивая их скорее всего большим и указательным пальцами, бросал под ноги. Кто-то дожидался, нервничал. Нужно направить сюда эксперта, пусть поколдует.

Вернувшись в прокуратуру и поделившись своими сообщениями с Мусаевым, Рустам пошел в РОВД, где его

уже ждали работники уголовного розыска. Докладывали коротко все, что узнали об убитой, о беседах с водителями автомашин, предположительно проезжавших вечером на шоссе. Стоявшей у обочины автомашины никто не видел, следов ее выезда в лесопосадку также не обнаружено, хотя на пропитанной влагой земле они, несомненно, были бы заметны.

Но как женщина оказалась ночью в лесополосе, в пяти километрах от дома? Бабаев задумался, сосредоточенно расчерчивая что-то в своем блокноте.

— Вот что, ребята, нам надо постараться найти очевидцев того, как Фарзалиева садилась в машину. Я склонен думать, она приехала на место происшествия на машине. Обойдите еще раз соседние дома, может, что-то прояснится, я пойду пока в народный суд, нужно поднять кое-какие материалы.

Когда Бабаев, спустя некоторое время, вернулся в РОВД, дежурный передал, что звонил Мусаев и просил зайти к нему, он допрашивал бывшего мужа убитой. Рустам не заставил себя ждать.

Высокий, с нервным лицом молодой мужчина, сидевший напротив следователя, встретил его опасливым взглядом. Рустам присел в сторонке, внимательно приглядываясь к нему. Мусаев задавал вопросы, мужчина отвечал, с трудом сдерживая дрожь в голосе, то и дело поглядывая на молчавшего Бабаева. Он явно чего-то боялся. Рустам встал, чтобы взять со стола уже заполненные листы допроса и увидел, как тот втянул голову в плечи. «Неужели думает, я могу его ударить? Ну и ну!» Бабаев углубился в протокол, затем обратился к Мусаеву:

— Разрешите задать несколько вопросов товарищу?

— Задавайте.

— Скажите, пожалуйста, Дадашев, почему два года назад сразу после развода вы уехали в Сургут, с чем это связано?

Мужчина опустил голову.

— Хорошо, тогда другой вопрос. Вы в первый раз за два года приехали в отпуск, а все это время вы переписывались с бывшей женой?

— Нет, не переписывался.

— Последний вопрос, он немного щекотливый, но извините, мы должны знать все о погибшей, чтобы установить убийцу. Почему вы развелись, она изменяла вам?

— Нет, не изменяла.

— Простите, вы в этом уверены?

— Уверен.

— Спасибо, у меня все, поймите меня правильно, вопросы мои не праздные.

После ухода Дадашева Мусаев устало подпер голову руками.

— Неужели он мог пойти на убийство, глупо как-то получается. Приехал в отпуск сводить счета. Правда, есть и другое мнение: уговорил встретиться, предлагал забыть старое, отказ вызвал озлобление. В состоянии аффекта нанес несколько ударов в голову. Потом скрылся.

— А машина?

— Поджидал кто-то из друзей. Не исключая, даже ввел его в курс дела, вызвал сочувствие, мол, и так жизнь поломана, из-за перенесенного позора за тридцать земель от родного дома уехал.

Оба помолчали, выжидательно поглядывая друг на друга.

— Нет, — покачал головой Рустам, — здесь все сложнее, но мне кажется, завтра я смогу ответить на твои вопросы. Сейчас уже поздно. Иди отдыхать, вид у тебя неважный.

— Ну уж нет, — запротестовал Мусаев, — если завтра я получу ответы на некоторые вопросы, значит, уголовный розыск уже чем-то располагает? Вы меня заинтриговали, у меня вся усталость пропала.

— Да, кое-чем располагаем, но боюсь сглазить. Если мои предположения подтвердятся, у тебя завтра будет очень много работы. А сейчас я спешу, до свидания.

Трое оперуполномоченных уголовного розыска ждали подполковника в дежурной части РОВД.

Бабаев выслушал каждого о проделанной им работе, сделав отметки в записной книжке, коротко проинструктировал и отпустил, затем взял трубку и набрал номер. На другом конце провода ответили. Рустам представился и предложил встретиться. Получив согласие, торопливо ушел. В гостиницу он вернулся под утро, чтобы побриться. Администратор, сутулый старик с медалью «Ветеран труда» на лацкане пиджака, передал, что ночью дважды звонил следователь прокуратуры, беспокоился за него.

В отделе, несмотря на ранний час, его уже ждал один из оперуполномоченных.

— Товарищ подполковник, я выполнил ваше поручение. Могу с точностью рассказать о времяпрепровождении Дадашева, начиная с момента, когда он сошел с бакинского автобуса. На автовокзале его поджидал приятель — Ровшан, таксист, кстати, ранее судимый, они из одного села. Уехали домой, отвезли к родителям Дадашева вещи — два чемодана. Ближе к вечеру вернулись в райцентр, несколько раз проехали мимо аптеки, но, по-моему, туда не заходили. Дадашев наменял у киоскера рядом с аптекой двухкопеечные монеты, затем набрал какой-то номер по телефону-автомату, находившемуся неподалеку, но разговор, видимо, не состоялся, так как он сразу повесил трубку.

— Хорошо, спасибо, Вагиф. Езжай к дому родителей Дадашева, возьми участкового, установите круглосуточное наблюдение, особенно ночью.

— Так будем их брать, товарищ подполковник?

— Не торопись, наберись терпения, в нашей службе этот фактор часто становится решающим, а я в прокуратуру. Скоро уже восемь часов.

Мусаев не скрывал радости, увидев Бабаева.

— Ну, ночью немного поволновался, заинтересовали вы меня, чуть свет и сюда, теперь сижу в ожидании чуда. Оно, надеюсь, не отменяется?

— Не должно, — задумчиво протянул Бабаев. — Я почти уверен... — Телефонный звонок прервал его фразу. Мусаев взял трубку. Дежурный просил подполковника Бабаева.

При первых же словах лицо Рустама просияло. Улыбнулся и Мусаев, внимательно следивший за выражением его лица.

— Передай, мы сейчас будем.

— Ну вот, я сдержал слово, — повернулся Рустам к следователю. — Преступник, по фамилии Абышев, задержан. Подробности узнаешь от него самого, и ребята прокомментируют.

— И все же?

— Я не хочу опережать события, а вот когда ты процессуально всекрепишь, изволь, изложу ход своих мыслей. Идет?

— Вынужден согласиться.

Мрачного вида мужчина средних лет, с неприятным прищуром глаз не отрицал свою вину. На вопрос о причине убийства ответил, что Фарзалиева находилась с ним в интимной связи, а в последнее время стала избегать встреч.

Он с трудом уговорил ее встретиться с ним, выяснить отношения. Она в машине начала его оскорблять и тогда он, схватив монтировку, ударил ее несколько раз по голове. Увидев, что она убита, испугавшись, отвез в лесопосадку, там и бросил тело. Причина убийства — ревность, — закончил Абышев. — Правду рассказал и легче стало, — громко, с облегчением вздохнул он.

— А неплохо бы почувствовать еще большее облегчение, — в тон ему сказал Рустам.

Преступник внимательно посмотрел в его сторону.

— Мне и так тяжело, гражданин, не знаю вас по званию, нервы подвели, с любым мужчиной это может случиться. Моему раскаянию предела нет. Поверьте.

Рустам видел, что перед ним крепкий орешек, но был готов к поединку.

— Так зачем вы ранним утром поехали на место убийства, совесть что ли замучила?

— Вот именно. Я на себе убедился в правоте слов о том, что убийцу всегда тянет к месту преступления, помните, Раскольников у Достоевского в «Преступлении и наказании».

— Помню. А зачем вы решили шиповник оборванный под кустом собирать? Фонариком подсвечивали себе. Под деревьями на рассвете темно. На ветках его полно, а вы с земли, да еще раздавленный.

Абышев затравленно посмотрел на Рустама и ничего не ответил.

Мусаев не понял, о чем идет речь, но не выдал своего удивления.

— Когда вы вернулись в машину, полиэтиленовый кулек положили рядом на сидении. Согласно приказу, надо было его куда-то выбросить по пути, хотя бы с моста через полкилометра, но сотрудники уголовного розыска помешали. Согласитесь, нелогично собирать в такую рань помятые, затоптанные ягоды, а потом выбрасывать. Тем более, мы знаем, кто их разбрасывал, ожидая, когда вы привезете Фарзалиеву.

Абышев молчал.

— Чистосердечное признание облегчает вину, я даю вам этот шанс и чуть-чуть помогу. Лично вы ведь не думали участвовать в убийстве, а рассчитывали только попутать. Так ведь? — Не дожидаясь ответа, Рустам продолжил. — Сколько вы получили за доставку Фарзалиевой? —

Сделав паузу, Бабаев привстал со стула. — Назовите сумму, сколько заплачено за услугу. Врать не советую! — отрывисто бросил он.

— Три тысячи!

— Где деньги?

— В машине, под ковриком.

— А где монтировка?

— Выбросил, места не помню.

Бабаев удовлетворенно кивнул головой, прошел к окну, сказал, не оборачиваясь:

— Я думаю, ему не вредно побыть одному, а мы здесь кое-что обсудим.

Когда Абышева увели, обычно невозмутимый Мусаев ударил кулаком по спинке стула.

— Хитрая бестия. Монтировку не отдает, значит, вещей нет. На суде от всего откажется, скажет, по нужде полез в кусты, а тут меня милиция и словила. Случайное совпадение, а во время допроса применили недозволенные методы следствия. Заставили взять вину на себя.

Разволновавшись не на шутку, следователь заходил по кабинету.

— Придется вам бросать и остальные козыри, — заключил он, подойдя вплотную к Рустаму.

— Бросим и их. Я беседовал со всеми лицами, на мой взгляд, причастными к преступлению. С Дадашевым, его другом-таксистом, секретарем народного суда — подружкой Фарзалиевой и, конечно, еще с одним человеком, о котором узнал позже.

Вы ведь наверняка поняли, что за шиповником Абышев поехал не по своей инициативе. Ему приказали, потому что вдруг показалась реальной фраза «подвыпившего» подполковника о том, что местные линкертонны ни черта не смыслят и не заметили, что на шиповнике в десяти метрах от тела убитой с одной стороны ободраны почти все ягоды. Преступник волновался и, ожидая жертву, срывал их, не в силах совладать с собой. Отпечатки-то пальцев остались. Честно говоря, я попросил эксперта тоже проверить, но следы смазанные получают. А преступнику во время нашей встречи я рассказал только первую часть из того, что говорю вам. Он негодовал, просил меня найти убийцу, вот тогда-то я и обнадежил его и, между прочим, намекал на Дадашева.

— Значит, вы виделись с убийцей, — прервал Бабаева следователь.

— Виделся, но тогда он был просто подозреваемым мною лицом, собственно, и сейчас большего о нем сказать не могу. У меня не было полной уверенности, что он здесь замешан, но косвенных улик собрал достаточно. Надо было его подтолкнуть к действию и проверить. Поэтому в беседе с ним вроде бы проговорился, а ребят до этого послал в лесопосадку, предварительно проинструктировал, чтоб задерживали лишь после возвращения в машину. Сам я, попрощавшись с ним, просидел несколько часов у его дома и, когда уже собирался уходить, он выехал со двора на машине. Я ожидал этого. Поехать он мог в две точки, и обе были нами перекрыты. С шиповником он поступил просто, послав туда своего подручного, видимо, верит ему. А тот зависит от него крепко, если даже убийство на себя берет. Парень битый, по всему видно. И версию о неразделенной любви выдвинул быстро, чувствуется, профессионал.

— Но кто же из них убил?

— Полагаю, тот, другой. Он подошел сзади и ударил, когда она повернулась к Абышеву, возмущенная обманом, ей скорее всего сказали, что встречу назначил Дадашев. В пользу этого аргумента и тот факт, что если бы убил Абышев, ему бы не было смысла утаивать место, где спрятана монтировка. Она осталась у шефа, и он не знает ее местонахождение. Пока же он четко выдвинул версию об убийстве из ревности, срок-то не очень большой, да и скосить потом можно. Смотришь, года три—четыре и дома. А шеф отблагодарит, семью содержать будет.

Бабаев продолжил:

— Значит, он не знает, где монтировка. Даже если бы они выбросили ее с моста, он показал бы место, и мы ее подняли металлоискателем. Закрепили его показания, и все дело ушло в суд. Выигрыш ему прямой. В противном случае, он все теряет, даже назвав убийцу, все равно проходит как соучастник. Убийство в группе, с особой жестокостью, срок будет больше.

— Убедительно, но где же главный герой?

— О, это фигура сложная, его придется подождать. А я заодно познакомлю с его художествами. Он прямой виновник того, что у Дадашева распалась семья. Началось с того, как Фарзалиева сразу после института по направлению попала в его аптеку. Скромная, симпатичная, он при-

нялся ее обхаживать, потом, убедившись в бесплодности своих попыток, оклеветал мужа, организовав в аптеку звонок одной своей бывшей знакомой из Баку, отрекомендовавшейся соответствующим образом.

В заявлении о разводе, поданном в суд, Фарзалиева обвиняла мужа в измене, в беседе с секретарем суда поделилась горем, рассказала о звонке.

Потом, видимо, Махмудов своего добился, соседи говорят, стала лучше одеваться, дома у нее появились дорогие вещи. Но свою связь с ней он не афишировал. Между прочим, у меня есть сигнал, что он приторговывает наркотиками, реализует через аптеку похищенные в райбольнице и поступающие наркосодержащие препараты. Фарзалиева не знала о его махинациях. Но вот однажды ей прямо в глаза обо всем сказала школьная подруга, работающая медсестрой в больнице, обозвала аптекаря мерзавцем, спекулирующим на человеческой боли. За дефицитное лекарство для ребенка сотню отвалила, пристыдила и ее тоже. Фарзалиева — натура впечатлительная, я предполагаю, стала с ним выяснять отношения. Махмудов взбесился, он привык видеть в ней свою содержанку, не более, человека, полностью от него зависимого, и поэтому не стал таиться, наоборот, упрекнул подарками, унижал, как мог, заодно и насчет мужа посмеялся. В заключение пригрозил, мол, будешь болтать, опозорю на весь район, все равно ничего не докажешь, оболью грязью.

Участковый инспектор Кулиев видел ее в тот день около РОВД, несколько раз быстро прошла мимо, но решительности не хватило зайти. В тот же вечер она заказала Сургут, просила Дадашева срочно приехать. Это была ее последняя опора в сложившейся ситуации. Хотела излить перед ним душу, попросить прощения, разорвать сеть, в которую попала, загубив себя, будущее. Кстати, парень уже женат, имеет ребенка, но приехал, хотя на руках была путевка в санаторий «Крым». Видимо, она сообщила ему что-то очень важное, попросила помочь.

— Почему же он крутился вокруг аптеки, но не зашел?

— Не хотел встречаться с заведующим, ведь его приезд связан с ним. Но тот его увидел. Не зная, что предпримут бывшие супруги, могут в милицию о его махинациях заявить, он решил нанести упреждающий удар. Поручил Абышеву заехать к концу работы в аптеку, передать Фарзалиевой, что Дадашев ждет неподалеку, сам

поджидал в лесопосадке. Абышев так и сделал, но Фарзалиева что-то задержалась, пришла старушка с рецептом, и шеф прождал полчаса, обрывая от злости ягоды шиповника.

Фарзалиеву встревожил вызов Дадашева. Как я потом выяснил, встречу они уже назначили на девять вечера. Неожиданно приезжает Абышев, которого она знала в лицо, и просит срочно поехать к Курбану, так зовут Дадашева. Она наверняка испугалась за него, зная, на что способен мстительный по натуре шеф. Ход событий в лесопосадке представить несложно. Она возмутилась, увидев очередной обман, хотела объяснений. Возможно, он предварительно задал несколько вопросов, не исключено, пытался задобрить ее, но вместе с тем держал про запас, как последний довод, монтировку, которую взял с собой.

Зазвонил телефон.

— Это меня, — поспешно схватил трубку Бабаев, — мы приближаемся к развязке.

Удовлетворенный услышанным сообщением, он поблагодарил звонившего и приказал ему ехать в РОВД.

— Ну вот, все встает на свои места. Махмудов закрыл аптеку, он уже знает, что Абышев здесь, вся надежда теперь на его твердость и преданность. Сейчас попытается навести у нас справки. Подождем.

Бабаев не ошибся, минут через пятнадцать приоткрылась дверь в кабинет, приветливо улыбаясь, вошел Махмудов. Подобострастно-заискивающе кивнул Мусаеву, он, как к старому знакомому, обратился к Бабаеву.

— Рустам-муаллим, как здоровье, как успехи? Встревожили вы меня вчера разговорами об убийстве. Рядом с ней работал, теперь места себе не нахожу, молодая, симпатичная, правда, погуливала немного, телефон целый день не умолкал. Но что сделаешь, молодая, от мужа натерпелась издевательств. — Усевшись на стул у окна, вытер платком пот, продолжил. — Я как-то попытался ей помочь, да знаете, не решился, сельское место, люди не так истолкуют, скажут, любовник. Эх, жизнь наша! Самые добрые намерения превратно истолковываются.

— Да, жизнь, — сочувственно поддержал разговор Бабаев. — А что Дадашев, уехал или здесь?

— Здесь болтается, накануне около аптеки крутился, не терпелось расправиться. Вот же шакал, своими бы руками придушил.

Махмудов постепенно чувствовал себя все увереннее, перевести разговор на Абышева не решался, хотя очень хотелось прозондировать почву.

— В сарае Дадашева обнаружена монтровка, предположительно ею совершено убийство, — обратился Рустам к Мусаеву, как бы продолжая прерванную мысль.

Тот понял, что подполковник плетет очередную комбинацию и понимающе кивнул головой.

— Скорее всего так оно и есть, направим на экспертизу. Махмудов громко заохал.

— Вай, какой подлец! Молодцы ребята, честное слово, молодцы, — и он обеими ладонями ударил себя по толстым бедрам. — Слов нет, большое дело вы сделали!

Рустам поднял трубку внутреннего телефона.

— Пусть зайдут оперуполномоченные уголовного розыска.

Вошли Сулейманов и участковый инспектор Усубов. Оба появились, словно стояли за дверью.

— Здравствуйте, товарищи! Ломик изъяли, как положено?

— Да, с понятыми, все задокументировали.

— Ясно, — продолжал Рустам, — значит, подъехавший на автомашине «Жигули» мужчина подsunул ломик под крышу сарая во дворе дома Дадашева. Получается, вроде спрятал, а на виду. Так. А вы не заметили, кто это был?

— Заметили, вот этот человек, — и Усубов указал на заведующего аптекой.

Лицо Махмудова покрылось красными пятнами.

— Это провокация, — подскочил он. — Они за это ответят, они врут.

— Спокойно, Махмудов, — тихим голосом прервал эти истерические вопли Бабаев. — Вы, стремясь развратить молодую женщину, изошренно продумали западню, разбили ей семью, но и этого вам показалось мало, заманили в лесопосадку, убили, потом расставили сети Дадашеву. По мере обработки стекающей информации я понял, что вы опасный враг. Вы предложили всем нам страшную игру, будучи уверены в своей неуязвимости, но, как видите, проиграли. Правильно говорят, на каждого мудреца довольно простоты. На шиповнике вы поскользнулись, потеряли равновесие, на нем я вас немного пошатнул. Поездка к Дадашеву — это уже вторая ошибка, свидетельство вашей растерянности. Я ее тоже не исключал.

Махмудов, как от ударов, все ниже опускал голову.

Когда арестованного увели, Рустам нетерпеливым движением схватил трехлитровый графин с водой и, не отрываясь, наполовину выпил содержимое, затем перегнулся через подоконник и вылил оставшуюся воду себе на голову, удовлетворенно охнув.

Мусаев смотрел на него молча и удивлялся: подполковник, казалось, постарел на глазах. Осунувшийся, усталый взгляд, бледное лицо, ссутулившиеся плечи. «Нелегко ему удалось вытягивать эту тоненькую ниточку, переросшую в крепкий, тугой канат, спеленавший преступника», думал Мусаев.

А тем временем Бабаев, быстро и аккуратно расчесав волосы, повернулся к нему лицом, улыбнулся, и, как по волшебству, перед ним вновь предстал крепкий, неунывающий, энергичный старший оперуполномоченный по особо важным делам.

СГОРЕВШАЯ АВТОМАШИНА

Пять часов в пути пролетели незаметно. Рустам чувствовал себя отдохнувшим. Уютно устроившись в кресле междугородного автобуса, он и не заметил, как его охватил сон.

И вот он уже на месте назначения.

Высокий, атлетически сложенный начальник районного отдела внутренних дел майор Садых Ширалиев встретил его на автовокзале. Обхватив Рустама своими ручищами, обнял его.

— Здравствуй, дружище. Как хорошо, что именно тебя к нам направили. Давно мы не виделись, соскучился по тебе.

Уже в машине он, сразу посерьезнев, сказал:

— Дело неприятное у нас, утром поговорим, а сейчас поехали спать. Остановишься у меня, не возражай, вопрос решен.

Глядя на Садыха, Рустам отметил про себя, что его одноклассник, никогда не унывающий весельчак, здорово изменился. Седина заметно проступила на волосах, когда-то иссиня-черных. Ниточка усов тоже сплошь белая.

В школе милиции они были неразлучными друзьями, но в последние годы виделись все реже и реже.

Садых забросал его вопросами о сокурсниках, о том, кто где служит, у кого какие изменения. Человек энергичный, общительный, он переписывался, перезванивался почти со всеми, и, как выяснилось, знал о ребятах больше Рустама.

Дома их уже ждал ужин. Жену Садыха, Лейлу, Рустам знал давно. Его друг женился на втором курсе. Будто недавно это было, а их дочери Ираде уже двенадцать лет. За столом вновь начались расспросы, воспоминания о курсантских годах.

Когда Лейла ушла спать, Садых не удержался, заговорил о деле. Рассказ его не оставлял сомнений в том, что произошел не несчастный случай, а тщательно продуманное, опасное преступление.

...Сгоревшую автомашину ЗИЛ-130 обнаружили рано утром неподалеку от деревни Чархи. Остался от нее один металлический остов. В кабине нашли обуглившийся труп водителя. Назначенные по делу экспертизы не внесли определенной ясности, а вот осмотр места происшествия кое-что дал. Прежде всего, следственно-оперативная группа выяснила, что машина принадлежала районному автохозяйству, она перевозила объемную пряжу с прядильной фабрики на трикотажную фабрику в соседний район. Водитель Асим Курбанов, двадцати восьми лет, с полгода как освободился из мест лишения свободы, работал четвертый месяц. В машине было около двух тонн пряжи, упакованной в двадцать восемь ящиков, стоимость ее составляла свыше двадцати пяти тысяч рублей. Но самое главное — оказывается, каждый из ящиков обвязывался крест-накрест крепёжной металлической лентой, на месте же происшествия было обнаружено всего восемь таких лент. Таким образом, можно было предположить, что сгорели лишь четыре ящика, а остальные исчезли неизвестно куда, значит, кто-то их похитил.

Исходя из этого, все версии, выдвинутые по делу, сводились к тому, что неизвестные лица напали на машину с целью завладения пряжей, это основной мотив. Водитель, возможно, сопротивлялся или знал этих людей и поэтому был убит. Вот, собственно, все, чем располагает следственно-оперативная группа.

Эту ночь Рустам спал урывками. Просыпался, ворочался с боку на бок, анализировал рассказ Садыха. Нужно было правильно определить направление розыска преступников, отбросить нереальные версии, чтобы не распылять силы, не отвлекаться. Судя по всему, преступники, или по крайней мере один из них, проживает где-то поблизости, хорошо знает местность, возможно, ехал за машиной. У них имеется транспорт, куда перегрузили груз. Их наверняка

не меньше двух-трех человек, это раз. Второе, надо выяснить, кто из местных жителей занимается изготовлением кустарным способом изделий из объемной пряжи, кто им поставяет сырье, занимается сбытом продукции. Нужно более тщательно изучить личность водителя, его образ жизни, связи, побывать на обеих фабриках — прядильной и трикотажной, побеседовать с людьми.

Утром на оперативном совещании он коротко сформулировал и обосновал свои соображения, определив каждому из сотрудников его задачу. Сам отправился на прядильную фабрику. Расположена она была на окраине города в самом старом районе. Вокруг теснились одноэтажные домики, где в основном проживали рабочие фабрики.

Директор — пенсионного возраста грузный мужчина, в шляпе и мешковато сидящем костюме, встретил Рустама настороженно. Внимательно изучив его удостоверение, снял толстые в роговой оправе очки и только после этого спросил, чем может быть полезен старшему оперуполномоченному Управления уголовного розыска республики. Рустам спросил о сгоревшей автомашине.

— Об этом говорит вся фабрика, — вздохнул директор, — случай беспрецедентный. Ладно уж пряжа на огромную сумму сгорела, но ведь еще и человек погиб. Я не раз обращал внимание руководства автохозяйства, чтобы направляли к нам лучших водителей, с исправными машинами. У них груз особенный, легко воспламеняющийся, малейшая искра и все, — директор взволнованно развел руками, — да разве только это, ведь водители, как один, заядлые курильщики, много ли надо для пожара.

С Курбановым директор, естественно, знаком не был, может и видел когда, но не помнил, хотя в цехе готовой продукции его наверняка знают.

Они вместе спустились в цех, где их встретил сутуловатый, с холемым лицом, в тщательно подогнанном костюме заведующий складом цеха готовой продукции Гейдаров. Он хорошо знал Курбанова, тот часто выполнял наряды на фабрику, парень аккуратный, добросовестный. Правда, слышал, что сидел за что-то, но дело, как говорится, житейское, всякое бывает. В тот день приехал, как обычно, оформил накладную, загрузил и уехал. А утром сообщили о несчастном случае.

На вопрос, чем мог быть вызван пожар, Гейдаров задумчиво покачал головой: дело нехитрое, то ли сигарета,

то ли искра, мало ли. Рустам попросил показать документацию, еще раз убедился, что в фактуре указан отпуск двадцати восьми ящиков. Отметив про себя, что в тот день получали продукцию семь машин, решил обязательно переговорить с грузчиками, может, видели, не ждал ли кто-нибудь Курбанова за проходной, как вообще он вел себя в тот день. Вернувшись к директору, попросил узнать, сколько грузчиков работает на складе готовой продукции. По штату их числилось пятеро, один в тот день был на больничном, другой в отпуске и таким образом оставалось трое. Он решил, не откладывая, побеседовать с ними и, сказав об этом директору, отправился на погрузочную площадку.

Грузчики сидели под небольшим навесом, курили в ожидании, когда подадут очередную машину. Рустам представился, присел рядом на свежевыструганную лавку, закурил. Только он собрался заговорить о Курбанове, как его опередил небритый парень, приземистый, в джинсовых брюках. С нескрываемой враждой посмотрев на Рустама, он коротко бросил:

— Что молчишь, говори, в чем дело.

Такой неожиданный оборот несколько озадачил и насторожил. Видимо, парень считался у этой тройки старшим и поэтому взял на себя инициативу, но почему такая реакция?

Крепкий хлопец, думал Рустам, глядя в его жесткие, со злым прищуром глаза, отметив, как нервно теребили брезентовую куртку его крупные, сильные руки. Что это он разволновался?

Широко улыбнувшись, с деланной наигранностью ответил:

— Познакомиться вот пришел, служба такая.

Грузчик, не приняв этого его тона, промолчал, но глаз не отвел.

— Вот что, ребята, про сгоревшую машину и про смерть водителя вы уже знаете, мы ведем расследование, хочу с вами побеседовать, кое-что выяснить.

— Виноватых ищите? — снова не выдержал парень в джинсах, — побеседовать..., знаем, какие вы мастаки беседовать. Нечего петлять, не пацаны, сообразить не трудно, куда «ведешь», начальник! Небось, Гейдаров настучал, что загорелась пряжа по нашей неосторожности. Так вот, отметь себе, мы эту машину не загружали, лучше познакомься с теми, кто это делал.

Парень хотел было встать, но Рустам его удержал.

— Постой, а кто же еще, кроме вас, мог это сделать?

— Не знаю, начальник, сами разбирайтесь, а нас в это дело не впутывай, и так тошно! Нам пора. Вон машину подали.

Он резко поднялся, посмотрел на товарищей, те послушно встали и пошли за ним.

Рустам докурил сигарету, глядя, как сноровисто и ловко складывали грузчики громоздкие тюки. Потом отправился в отдел кадров, выяснил их фамилии, записал адреса и уже собрался уходить, когда у проходной к нему подошел один из грузчиков, смуглый, с длинными до плеч волосами. Видимо, НаDIR Мамедов, предположил Рустам.

Он заговорил торопливо, то и дело сбиваясь и оглядываясь по сторонам.

— Товарищ следователь, вы извините, Гусейн вам нагрубил, он сестры моей муж. Дважды сидел, теперь завязал намертво, боится он, что пожар ему пришьют, все же судимый. Теперь пряжу как-то надо списать, найти виновного. Поверьте, не грузили мы эту машину. Асим как приехал на перерыв, так и стоял у склада с упаковщиком Тофиком. Обычно он к нам подходил, с Гусейном трепался, они ведь кореша, вместе срок отбывали, а тут хоть бы слово сказал.

— Хорошо, спасибо, мы все выясним. Напрасно Исмаилов, так кажется его фамилия, разволновался, — успокоил парня Рустам. — Видите, я оказался прав, нам все-таки нужно было поговорить. Сегодня в семь часов я вас жду в райотделе, спросите подполковника Бабаева.

Рустам не стал вызывать машину, решив пройти пешком, прокрутить в памяти услышанное на фабрике. Получалась довольно странная картина. Автомашину Курбанова грузчики не загружали, а кроме них вряд ли кто это сделал бы. Одному ему не под силу, да и зачем ему надрываться. Но с другой стороны, грузчики могли договориться, боясь, что их обвинят в пожаре. С ними все-таки надо побеседовать обстоятельно.

В отделе его уже ждали. По довольному виду Ширалиева догадался, что есть новости, и не ошибся.

Оказалось, в автохозяйство Курбанову помог устроиться через своего знакомого заведующий складом Гейдаров. Как правило, его протеже выполнял все заявки прядильной фабрики. Кроме того, жена погибшего водителя рассказала,

что накануне тот выглядел очень расстроенным, собирался взять больничный, жаловался на головную боль.

Вечером, часов в девять, к нему позвонили, о чем он говорил и с кем, жена не знает. Но помнит, как муж спрашивал о Гусейне, потом оделся, отсутствовал минут сорок, вернулся чуть навеселе, сразу улегся спать.

— Вот, собственно и все, но нужно уточнить все про Гусейна, может прояснится. А что у тебя? — Садых спросил это таким тоном, будто не сомневался, что у Рустама обязательно есть важное сообщение.

— Да так, некоторые добавления к вашим сведениям. Гусейн Исмаилов отбывал наказание с погибшим. Работает на фабрике грузчиком, парень битый, думаю, что-то знает. Я его пригласил сегодня сюда, побеседуем. Еще интересная деталь: оказывается, грузчики пряжу в эту машину не загружали, во всяком случае, они так утверждают. Поручи, пожалуйста, участковому побеседовать с соседями убитого, может, кто видел его в тот вечер. Если поблизости есть какой-нибудь буфет или ресторан, пусть выяснит, а вдруг он заходил с кем-нибудь. Например, с тем, который звонил.

Разговор с грузчиком, на который так рассчитывал Бабаев, не получился, Гусейн либо отмалчивался, либо отвечал односложно.

Асим освободился спустя пару месяцев после него и в первый же день пришел в гости, посидели, поговорили, тогда он и предложил ему устроиться на фабрику шофером.

Утром, встретившись, пошли в отдел кадров, но неудачно, там ответили, что водители не нужны. Решили тогда временно идти в грузчики, подошли к Гейдарову, рассказали в чем дело, он и предложил устроить в автохозяйство. Сам позвонил, договорился. Вот и все.

Чувствовалось, Исмаилов чего-то недоговаривает, но зная по опыту, что в таком состоянии большего он из него не вытянет, Рустам поблагодарил за помощь и не стал его больше задерживать.

Теперь нужно было еще раз побеседовать с Гейдаровым, выяснить, почему он не сказал, что помог Курбанову в устройстве на работу.

Позвонив начальнику в Баку, Рустам доложил обстановку, а потом вместе с Ширалиевым еще раз проанализировал сделанное за день. Конечно, больше всего их сейчас интересовало, кто грузил машину погибшего и с кем тот

встречался вечером, накануне убийства. Первое они еще раз проверят завтра на фабрике, а второе будет зависеть от того, удастся ли участковому инспектору что-либо узнать, вдруг кто-нибудь из соседей вспомнит.

Утром он вновь отправился на фабрику. На этот раз зашел сразу к Гейдарову. Тот, все так же приветливо улыбаясь, рассказал, что действительно звонил в автохозяйство, там у него главный механик знакомый, просил посодержать парню. За что тот был судим, Гейдаров не спрашивал, да и зачем ему.

Вопрос, кто грузил машину погибшего, был для него неожиданным, на мгновение погасла даже его всегдашняя приветливая улыбка. С секунду помедлив, он недоуменно развел руками: «грузчики, разумеется, кто же еще?»

— Но они утверждают, что не загружали эту машину.

— Не загружали? — растерянно переспросил Гейдаров. Видимо, ему стоило большого труда совладать с собой. Он встал, напряженно думая, что ответить, подошел к окну, потом, резко повернувшись к собеседнику, пожал плечами:

— А что им остается делать, пожар-то мог возникнуть и по их вине!

Разговор с Гейдаровым оставил какое-то неясное чувство. Заведующий складом явно нервничал, чего-то боялся. Почему он так разволновался, когда услышал, что грузчики машину не загружали? Возможно, на складе был кто то еще, кто это сделал, и он скрывает. Но зачем это ему? Ох уж, эти вопросы, ответишь на один, возникают другие. Как в сказке о гидре — на месте отрубленной головы вырастает другая.

Рустам не заметил, как добрался до отдела. Первым, кого он увидел, был участковый инспектор лейтенант Залов.

— Я вас дожидаясь, товарищ подполковник, — козырнул лейтенант. — Тут кое-что проясняется. Во-первых, соседка Курбанова заметила его в тот вечер с высоким мужчиной, сутуловатым, с усиками, в замшевой куртке, прямо у дома. Это примерно часов в девять вечером было. Позже их видели уже в шашлычной, в десяти минутах ходьбы.

— Высокий, сутулый, в замшевой куртке, с усиками, — задумчиво повторил Рустам, а не Гейдаров ли это? Если он, тогда многое прояснится. Возможно, разговорится и

Гусейн. Коль скоро о нем шла беседа, значит, он играет какую-то роль в этой истории.

Поблагодарив лейтенанта, Рустам поручил ему вызвать ж семи часам соседку.

После беседы с женщиной он был почти уверен, что она видела именно Гейдарова. Поблагодарив ее, Рустам зашел к Ширалиеву поделиться своими соображениями.

В кабинете у Садыха сидел средних лет мужчина с багровым от напряжения лицом. Разговор, видимо, шел нелегкий, тяжело дыша, он то и дело вытирал пот со лба.

— Продолжайте, Халилов, это товарищ из Баку, ему ваш рассказ тоже небезынтересен.

Мужчина вопросительно посмотрел на Рустама, недоуменно пожал плечами.

— Это, собственно, все.

— Что значит все? Получается, что нашли пряжу на свалке. Значит, кто-то ее там спрятал. А вы не подумали, что надо сообщить о находке в милицию? Сочли за лучшее ее продать?

— Да, вначале мелькнула такая мысль, но мне деньги нужны были, я и продал ее за сорок рублей.

— Всю, что там была?

— Конечно, старуха Кязимова Диляра вязанием занимается, я ей и предложил все забрать, она обрадовалась, еще благодарила. Вы уж извините, что так нехорошо получилось, но больше не повторится. Я и деньги ей могу вернуть, если пряжу заберете у нее.

В кабинете воцарилось молчание. Было слышно, как внизу в дежурной части отдела зазвонил телефон.

— Товарищ начальник, я могу идти? А то отрываю у вас время, — прервал молчание Халилов.

— Идти? — переспросил Ширалиев таким удивленным голосом, что Рустам еле сдержал улыбку, глядя на своего друга.

А тот, выдержав паузу, продолжил:

— Ведь вы не все рассказали, как обещали, пряжу-то у вас не только Кязимова покупала, вспомните хорошенько.

Халилов замигал своими маленькими глазками, с деланно возмущенным видом развел руками.

— Что вы, товарищ начальник, наговаривают, сейчас знаете, как бывает? — и, посмотрев на Рустама, словно ища поддержку своим словам, он покачал головой.

— Тогда Халилов, придется вам у нас задержаться,

вспомнить кое-что, а мы за это время людей сюда пригласим. Назвать фамилии?

Этого Халилов явно не ожидал, видно было, он только теперь понял, что милиция не случайно вышла на него. Ему теперь уже не было смысла упираться, себе хуже делать. С минуту помолчав, он стал рассказывать, как случайно познакомился с Тофиком Гаджиевым, упаковщиком склада готовой продукции прядильной фабрики, тот и предложил ему по дешевке пряжу покупать. Спрос на нее большой, заработать можно легко, вот и не удержался. Почти полгода прошло, сбыл он за это время около сотни килограммов пряжи, третью часть выручки оставлял себе, остальное отдавал Тофику.

— Хорошо, все это подробно напишите, постарайтесь вспомнить поточнее время, кому сколько продали, за какую цену, — подвел черту Ширалиев.

Когда Халилова увели, Садых озабоченно покачал головой.

— Вот, пожалуйста, оказывается на фабрике не так благополучно, как казалось. Что это за Гаджиев? Халилов вряд ли будет врать, а вот интересно, сколько таких Халиловых у него? Около ста килограммов только через него одного сбыл, с размахом парень, а?

Рустам, зная манеру друга рассуждать вслух, не торопился с ответом. В душе он уже ругал себя за то, что побывав на складе, не поинтересовался никем, кроме заведующего и грузчиков. Тут только вспомнил он, что Исмаилов тогда говорил ему, что упаковщик стоял с Асимом в обеденный перерыв.

Вот все-таки как бывает, вроде все проанализируешь, взвесишь, а какой-то, на первый взгляд маленький штрих упустишь и потеряешь время.

— Вот что, давай-ка я съезжу за этим Тофиком, и сам его здесь допрошу, — предложил он Ширалиеву.

Гаджиев оказался высоким краснощеким парнем лет двадцати, за его внешней рыхлостью скрывалась недюжинная сила. Вначале он попытался играть в молчанку, прикидывался простачком, но как только его ознакомили с показаниями Халилова, перестал запираться.

Подробно рассказал, как на машине Асима не раз возил пряжу с фабрики. Потом об этом случайно узнал Гусейн, оказывается, Асим ему сам похвалился. Гусейн

шум поднял, дружка своего обругал, подонком назвал, чуть морду ему не набил, угрожал.

— Когда это случилось?

— Ну вечером, накануне пожара. Сцепились они у пивного ларька, еле мы их растащили.

— Кто это вы?

— Я, Халилов и еще двое ребят посторонних. Асим тут же сразу домой ушел, ну а мы еще по кружке пива выпили, постояли. А насчет пожара я через день узнал.

— Как вы думаете, Гусейн мог это сделать? — спросил Рустам.

— Я этого не говорил, — мгновенно отпарировал Гаджиев, — то, что знаю, сказал, это вы учтите, пожалуйста, чистосердечно признаюсь, что действительно продавал пряжу.

— За это не беспокойтесь, мы здесь все учитываем, вы пока пройдите в комнату рядом, там все расскажите.

Упаковщика увели.

— Вот видишь, опять Гусейн, — задумчиво проговорил Садых. — Не нравятся мне это слишком частое напоминание о нем, да и парень битый, недооцениваем мы его.

— Почему недооцениваем? Кое-что выяснили. Интересно, почему у них ссора произошла?

Рустам подошел к окну. На улице было темно и безлюдно. Где-то недалеко звучала музыка.

Сегодняшний день кое-что прояснил, но ничего конкретного по убийству у них пока не было.

Утром Бабаев попросил вызвать с работы Гейдарова, накануне он тщательно продумал вопросы к нему, понимая, как много зависит от этого разговора.

Гейдаров пришел где-то без пятнадцати девять, поздоровался, с понимающей улыбкой терпеливо ждал начала беседы.

Рустам не торопился, внимательно посмотрел на него, предложил сигарету. Тот поблагодарил, чиркнул дорогой зажигалкой, затянулся.

— Эльман Караевич, когда вы беседовали с Курбановым в ресторане накануне его смерти, что он вам сказал о Гусейне?

Не ожидавшему такого начала Гейдарову потребовалось заметное усилие, чтобы держаться внешне спокойно, но выдавали подрагивающие пальцы, державшие сигарету. Он

помолчал, не зная, что ответить, то ли отрицать эту встречу, то ли рассказать, как было.

Рустам не преминул воспользоваться его растерянностью, понимая, как важно психологически правильно использовать этот момент.

— Вы ему позвонили примерно в девять, предложили встретиться, он вначале отказывался, потом согласился. Теперь продолжайте вы. Нам нужно кое-что сопоставить и не надо ничего скрывать.

На лбу Гейдарова выступили крупные капли пота, чувствовалось, он лихорадочно вспоминает тот вечер, напряженно думает, откуда у подполковника эти сведения. Но заговорил он против ожидания своим обычным ровным голосом.

— Я не придавал значения этой встрече с ним. Ну, несчастный случай, это понятно, это уже прошло, человеку не поможешь, а ворошить грязь не хотелось. С Гусейном у них конфликт произошел, вот я и позвонил, знаю, оба судимые, мало ли что произойдет, бросит сигарету в машину и все, а нам расхлебывай. Думал, помирю, тем более, сам устраивал этого Асима, жалко было. А вот теперь влип из-за них в историю. — Он облокотился на спинку стула, показывая всем своим видом, что опростоволосился. — Знаете, как-то не хотелось мне в это дело лезть, рассказывать, я думаю, вы поймете причину — грузчики, судимые, короче, шпана.

— Я вас понимаю, — Рустам сочувственно кивнул головой.

Что ж, теперь он не сомневался в том, что Гейдаров здесь не случайная фигура. Он знал о ссоре, но от кого, — от Халилова, скорее от Гаджиева, не случайно ведь тот побежал к нему домой рассказывать. Они все повязаны одной веревочкой. Этот в свою очередь звонил Курбанову.

— Простите, если можете. Виноват я перед вами, — проговорил Гейдаров.

— Сразу надо было все нам рассказать, да, еще вот вопрос, насчет драки вам сообщил Гаджиев? Мне хотелось бы узнать от вас, что послужило причиной ссоры Асима с Гусейном? Ну, естественно, со слов Гаджиева.

Уже расслабившийся Гейдаров вновь попал впросак, не ожидая такого оборота, не зная, как ответить, молча глядел перед собой. С подполковником надо держать ухо востро.

В кабинете повисла напряженная тишина. Бабаев вызвал начальника отдела уголовного розыска и, поручив взять объяснение, вышел из кабинета.

Теперь дело за Гусейном, его он поручил пригласить к двенадцати часам.

Тот пришел не один, а с Надиром Мамедовым и молодой женщиной, видимо, женой. Рустам заметил, парень как-то сник со времени их последней встречи.

На вопрос о драке ответил уклончиво, было дело, чуть не подрались, причину назвать отказался.

— Что это? Зачем ему держать стойку, — не мог понять Рустам, — то ли боится кого-то, то ли сам замешан.

— Вы знали, что Гаджиев и Курбанов воровали пряжу? Только не спешите с ответом, я вас предупреждаю об ответственности за дачу ложных показаний.

Гусейн усмехнулся:

— Я уже об этом слышал, спасибо. О кражах ничего не знал.

— Вам о них сказал сам Асим.

Помедлив, Исмаилов утвердительно кивнул.

— Да.

— Из-за этого и произошла ссора? Послушайте, Гусейн, зачем вы усложняете ход расследования, расскажите, о чем вы с ним говорили. Это очень важно, на следующий день его убили, он не сгорел, вы это понимаете?

— Убили? — Гусейн вскинул голову и привстал, сжав кулаки. — Это неправда.

— Правда, у нас есть основания для такого вывода. Ведь вы его друг и должны помочь, именно с вами он поделился своим секретом.

Гусейн опустил голову, до крови прокусил губу.

— Хорошо, я скажу, только вызовите сюда Гаджиева, в его присутствии скажу, чтоб не думали, что вру или боюсь.

— Мы и не думаем, поэтому просим рассказать все.

Гусейн, помолчав с минуту, попросил бумагу. С полчаска он старательно водил своими огромными руками ручку, бесконечно зачеркивая и переправляя.

Закончив, он вздохнул, выпил стакан воды и протянул листок Рустаму.

Пробежав глазами, тот отложил листок в сторону, взял у Гусейна повестку, сделал отметку.

— Спасибо, до свидания. Вы можете понадобиться, пожалуйста, никуда не отлучайтесь.

Проводив парня взглядом, он подошел к окну и увидел, как взволнованно встретил его Мамедов и похожая на него женщина, взявшая Гусейна под руку.

Теперь многое стало на свое место. Ссора произошла из-за того, что Исмаилов пытался переубедить Курбанова, предупреждал не ввязываться в левые дела. Тот оправдывался тем, что недавно женился, нужны деньги, пообещал вскоре выйти из дела. Для примирения предложил выпить пива. У ларька к ним подошел Гаджиев, которого Гусейн не терпел, и поэтому завелся. Асим стал заступаться, так словесной перепалкой все и закончилось, не более.

На следующий день он как увидел их вдвоем у склада, вовсе разолился, на приветствие Асима даже не ответил. Ясно ведь, чем все это могло кончиться, рано или поздно заловят на таких делах. Жалко дурака. ЗИЛ Асима простоял до 16 часов, потом уехал.

Какую роль во всем этом играл Гейдаров? Кутила и пижон, получавший долю с мелких жуликов — Гаджиева, Халилова — или делец, держащий их в кулаке? Надо попросить Садыхова назначить на фабрике проверку по линии БХСС, каким путем получались излишки. Скорее всего, крадут именно на складе и Гейдаров в курсе, иначе зачем бы его предупреждали. А может, боясь, что Гусейн заявит, они и попытались похитить предназначенный на отправку груз или заполнить недостачу.

Стоп, а может, они и не грузили его в машину, а бросили всего четыре тюка, это мог сделать и Гаджиев. Но зачем тогда убивать Курбанова? Только в том случае, если он отказался поджигать машину, что очень вероятно. Этого они от него не ожидали. Тогда догнали его на трассе, попытались убедить, он продолжал стоять на своем. Они, но кто они, кто догнал? Гаджиев, Гейдаров, а может, совершенно неизвестный им пока человек.

Рустам зашагал по кабинету, каждым нервом ощущая напряжение мысли.

Наверняка, убийца был на машине, это пока все, что о нем известно. Машина стояла на обочине, судя по всему, убийца поднялся в кабину, пытался уговорить. Убивать на дороге, потом затаскивать труп в кабину рискованно. На это потребуется время, могут увидеть с проезжающих машин. А так — ударил чем-нибудь, вероятно, ножом, и

не в голову, экспертиза установила бы повреждение черепа. Затем поджег тюки, бак с горючим, и через несколько минут машина полыхала, как факел.

Что же, эти предположения имели право на жизнь. Нужно еще и еще раз осмотреть место происшествия, прочесать всю территорию в радиусе километра. Опросить жителей селений, расположенных вдоль трассы. Установить по часам, где находились в тот злополучный день Гейдаров, Халилов, Гаджиев.

Садых сразу согласился с предложениями Рустама. Получив конкретные задания, на место выехали несколько групп сотрудников.

Рустам отправился в ближайшее от места происшествия селение. Вместе с участковым, молодым лейтенантом, недавно принявшим участок, они ходили по дворам, беседовали с сельчанами. Люди знали о пожаре, происшествие обросло домыслами, но ничего конкретного выяснить не удалось, единственное — мальчишки, перегонявшие вечером через дорогу стадо коров, запомнили, как водитель новых зеленых «Жигулей» чуть не сшиб теленка. Эта машина направлялась в сторону от райцентра.

Вернувшись в отдел, Рустам попросил на всякий случай проверить сколько в районе зеленых «Жигулей». Работники ГАИ быстро представили список. Отдав его Ширалиеву, Рустам попросил показать его участковым, они знают людей и побеседуют с каждым из владельцев.

Тем временем сам анализировал итоги осмотра территории, прилегающей к месту происшествия. Оказалось, примерно в пятидесяти метрах от сгоревшей автомашины обнаружены масляные пятна, видимо, здесь долго стояла автомашина, у которой, возможно, протекал картер. Судя по величине пятна, машина стояла долго. Обнадежила находка, сделанная неподалеку в небольшой роще — большой, с загнутым лезвием садовый нож.

— Чувствую, становится горячо, — не скрывал радости Ширалиев. — Преступник поджег машину и, отбежав на приличное расстояние, выбросил нож, отпечатки по всей вероятности остались, можем проверять.

Рустам озадаченно нахмурил брови. Если преступник был на машине, то зачем бросать нож на месте преступления, не проще ли сделать это, отъехав на несколько километров? Надо проверить, есть ли следы крови на лезвии. Сомнительно все это.

Владельца ножа нашли неожиданно быстро. Он про-

живал в селении, где побывал Рустам. Оказалось, вечером решил срезать себе удилище, взял нож и направился в рощу. Облюбовал длинную гибкую ветку и только собрался ее отрезать, как услышал громкий крик со стороны дороги. Подбежал ближе и увидел, как из кабины автомашины ЗИЛ-130 с противоположной от водителя стороны выскочил мужчина и побежал к стоящим поодаль зеленым «Жигулям». Сразу от ЗИЛа потянуло дымом, показались языки пламени. Не желая ввязываться в историю, сельчанин ретировался, но впопыхах забыл нож.

Рустам недолго беседовал с ним. Мужчина производил впечатление бесхитростного, но крайне ограниченного человека. Вряд ли он мог опознать уехавшего в зеленых «Жигулях», так как никаких примет не запомнил. Если не считать того, что человек, выпрыгнувший из машины ЗИЛ, оступился и, падая, оперся на колено.

Ширалиев ходил, как в воду опущенный, да и было от чего, нож, с которым он связывал надежды, оказался пустым номером.

Вернулся один из участковых. Проживающий у него на участке владелец зеленых «Жигулей» пенсионер Гумбатов сообщил, что его автомашиной часто пользуется племянник. Работает в колхозе трактористом, ранее судим.

— Где он проживает? — оживился Бабаев.

— По соседству с дядей.

— Едем к нему.

Неужели вышли на убийцу? — думал Рустам, мысленно подгоняя милицейский УАЗик. Вполне возможно, что парня подговорили на убийство, отвалив солидный куш.

Племянника дома не оказалось.

— А что, если он скрылся, узнав у дяди, что им заинтересовалась милиция?

Это будет непростительно, корил себя Рустам. Участковый здесь ни при чем, он выполнил его указание. Нельзя было терять время, надо дать команду о его задержании.

От невеселых раздумий Бабаева отвлек участковый.

— Товарищ подполковник, вот тот, кого мы ожидаем.

К воротам подкатили зеленые «Жигули», за рулем сидел угрюмого вида парень. При виде участкового насутился.

Против ожидания он оказался разговорчивым.

Да, машину берет часто, у него есть доверенность.

В интересующий их день она также была у него. Был в гостях у товарища и с обеда до следующего утра за руль не садился, у него есть свидетели. Можно проверить.

— Хорошо, проверим, а позвольте узнать, у кого в гостях вы были?

— О, — парень поднял указательный палец вверх, — у своего друга Тофика.

— А как его фамилия?

— Гаджиев, он работает на фабрике и меня обещал туда со временем устроить.

— Гаджиев, — как бы для себя переспросил Бабаев. — А он сам никуда не уходил?

— А куда ему идти, мы вдвоем три бутылки водки выпили, закуска хорошая была.

— А потом?

— Не помню. Утром проснулся, позавтракали, и я поехал по делам.

— А раньше ты бывал в этом доме?

Парень тупо уставился на него.

— Раньше нет, я хожу в гости тогда, когда меня приглашают.

— Ясно, — подвел итог разговору Бабаев.

Когда за парнем закрылась дверь, Рустам с часок поколдовал с записями, поделился соображениями с Садыхом, а потом вернулся в выделенный для него кабинет, прилег на раскладушку и задремал.

Проснулся от частых надрывных криков петухов. Размявшись, позвонил по внутреннему телефону дежурному, спросил Ширалиева.

— Начальник у себя, — доложил дежурный.

— Ты что это не докладываешь старшим о своем прибытии? — пошутил Рустам, входя в кабинет к другу.

— Доброе утро, товарищ начальник, — в тон ему ответил Садых. — Присаживайся. Я поздно приехал, не хотел тебя тревожить. Домой ехать не имело смысла, и я тоже переспал на диване. Твое задание я выполнил. Оперативники мои ни на минуту не присели, везде успели. Хорошие у меня ребята, — Ширалиев широко улыбнулся, — представляешь, парень первый год работает, а какой оперативник, я...

— Ладно, — нетерпеливо перебил друга Рустам, — ты его похвалишь потом, а сейчас о деле. Что выяснили?

— Зеленые «Жигули» действительно стояли во дворе

Гаджиева в день убийства часов с двенадцати. Но примерно с четырех до семи они отсутствовали. Мы вокруг да около разговоры вели, мол, машины воруют, и выяснили у соседского мальчугана кое-что по интересующему нас факту.

— Если мы на верном пути, убийца использовал машину, чтобы встретить Асима на трассе. Кто бы это мог быть?

— Во всяком случае, не Гейдаров. Он после обеда безотлучно находился на работе. А вот грузчика Гусейна не было.

Рустам приподнялся от неожиданности:

— Как не было? Ну и подонки! Все рассчитали. А где он сейчас?

— Дома, я проверил. Пошлю за ним ребят.

— Не надо, я поеду к нему сам.

* * *

Исмаилов жил в стареньком покосившемся домике. Дверь открыла жена, позади нее в коридоре с малышом на руках стоял Гусейн. Увидев Бабаева, сжал губы. Пройти в дом не предложил.

— Извини, что без приглашения, но нам нужно поговорить.

Гусейн молча глядел на него. Они прошли на кухню. Рустам сразу приступил к делу.

— Слушай, парень, тебя умело подставили. Ты знаешь, что это значит. Поэтому не валяй дурака, скажи, где ты был в день убийства с 15 до 19 часов. Поверь, это очень важно. Кто тебя отправил с работы? Отвечай быстро.

Растерявшийся от такого напора Гусейн выпалил:

— Гейдаров!

— Что он тебе сказал?

— Послал к себе домой, попросил зацементировать пол в ванной комнате.

— Во сколько это было?

— Около трех.

— Когда ты окончил работу?

— В восемь или девять.

— Хорошо, — облегченно вздохнул Бабаев, — спасибо тебе и ни о чем плохом не думай. Я говорю это тебе и твоей жене потому, что понимаю ваши тревоги. Сегодня все выяснится, и я назову имя убийцы.

Ширалиев с нетерпением ждал Рустама.

— За рулем зеленых «Жигулей» видели Гаджиева, — с ходу выпалил он. — Мой опер, о котором ты не дал тогда

договорить, установил, что в чайхане случайно зашел разговор о машинах. И один из мужчин между делом сказал, что Тофик купил зеленые «Жигули». Те выразили сомнение, а он поклялся, что сам видел его за рулем. Так, ничего не значащая беседа. Но мы нашли этого мужчину, да, действительно, в тот день он видел именно Гаджиева.

Мы показали в числе других его фотографии мальчишкам, и они опознали.

Все концы сходятся к Гаджиеву. Пора с ним побеседовать. Кстати, мы проверили машину Гумбатова, прокладки плохие, масло из картера течет.

— Ну что, Садых, давай, действуй. Пошли за Гаджиевым и Гейдаровым.

Рустам чувствовал, что работа по делу подходила к кульминации. Улик немного, но их надо использовать с максимальной отдачей.

Разговор с Гаджиевым он начал с вопроса о поездке за город на зеленых «Жигулях».

Упаковщик сделал удивленное лицо.

— Да я из дома не выходил, у меня были гости.

— Какого числа у вас были гости? — переспросил Бабаев.

— Двадцать шестого, с двенадцати дня до следующего утра.

— И вы все это время никуда не отлучались?

— Ну, я так накачался, не смог бы даже выйти на улицу.

— А ваш друг?

— Да он покрепче будет, как-никак сидел, пить умеет.

— Хорошо, пройдите в другую комнату, там с вами поговорит следователь прокуратуры. Я предварительно хотел предупредить о роли чистосердечного признания, да, видимо, не стоило. У вас не болит колено? Я как-то повернул ногу, упал и потерял одну безделицу, поверите, последнее доставило больше неприятностей, чем разбитое колено.

Гаджиев побелел, и нижняя губа его мелко задрожала.

— Идите и подумайте о моих словах, когда будете отвечать следователю прокуратуры.

Ширалиев пристально смотрел на Рустама:

— Что ты здесь ему насчет колена говорил? Его раскалывать надо, нажимать на показания мальчишек, того мужика в чайхане.

— Не нужно, Садых, он все понял.

Действительно, Гаджиев дал развернутые показания, признался, что совершил убийство по приказу Гейдарова, который подготовил несколько ловушек для Гусейна и для племянника Гумбатова.

Сценарий развивался следующим образом.

Днем после конфликта с Гусейном Асим приехал как обычно, Гейдаров принял его приветливо и предложил загрузить четыре ящика вместо двадцати восьми. Надо было покрывать недостачу. Боясь предстоящей проверки, он тщательно продумал план с сожжением машины. Конфликт Асима с Гусейном ускорил его выполнение. Обругав Гусейна, он разъяснил Асиму, что надо делать.

— Вот возьми тысячу рублей. Отъедешь от города, брось сигарету и смывайся. Доказать твою вину будет невозможно. Искра — и концы в воду.

Но против ожидания Асим отказался, более того, сказал, что заявит в милицию. Гаджиев слышал их разговор.

Уговорив несговорчивого водителя зайти к нему в кабинет, Гейдаров послал Гаджиева к Гумбатову. Наказал пригласить в гости и напоить, после чего взять машину и ожидать Гусейна в безлюдном месте на трассе.

— Он нас заложит, — прошипел Гейдаров, — остановишь, сядешь в кабину, пожалуйся на жизнь, а потом замочи его. Иначе он нас всех упрячет за решетку. Сделаешь, как надо, получишь пять штук. Жду звонка.

Быстро напив до бесчувствия собутыльника, Гаджиев позвонил Гейдарову, доложил о готовности.

— Хорошо, примерно в пять жди его на трассе.

Все произошло по плану Гейдарова. Увидев Гаджиева на дороге, Асим притормозил.

Гаджиев влез в кабину, завел разговор о Гейдарове, мол, сволочь он. Асим отмалчивался, переживая, что влип в историю. В один момент положил руки на руль и опустил голову.

Гаджиев изо всей силы ударил его ножом в шею. Асим даже не дернулся.

Убить человека оказалось так легко, но его вдруг охватил ужас. Он выскочил из машины, при этом зацепился каблуком за подножку, подвернулась нога. Он упал с размаху прямо на колено, разбив его в кровь, и, подскочив, бросился к «Жигулям». Разнервничавшись, вел машину так, что чуть не сбил тельника. В райцентр вернулся другой дорогой.

Когда Рустам с Садыхом сказали Гейдарову о том, что Гаджиев сознался в убийстве, тот даже бровью не повел.

— Да, от него это можно ожидать, я догадывался, что он нечист на руку, а оказалось, способен на убийство.

— Да, если его хорошо подготовить, — нехотя бросил Рустам.

— Что? — встрепнулся Гейдаров.

— Вот, слушайте его показания, я вам прочту.

Окончив чтение, Рустам взглянул на Гейдарова.

— Чепуха это, кто-то его настропалил. Не вы ли? Это бред. С какой стати Асим поехал бы в рейс, если, как пишет Гаджиев, он не поддался моим уговорам.

— Здесь нет никакого противоречия, — спокойно парировал Бабаев. — Вернувшись к себе, вы разыграли спектакль, сделали вид, что вам стыдно за свое предложение. Затем указали в документах всего 4 ящика и, убедив парня, что все законно, попросили подойти часам к четырем. Надо было выиграть время. Ничего не подозревающий Асим ушел. Через пару часов позвонил Гаджиев, сообщил, что собутельника он уже накачал, и тот спит. Вы приказали ему ехать на трассу.

Гейдаров, затравленно озираясь, опустил голову.

Поздно вечером Рустам вышел из РОВД. Он чувствовал усталость в каждом мускуле, нервы были на пределе. Позади остался еще один выигранный поединок со злом. Он поднял голову. Небо висело над головой, темное и близкое. Звезды светили спокойно и таинственно. Они действовали успокоительно, притягивали к себе. Наверное, не случайно, закончив трудное дело на земле, человек часто обращает лицо к небу.

... Когда утром он уезжал домой, к автобусу подошла жена Гусейна.

— Спасибо, — только и смогла произнести сквозь слезы молодая женщина.

УБИЙСТВО НА ПОЧТЕ

— Значит, никаких зацепок?

— Пока никаких. Я хорошо его знал, в его окружении, привычках не было ничего такого, что может привлечь внимание. Тихий, покладистый, хороший семьянин, врагов у него не было, во всяком случае, мне о них ничего не известно. Ума не приложу, за что могли его убить.

Невысокий, круглолицый, участковый инспектор Гусейнов сокрушенно вздохнул и взял в руки фуражку, лежавшую на столе. Внезапно появившийся в селении подполковник из Баку застал его в чайхане, и старший лейтенант испытывал от этого неловкость. Старый служака во все глаза разглядывал гостя, недоумевая, почему тот появился без обычного в подобных случаях сопровождения. Участковый был с утра на ногах, за весь день не присел, маковой росинки во рту не было и вот, только зашел в чайхану выпить стаканчик чая, как появился этот подполковник. Вежливо представившись, он предложил побеседовать. Для порядка участковый попросил предъявить удостоверение, незнакомец молча протянул ему.

— Подполковник милиции Рустам Бабаев, старший оперуполномоченный уголовного розыска по особо важным делам, — прочитал старший лейтенант.

А про себя подумал: «Уж очень молодой этот «важнюк», явно нет еще сорока, правда, голова почти вся седая».

Подполковник в двух словах рассказал о цели своего визита и начал расспрашивать об убийстве на почте. Понадобилось немного времени, чтобы убедиться, что участковый ничего нового ему не сообщит.

— Не густо, — подытожил он беседу и встал.

— Вы попейте чаю, а я пока пройдуся до почты и вернусь сюда.

— Нет, нет, — запротестовал участковый, — пойдемте вместе, чай подождет.

Подхватив свою выдававшую виды кожаную папку, с которыми в городе уже давным-давно никто не ходит, он заторопился следом.

— Извините, а где ваша машина?

— Меня довез водитель начальника РОВД и я отпустил его, неизвестно, сколько времени придется пробыть здесь, — ответил Бабаев.

Подполковник шел легким, упругим шагом. В джинсах и легкой спортивной куртке, он меньше всего напоминал человека, занимающегося таким серьезным делом, как раскрытие убийства. Старший лейтенант с трудом поспевал за ним. Попадавшиеся навстречу сельчане без особого любопытства смотрели на приезжего, не надо было обладать особой проницательностью, чтобы связать его появление с убийством начальника почтового отделения.

Происшествие всколыхнуло тихую, размеренную жизнь селения на целых три месяца. Судили о нем и так, и сяк, а потом перестали, надоело обсуждать. Предположения исчерпались, ничего конкретного, заслуживающего внимания никому в голову не приходило. Следователь прокуратуры вызывал к себе поодиночке и группами, беседовал, расспрашивал, записывал показания, просил расписаться на каждом листочке. Вроде бы, не сидел без дела, но время шло, а результатов никаких. С каждым днем вызовов становилось все меньше, и постепенно они совсем прекратились. Злые языки острили по этому поводу, мол, план по показаниям выполнили, а потом разнесли весть, что дело приостановлено и вообще будет прекращено. И вот новое лицо.

Подполковник и участковый подошли к неказистому одноэтажному каменному строению, где размещалась почта. На входной двери, выкрашенной в ядовито-синий цвет, висел массивный замок. Старший лейтенант пояснил, что по штату предусмотрена всего одна должность, и после

смерти Лятифова никого еще на нее не подобрали. Временно обязанности выполняет пенсионер из райцентра, в прошлом почтовый работник. Наезжает нерегулярно, на час, другой, завезет корреспонденцию, посылки и обратно.

Рустамов внимательно рассматривал старый, из белого кубика-камня домишко, в котором разыгралась трагедия, и думал о своем. В течение первых трех дней командировки он внимательно изучал материалы уголовного дела, обобщал, систематизировал имевшуюся информацию. Детально проанализировал принятые оперативно-поисковые меры по установлению и розыску преступника. К сожалению, почти ничего обнадеживающего не нашел. Впрочем, это его не обескуражило, более того, на быстрый успех он никогда не рассчитывал, сказывалась привычка заниматься обычно, что называется, «гиблыми делами», то есть не имевшими перспективы к раскрытию. Среди коллег Рустам пользовался репутацией талантливого розысника, имел на счету десятки раскрытий сложнейших преступлений. Каждое новое дело рассматривал как очередное испытание его возможностей, ступень на лестнице, ведущей к профессиональному совершенству. Запутанность интриги только подстегивала, заставляла напряженно думать, концентрировать душевные силы и умственный потенциал. Не преодолеть новую ступень — значит, остаться на месте, не сделать шаг вверх. Он не любил проигрывать, дорожил своей репутацией в кругах профессионалов. Не будучи тщеславным по натуре, он уже неоднократно отказывался от продвижений по службе, оставался оперуполномоченным, хотя и с приятным добавлением — по особо важным делам. Оно гарантировало ему «привилегии» перед остальными сотрудниками уголовного розыска в получении наиболее сложных и запутанных дел. Его это устраивало.

Берясь за бесперспективное дело, он всякий раз горячо включался в него, испытывал какой-то особый азарт и целиком погружался в отработку версий, выстраивая четкий по своим логическим посылкам механизм поисковых действий. Практика сама подсказывала ему правила, которым он следовал неукоснительно — обязательный осмотр места происшествия, даже если со дня совершения преступления минуло более года, всестороннее изучение личности жертвы преступления, ее взаимоотношений с окружающим миром. Он старался узнать об убитом мельчайшие подробности, накопить и переработать как можно большее количество фактов из его жизни, через которые искал подходы к

его внутреннему миру, к истине. Наверное, артист назвал бы это «вхождением в образ».

Не просто познать мир другого человека, уловить особенности восприятия им окружающих его людей, характеров, разобраться, кто враг, а кто друг. Это вдвойне трудно, если ты никогда его не видел, и все, что связано с ним, раскручиваешь в обратном порядке, оцениваешь в прошедшем времени. Для этого нужно переработать массу информации, полученной от лиц, с которыми общался человек, причем, не только от тех, кто окружал его ежедневно, но и от тех, с кем он виделся очень редко, может быть, даже всего один раз. Не менее важное значение Бабаев придавал миру вещей, окружавших убитого. Эти немые свидетели порой красноречиво характеризовали своего хозяина, его привычки, наклонности.

В ходе первичного изучения собранного в уголовном деле материала подполковник убедился, что придется начинать с ноля, а это значит, самому осмотреть место происшествия, заново беседовать с людьми и так далее. Он создавал, что вступает в поединок, не имея ответа ни на один из десятков возникших вопросов. Плюс ко всему, ощутил явственное дыхание самого сильного врага оперативника — быстро бегущего времени, уже и так достаточно упущенного следствием за эти месяцы.

Посвятив в свои планы начальника РОВД и отказавшись от предложенной ему помощи в лице оперуполномоченного уголовного розыска, он выехал в селение.

Старший лейтенант никак не мог избавиться от чувства неловкости перед Бабаевым за то, что тот застал его в дневное время в чайхане, хотя вины особой он за собой и не чувствовал. Как раз в это время, с четырнадцати до семнадцати часов, у него отдых, предусмотренный графиком работы, а потом до одиннадцати снова служба. И все-таки участковый в сердцах поругивал себя, не зная, как долго еще будет продолжаться молчание подполковника и с чем оно связано.

Они несколько раз неторопливо обошли почту и снова остановились у входа.

— А что, при Лятифове был такой же замок? — повернулся Рустам к старшему лейтенанту.

— Да, — немного подумав, ответил тот. — В хозяйственном магазине с прошлого года лежат такие замки.

— Ясно, — произнес подполковник и вновь погрузился в молчание.

Из материалов дела он знал, что встревоженная отсутствием мужа жена Лятифова, Нигяр, обошла вечером всех знакомых и родственников и в полночь в слезах прибежала к участковому. Он быстро собрался, они дошли до почты. Дверь была заперта, висел замок. Попытались заглянуть внутрь, но увидеть что-либо в окно с улицы было невозможно. Участковый не исключал того, что Лятифов срочно выехал в райцентр. Он как мог, успокаивал плачущую женщину, но она категорически отвергла его предположение. За десять лет их совместной жизни муж ни разу никуда не отлучался, предварительно не предупредив ее. И вообще, по ее словам, он был домосед. Даже в гости ходить не любил. Если его не было дома, значит он на работе. Засиживаясь вечерами, в одиночестве с удовольствием возился со служебными бумагами, которые всегда были у него в идеальном порядке. Ее тревога передалась-таки Гусейнову, быстро собравшему дружинников и общественных помощников. Посоветовавшись, приняли решение пройтись по селу, осмотреть дорогу от дома Лятифова до почты, затем обошли на всякий случай окраины селения. Ничего не выяснив, продолжили поиски утром.

С рассветом старший лейтенант был около почты. Через окно только теперь удалось разглядеть лежавшую на полу фигуру. Вызвали следственно-оперативную группу.

В протоколе осмотра места происшествия Бабаев не нашел ничего для себя интересного. На следы пальцев рук, изъятые экспертом, рассчитывать было трудно: почту посещало много людей. Лятифов был задушен удавкой, которая так и осталась на шее. Будучи в прокуратуре, Рустам осмотрел ее: это был кусок провода белого цвета, обычно используемого в электроприборах. Многое бы он сейчас отдал, чтобы хоть минуту поприсутствовать на первичном осмотре места происшествия, своими глазами увидеть обстановку после убийства, положение трупа, характер повреждений. На фотографии он обратил внимание на черную, в кровавых подтеках шею убитого. В комнате, судя по протоколу осмотра, ничего характерного не было обнаружено. Более того, не была нарушена обычная обстановка: на столе графин с водой, стул не опрокинут, журналы, конверты, газеты в аккуратных стопочках.

Ждать, когда придет пенсионер и откроет почту, не имело смысла.

— Ладно, отложим осмотр помещения на завтра, а сейчас пойдем в участковый пункт.

В кабинете Гусейнова царил армейский порядок. Небольшой письменный стол, сейф на табуретке, книжная полка, вешалка, раскладушка и пять стульев в углу. Усевшись на один из них, подполковник достал небольшой блокнот в кожаном переплете.

— Гудрат-муаллим, расскажите мне все, что вы знаете об убитом, его взаимоотношениях в семье, друзьях, привычках. Только у меня просьба, не пытайтесь вспомнить то, что говорили в прокуратуре, иначе у нас ничего не получится, мы будем толочь воду в ступе. Начните с первых дней вашего знакомства.

Участковый рассмеялся:

— Я на двадцать лет старше него, ребенком его помню.

— Вот, вот, это мне и нужно. Времени у нас достаточно, посидим, побеседуем не спеша.

Подполковник слушал участкового не перебивая, изредка делая пометки в блокноте. Старший лейтенант вспоминал все новые и новые детали из жизни убитого, сам удивлялся тому, что на память приходили неожиданные и разнообразные, казалось, напрочь забытые эпизоды. Говорил он не меньше двух часов, и когда завершил рассказ, подполковник удовлетворенно поблагодарил его и попросил на завтра организовать ему встречу с несколькими десятками сельчан, чьи имена записывал, слушая участкового.

— А вечером я хочу посетить семью убитого, побеседовать с женой и матерью. — Бабаев встал, давая понять, что беседа окончена.

— Вы решили остаться на ночь в селении? — опешил старший лейтенант, — тогда пойдемте ночевать ко мне, места хватит.

— Спасибо, не стоит беспокоиться, я останусь здесь, — ответил Бабаев. И голосом, не допускающим возражения, добавил: — Обожаю спать на раскладушке.

Участковый неплохо разбирался в людях и понял, что уговаривать бесполезно, что старший оперуполномоченный по особо важным делам, безусловно, фанат своего дела. Такие люди ему были по душе. Попрощавшись, он сразу ушел.

Сняв пиджак, Рустам остался в тенниске, плотно облегавшей его мускулистый торс, сильные руки. Усевшись удобно за стол, расслабился и вытянул ноги. Было над чем подумать. По выработанной годами привычке, стал анализировать полученную информацию, условно подразделяя

ее по степени значимости для дела. Думалось легко, ему всегда нравилось уединение и, наслаждаясь тишиной, он напряженно работал. В дверь постучали. Участковый при-
слаал сына с провизией. Бабаев поблагодарил паренька и попросил передать отцу благодарность за внимание. При-
несенной еды хватило бы на несколько человек. Есть не
хотелось, и , поработав немного, он улегся спать, предва-
рительно закусив и выпив чаю.

Проснулся, как всегда, около шести, сделал зарядку и,
с аппетитом позавтракав, продолжил работу. Против фа-
милий каждого из тех, с кем предстояло беседовать, набра-
сывал вопросы. Участковый появился в восьмом часу.

— Я готов, товарищ подполковник. Кое-кому уже со-
общил о нашем предстоящем визите.

— Что ж, не будем терять времени, — поднялся Ба-
баев.

День прошел незаметно, они выполнили намеченную
программу, побывали на почте, встретились со всеми, кого
вчера включили в список, в том числе с женой убитого.

— Ну, все, — удовлетворенно произнес Рустам, воз-
вращаясь в участковый пункт. — Больше адресов нет, те-
перь — отдыхать.

Он участливо посмотрел на участкового:

— Устали, небось? Завтра занимайтесь своими делами.
Я вас тревожить не буду, у меня намечено несколько ме-
роприятий, посмотрим, что получится. Здесь нужно осно-
вательно поработать. В случае необходимости съезжу в
райцентр.

На настоятельные просьбы участкового поужинать у
него дома подполковник вежливо отказался. Ему не терпе-
лось засесть за анализ, обещавший быть интересным. Но-
вый штрих к биографии убитого выявился совершенно слу-
чайно, о нем вскользь упомянули в одной из бесед. Стара-
ясь не заострять внимания на этой информации, скрыть
свой интерес к ней, Рустам в завуалированной форме задал
несколько вопросов по этому поводу. Оказалось, Лятифо-
ву когда-то очень симпатизировала его одноклассница Га-
нимат, но родители были против их дружбы, возможно,
поэтому их отношения не сложились. Лятифов уехал слу-
жить в армию, а Ганимат вскоре вышла замуж за дальне-
го родственника, значительно старше нее по возрасту.

Пришлось проявить максимум осторожности и изобре-
тательности, подводя разговор к нужной теме. И вот, из

обрывков каких-то фраз, бесед с разными людьми Бабаев установил, что Ганимат нередко заходила на почту.

Зная быт, уклад жизни села, он опасался привлечь внимание к интересующему его лицу, и, задавая вопрос, делил его на две части: сколько раз за последние месяцы до убийства вы заходили на почту и кто там в это время был. Как правило, люди вспоминали три-четыре случая, перечисляли имена находившихся на почте. Имя Ганимат, упоминаемое в числе многих других, не привлекало их внимания. И тем не менее оказалось, что в последние две недели она зачастила на почту.

Утром следующего дня Бабаев занялся наведением справок о муже Ганимат. Характеризовался он отрицательно, слыл человеком коварным, издевался над женой, попрекал отсутствием детей. Он нигде не проходил по материалам дела, даже не упоминался, хотя, безусловно, заслуживал пристального внимания.

Как бы теперь организовать встречу с Ганимат, ломал голову Бабаев. Посоветовался с участковым, и тот нашел выход из положения. Ее муж Сардар наглым образом захватил у соседей часть земли, передвинув забор.

— Они ко мне обращались по этому поводу. Пойдем к ним и на месте что-нибудь придумаем.

Добротный двухэтажный дом Сардара возвышался над соседскими и напоминал крепость. Дверь открыла худенькая, невысокая женщина.

— Салам, Ганимат-ханум, Сардар дома? Я насчет забора, — без подготовки начал участковый. — Разреши посмотреть, что там такое. Соседи жалуются, вы у них, говорят, целый кусок земли отхватили.

Женщина покраснела, посторонилась, приглашая пройти.

— Заходите, пожалуйста.

Сардар стоял на веранде в пижамных брюках и майке.

— Я знаю, зачем ты пришел, — встретил он участкового недовольным тоном. — Пожаловались эти бездельники, ничего, я знаю, как с ними поступить.

Участковый невозмутимо перевел разговор в нужное ему русло.

— Не надо заранее возмущаться, Сардар, пойдем, посмотрим твой забор, разберемся, кто прав, кто виноват.

Бабаев и Ганимат остались наедине. Она поймала на себе его взгляд и собралась уйти. У него не оставалось другого выхода, как спросить напрямик:

— Ганимат, кто мог убить Октая? Я приехал из Баку специально по этому делу.

Молодая женщина ответила не сразу. Переведя взгляд в сторону мужа и участкового, ходивших вдоль забора, она дала понять собеседнику, что оценила его уловку. Затем негромко, с нескрываемой грустью ответила:

— Я не знаю, но если вы думаете на него, — кивнула она в направлении забора, — от этого человека можно ожидать любой подлости.

— Извините, что я задаю этот вопрос. Вы часто бывали на почте. Я полагаю, не случайно?

Бабаев видел, что разговор дается ей с большим трудом. Справившись с волнением, она ответила бесстрастным голосом:

— Мы иногда вспоминали юность. В нашем прошлом и настоящем было много общего. Мы оба были несчастны в семейной жизни и испытывали потребность в общении друг с другом.

— Вашего мужа это не настораживало?

— Он на двадцать лет старше и способен устроить скандал ревности по малейшему поводу.

Участковый с разъяренным Сардаром возвращались, завершив осмотр стены.

— Придется, Сардар, сносить, ты незаконно оттирал у соседей такой кусок земли. Зачем вам двоим столько? А у него пятеро детей.

Сардар зло крикнул на жену:

— Иди в дом.

Не отвечая участковому, с повышенным вниманием оглядел Бабаева, видимо, только сейчас сообразив, зачем понадобилось участковому приводить его с собой, и неприступно спросил:

— А вы кто будете?

— Из милиции, с участковым по делам шай, а он задумал решить осмотреть забор, — миролюбивым голосом пояснил Рустам.

— Ну, ну, — недоверчиво пробормотал Сардар и пожалел, что дал возможность этому мужчине остаться наедине с женой. Ревность его не имела предела.

— Как успехи? — спросил участковый, когда они оказались на улице.

Бабаев неопределенно покачал головой, не зная, что ответить. Личность Сардара не вызывала симпатий. Такой способен на все, если задеть его интересы.

Версия казалась перспективной и требовала отработки. Молодую женщину ему было жаль, с первого взгляда было очевидно, что, поддавшись уговорам родителей, она загубила себя, выйдя замуж за этого типа.

На следующий день подполковник ходил по селу с видом старожилы, вел множество разговоров с людьми на отвлеченные темы, но исподволь выяснял интересные его факты, наводил справки о приезжавших и уезжавших за весь этот период. Он обладал удивительной способностью вовлечь в беседу даже самых неразговорчивых, втягивал их в дискуссию и умело направлял ее.

Со дня убийства прошло достаточно много времени, а ведь каждый ушедший день давал возможность преступнику избавиться от стресса, у него рассеивался страх разоблачения, появлялась уверенность в себе. Время дает возможность всяческими ухищрениями замести следы, продумать до мелочей тактику обороны в случае задержания. Поэтому надо получить прямые доказательства и действовать только наверняка. Подполковник Бабаев это отчетливо сознавал и, раскидывая сети поиска, не спешил с выводами, которые должны были закрутить машину расследования в нужном направлении.

На пятый день он уехал в райцентр, не попрощавшись и не посвятив участкового в свои дальнейшие планы, из-за чего тот не на шутку расстроился. Не хотелось верить, что подполковник, так энергично взявшийся за дело, потерпел неудачу. Позвонив в РОВД, он успокоился только после того, как узнал от дежурного, что Бабаев находится в отделе.

Рустам появился в селении через неделю. Обменявшись приветствием с участковым, сразу, без всякого перехода спросил его мнение об Адаляте Бахшалиеве, ранее проживавшем в селении. Старший лейтенант хорошо знал Адалята. Последние несколько лет тот работал в Ошской области, домой к родителям наезжал не более двух-трех раз в год.

— Почему вы заинтересовались им? Он уехал из села примерно за неделю до убийства, с Октаем не общался.

— А за период его пребывания ничего примечательного в селе не произошло?

— Как будто нет.

— А каковы его отношения с Фамилом Сулеймановым? Они знакомы?

— Конечно знакомы, оба здесь родились и выросли.

— Недавно Фамиль поранился чем-то, в больницу обращался, не знаете, что случилось?

— По его словам, вилами неосторожно ногу повредил. Это имеет отношение к делу? — оживился Гусейнов.

— Попытаемся выяснить, — уклончиво ответил подполковник. — Завтра я проверю кое-какие предположения, придется еще раз побеседовать с сельчанами. Кто из соседей в дружеских отношениях с Фамилем? Есть такие?

— Надо подумать, а что?

— Пусть сходят к нему и попросят под благовидным предлогом одолжить посылочные ящики. Вы продумайте, чтобы получилось как можно более естественно.

— Посылочные ящики, — повторил про себя старший лейтенант, пытаясь разгадать, что кроется за этим странным поручением, но вопросов задавать не стал.

Весь следующий день подполковник снова провел в беседах с людьми, встречаясь с ними уже как старый знакомый. Больше шутил, рассказывал всякие небылицы, и у них складывалось впечатление, что он, уже не надеясь раскрыть преступление, просто отбывает время, отведенное начальством для командировки. До участкового докатились слухи о том, что подполковник якобы занимается ерундой, а дело стоит на месте, и он рассказал об этом Бабаеву. Но против ожидания, Рустама это не расстроило.

— Все идет нормально, не переживайте.

— Я вынужден вас огорчить, с посылочными ящиками ничего не получилось, — сообщил участковый, — я направил мальчугана к Фамилю, как мы и договорились, но он ответил, что их у него нет.

— Не беда, — спокойно отреагировал Бабаев.—Кстати сказать, он страшно разволновался, а это хорошо. Так ведь!

Участковый согласно кивнул головой. Но не скрывал, что ему не все понятно. Поколебавшись, он спросил:

— Откуда вы знаете, что он разволновался?

— Разве я ошибся?

— Нет, мальчик тоже сказал мне, что дядя Фамиль, услышав его просьбу, ответил отказом и перед носом резко закрыл дверь.

Затая с посылочными ящиками казалась инспектору непонятной, и вообще, как ни силился, он не мог уловить последовательности и нацеленности в действиях подполковника. Сколько еще может длиться такой, на его взгляд, бессистемный поиск?

Будто угадав его мысли, Бабаев оторвался от своих занятий.

— Итак, мы отработали несколько версий, в том числе убийство из ревности, с целью завладением имуществом и другие. По мере расширения поисковых мероприятий я перепознакомился с подавляющим большинством жителей селения и узнал много интересного. Каждый день появлялись неизвестные, на первый взгляд не относящиеся к делу, новые детали, проверка которых не терпела отлагательства. Наконец, с вашей помощью я их прояснил и теперь готов к встрече с главным действующим лицом.

Бабаев прошелся по кабинету и остановился перед участковым.

— А вы готовы?

Гусейнов пожал плечами, опасаясь подвоха, не знал, что ответить. Он действительно несколько растерялся. Но уже через час, увидев, как закрутились события, он понял, что подполковник из тех, кто медленно запрягает, но быстро погоняет, и вот сейчас пришло время перейти на галоп. И старый участковый не ошибся.

Вечером вместе с подъехавшими оперативниками они задержали Фамиля, который под влиянием неопровержимых доказательств на первом же допросе признался в совершении убийства. Пораженный осведомленностью подполковника, он назвал и своих поделщиков: Яхью Гаджиева, ранее судимого за сбыт наркотиков, и Адалята Бахшалиева, за которым выслали конвой в Ошскую область.

* * *

Рустам вышел из гостиницы. Билет на Баку он приобрел с вечера. До поезда оставалось около часа и можно было не спеша пройти до вокзала пешком.

У входа его окликнул Гусейнов.

— Здравствуйте, а я вас поджидаю, мне дежурный сказал, что вы сегодня уезжаете, и приехал попрощаться. Вы на вокзал?

— Да, мой поезд через час, но я решил пройти по свежему воздуху.

— Тогда, если позволите, я вас провожу и задам несколько вопросов, а то дома прохода не дают, интересуются, как мы вышли на убийцу. Зауважали у нас милицию, а то болтали черт знает что. Вынь да положь им убийцу, вроде в кармане его прячу. Критиковать все мастаки, а

разве каждому объяснишь, что такое наша служба. Без малого тридцать лет погоны ношу. Кому рассказать, как нелегко приходится.

Участковый неожиданно умолк, спохватившись, что надоедает подполковнику своими рассуждениями.

— Вы уж извините, но иногда хочется выговориться, тем более перед человеком, который тебя понимает, знает наши проблемы, — закончил он свой монолог.

— Ничего, — успокоил его Бабаев. — Так что конкретно вас интересует?

— Расскажите все с самого начала.

— Пожалуйста, — охотно согласился Бабаев. — Знаете, сейчас уже можно сказать, что ключом к раскрытию преступления стало ранение Фамяля. Вернувшись в райцентр, я выяснил, кто из жителей вашего села обращался приблизительно в тот период за медицинской помощью, кто совершил какие-либо мелкие противоправные выходки. Охватил где-то около шести месяцев до и после происшествия на почте. Пострадавших от бытовых травм было четверо. Но мое внимание привлек Фамяль Сулейманов, ранее судимый, рана в области бедра. Безусловно, это могла быть бытовая травма, как он и говорил, причиненная вилами, но я вспомнил о том, что в уголовном мире ножевое ранение в бедро, руку имеет свой символический смысл, часто носит предупредительный характер. Позже узнал, что у Фамяля вообще нет домашнего скота, и с вилами в руках его в жизни никто никогда не видел, сено он не заготавливал. А коль скоро версия о сведении счетов обретала реальные очертания, то личность Фамяля требовала пристального внимания.

Другой центральный персонаж, привлечший мое внимание, — Адалят Бахшалиев. Его приезд был неожиданным для родителей, насколько я понял из бесед с ними. В их семье ничего тревожного, требовавшего его присутствия не произошло. Обычно о своем приезде он извещал телеграммой, а в данном случае не сделал этого. Причину своего неожиданного появления объяснил тем, что соскучился. Более того, меня насторожило, что его видели пару раз у дома Фамяля, но вместе они нигде не появлялись. Он исчез за неделю до убийства так же неожиданно, как и появился.

Я решил проверить и это. Если существует «эффект присутствия», о котором любят говорить криминалисты, то возможен и «эффект отсутствия», который он мог себе

обеспечить. По моей просьбе сотрудники уголовного розыска из Ошского УВД сообщили, что опросом соседей установлено: Бахшалиев появился дня через три после интересовавшей меня даты — дня убийства. И не исключалось, что попросившись с родителями, он никуда не уехал, а отсиживался у того же Фамиля или где-нибудь в райцентре.

Мои рассуждения строились следующим образом. Если, допуская условно, подозрения в отношении этих двоих обоснованны или по крайней мере имеют под собой реальную почву, то моя логическая схема страдает отсутствием самого главного — ответа на вопрос, зачем им нужно было убивать начальника почты, ведь старая криминалистическая истина гласит: ищи того, кому выгодно. Ревность, месть, корысть, мало ли что еще руководило преступниками.

Признаться, поначалу Сардар вызвал у меня серьезные подозрения. Могло же оказаться, что он сам убийца или нашел исполнителя. Мотив — ревность. Версия напрашивалась сама собой. Но в ходе всесторонней проверки она полностью отпала.

С другой версией разобраться было сложнее. В начерченный мною треугольник, связывающий Фамиля, Адалята и убитого, не встраивались предположения о случайных ссорах на почве личной неприязни. Этого ничего не было. Значит, что-то другое. Но что? Может, почтовый работник прочел какое-то письмо, содержащее компрометирующие сведения? И хотя, как потом выяснилось, эта часть моих выводов не подтвердилась, в целом направление мысли было верным.

Все началось с почты, с выполнения убитым служебных обязанностей. Микаилов систематически получал посылки, люди неоднократно видели это. Откуда посылки? Его родственники, как мне стало известно, все проживают в вашем районе, я заинтересовался, поэтому попросил вас послать кого-нибудь к Фамилю за пустыми почтовыми ящиками. Предварительно подготовившись, я наблюдал за этой сценой с чердака соседнего дома. Мальчугану Фамиль ответил отказом. Но, как говорится, отрицательный результат — тоже результат. Человек, регулярно получающий посылки, пожалел соседу, с которым находится в хороших отношениях, посылочный ящик. Согласитесь, выглядит это странно, непонятная мелочность. Но самое интересное было потом. Поспешно заперев ворота, Фамиль забежал

в дом, и вынес оттуда семь фанерных ящичков, облив их бензином, сжег в огороде. Вывод один. Просьба соседа насторожила его, сыграло свою роль и то, что он видел его накануне с вами. Тогда-то и мелькнула у него мысль, впервые со дня убийства, что инспектор, возможно, его в чем-то подозревает. Зачем ему понадобилось избавляться от ящичков? Не для того ли, чтобы уничтожить улики? Значит, тайна крылась в посылках.

Убитый был педантичным человеком, он аккуратно заносил себе в канцелярскую книгу все посылки и бандероли, получаемые и отправляемые сельчанами. Я изучил его записи. Фамиль получил две посылки за три недели до убийства. Их обратный адрес — Ошская область, откуда, как вам известно, срочно прибыл и Адалят Бахшалиев.

Напрашивалось предположение, что ранение Фамиля могло быть делом его рук, в случае, если тот не выполнил каких-то обязательств. Например, не выплатил деньги за полученный в посылке товар. Вес посылок был очень небольшим в сравнении с такими же по размерам ящиками. Кстати, на это, на свою беду, обратил внимание начальник почты, подшутивший над Фамилем: «тебе что, друзья воздух посылают или траву?».

Произнося последнее слово, он безусловно, не догадывался о его двойном смысле, так много значащем для наркоманов. Встревожившись, Фамиль позвонил в Ош другу, от которого получал наркотики, и дал понять, что случилась беда, они на грани провала. Должно быть, Адалят струхнул, побежал к компаньонам и, получив от них соответствующие указания, срочно прибыл на место. Решение хозяев было однозначным — почтальона убраться и как можно скорее. Встретившись с Фамилем, Адалят так ему и заявил, но тот заартачился, не хотел идти на мокрое дело. У них произошла небольшая перепалка. Он панически боялся тех, кто стоял за Адалятом. Знал, что если милиция выйдет на них, ему не жить ни здесь, ни в колонии, даже под землей найдут и беспощадно расправятся. Адалят тоже не смел ослушаться шефов. Натолкнувшись на отказ Фамиля, решил подстраховаться в их глазах, ударив его финкой в ногу, мол, я не обманываю, ваше указание Фамилю передал, а предупреждение — тому доказательство. Назначив Фамилю недельный срок, ушел и сам отсиживался в райцентре у знакомого парня в ожидании вестей из селения. Между прочим, он несколько раз звонил Фамилю, напоминал, что ждет. Фамиль колебался недолго,

понимал, что его ждет в случае неподчинения. Встретившись с одним из своих постоянных клиентов-наркоманов, запугав его возможным арестом из-за якобы готовящегося разоблачения со стороны Лятифова, стал склонять его пойти на дело. Пообещал ему крупную сумму денег и вдоволь анаши. Долго уговаривать не пришлось. Вечером, к закрытию, когда порядком стемнело, они подошли к почте и, убедившись, что Лятифов один, вошли внутрь, прикрыв за собой дверь. Не торопились убивать, допытывались, на всякий случай, откуда ему известно про травку и не сболтнул ли он кому-нибудь, например, участковому, о посылках с анашой. Не добившись ничего от растерявшегося Лятифова, они его удушили принесенным с собой проводом. Бедняга так и умер в неведении о причинах расправы над ним. Уходя, они заперли дверь, повесив замок.

— Вот и вся история, — закончил рассказ подполковник. — Следствие вскрыет дополнительные факты, уже сейчас вышли на наркобизнесменов в Оше, за ними тянется длинный шлейф тяжких преступлений. Возможно, мне придется выехать туда. Ну, будем прощаться. Как бы мой поезд не ушел без меня.

— Подождите, — остановил его Гусейнов, — вы ничего не сказали о встречах Ганимат с Октаем.

— О, они не имели отношения к интересующему нас уголовному делу. Поэтому, о них не надо вспоминать. Октай был единственным человеком, который, на мой взгляд, понимал, как мучается Ганимат. Ну, до свидания, мне пора.

Гусейнов крепко пожал подполковнику руку, от души пожелав ему успеха. Старый участковый был под впечатлением состоявшегося разговора, восхищался умом, профессионализмом подполковника. Простой, уважительный, с ним, со старшим лейтенантом — на равных, не одергивал, не поучал, как некоторые. Вот только жаль, что сам он немного оплошал с чайханой. Надо же было такому случиться!

КРАСКИ

Начальник инспекции по делам несовершеннолетних Зейналов не пользовался уважением у подчиненных. Работал он в этой должности около шести месяцев, и все это время небольшой, когда-то дружный коллектив лихорадило. Причиной тому был сам Зейналов. Смутно представляя себе специфику работы с трудными подростками, он тем не менее вел себя, как крупный знаток детской психологии, и практически любой разговор, раньше проходивший в инспекции в форме заинтересованной дискуссии о методике работы с конкретным подчиненным, у него заканчивался раздраженным высказыванием о том, что нужно меньше философствовать, а сразу оформлять документы в специальное учебное заведение. Возражений Зейналов не терпел, переходил на крик: «А если он завтра преступление совершит, ты отвечать будешь? Про тебя и не вспомнят. Кому нужен какой-то инспектор? Мне, начальнику, отвечать придется! А я не собираюсь из-за вашей болтовни портить себе будущее».

Попав на эту должность по протекции влиятельных родственников, Зейналов не скрывал, что не собирается здесь засиживаться, он рассматривал ее как трамплин, своего рода полигон для приобретения навыков руководящей работы. Эта фраза об опыте руководящей работы ему была очень нужна для дальнейшего продвижения вверх. При

всей своей самоуверенности, он не мог не чувствовать холодного к себе отношения подчиненных, их превосходства в знании дела. И как это обычно бывает, отсутствие компетентности подменялось высокомерием, одергиваниями, мелочными придирками.

Двое инспекторов после крупных разговоров с Зейналовым обратились с рапортами о переводе в другой РОВД. Спад в работе дал о себе знать, возросло число правонарушений подростков. Начальник инспекции расценивал это, как козни подчиненных.

— Если дадите рост преступлений, я всем вам личное дело испорчу, — угрожал он на каждом совещании.

Любое, даже незначительное правонарушение вызывало у него раздражение, он и слушать не хотел доводы о том, что подросток неплохой, нужно с ним работать, искать причины и условия, сделавшие его «трудным». Не изучив материал, требовал оформления документов в учебное заведение специального типа.

Недавно таким образом он хотел решить судьбу Назима Рагим-заде, проживавшего на территории, обслуживаемой лейтенантом Акифом Вагабовым. Стеснительный, немногословный, мягкий по натуре, лейтенант, избегавший конфликтов, на это раз не просто не согласился с шефом, но высказал ему все, что о нем думает. Не ожидавший такого оборота от самого, на его взгляд, тихого и нерешительного сотрудника, Зейналов опешил, его круглое, тщательно выбритое лицо покрылось красными пятнами. Он видел, с каким напряженным вниманием смотрели на них другие сотрудники. Не в его интересах было раздувать конфликт, и Зейналов счел за лучшее, выждав удобный момент, проучить зарвавшегося подчиненного.

И вот, наконец, этот момент настал. Назим устроил драку в школьном дворе, крепко побил десятиклассника, а затем и его отца, прибежавшего на выручку сыну.

— Лейтенант Вагабов, ваше непонятное покровительство подучетному Рагим-заде привело, как я и ожидал, к печальным последствиям, — ехидно улыбаясь, начал он утреннее совещание. — Тяжело пострадали два человека, — Зейналов сделал паузу, внимательно посмотрев на каждого подчиненного. Затем продолжил наставительным тоном:

— Вы возомнили себя крупным знатоком детской психологии, к сожалению, не имея на то оснований, не выполнили моего указания в отношении Рагим-заде. Сейчас он находился бы в спецпрофтехучилище, и ни у кого не было

бы проблем. Я буду ходатайствовать о вашем наказании. Мне непонятны мотивы, побудившие вас покровительствовать ему, какой вам в этом интерес?

Последняя фраза переполнила чашу терпения. Возмущенные инспектора заговорили все разом, перебивая друг друга.

— Что за оскорбления? Хватит интриговать, наш долг защищать ребенка, бороться за его судьбу, здесь не место для грязных намеков. На каждом нашем решении огромная моральная ответственность, здесь нельзя рубить с плеча.

Зейналов перешел на крик.

— Хватит дискуссий, я прекрасно знаю, что мои принципиальность и требовательность вам не по душе и доложу об этом руководству. В отношении же Вагабова сегодня начну служебное расследование.

Когда Акиф Вагабов оказался на свежем воздухе, у него было такое чувство, словно ему снился дурной сон. Поколебавшись, направился в школу. Ему не хотелось, чтобы Зейналов по-своему истолковал его появление там, но, с другой стороны, он не мог оставаться в неведении о происшедшей там драке.

Разговор с директором, педагогами ничего не прояснил. С чьих-то слов, уже не помнит, директор рассказал, что ребята видели только, как Назим подошел к Завуру и о чем-то его спросил. Первым ударил Завур, после чего Назим устроил ему трепку. С отцом оказалось не совсем так, как говорил Зейналов. Завур побежал домой и привел в школу отца, а тот, не обратившись к директору, не разобравшись в сути конфликта, решил устроить самосуд над подростком, но не вышло. Назим, получив пощечину, ответил тем же, а затем, вообще сбил его с ног и ушел со двора, преследуемый грязной бранью побитого папаша.

— Здравствуйтесь, хорошо что вы пришли, — обрадовалась ему мать Назима. — Опять он натворил дел, даже неудобно перед вами. — Они прошли в комнату, навстречу поднялся отец Назима, протянув обе руки, сжал ладонь лейтенанта.

— Как здоровье? — спросил Акиф.

Прежде, чем ответить, тот горестно покачал головой.

— Плохи наши дела, опять Назим огорчает. Мать плакала всю ночь, нужна мужская рука, а что я, слепой, могу поделывать. — Из-под темных стекол очков покатались слезы. — Больше всего я боюсь, что его отправят в колонию. Вы, может, мне не поверите, но он неплохой мальчиш-

ка, с младшими нам помогает. Не знаю, что и делать. Благодаря вам с друзьями уличными порвал, но обидчивый очень. Людей избегать начал, чуть что — поднимается на чердак и сидит там. Ума не приложу, чем он там занимается.

— А где он сейчас?

— Ушел в магазин, мать попросила что-то купить.

— Если вы не возражаете, я поднимусь наверх.

— Какие возражения, я давно должен был бы подняться туда, посмотреть, чем занят сын, но, сами понимаете, это не в моих силах. Жена допытывалась у него, чем он там занимается, но ничего не выяснила.

Вагабов вышел во дворик. Старенький домик нуждался в ремонте. На чердак можно было забраться только через крышу прилепившегося к домику сарайчика. Лестницу лейтенант не нашел, скорее всего, ее и не было.

Открыв дверь сарайчика, он прыгнул, зацепился за край крыши, сделал выход силой и всал на черепичную крышу.

Чердак поразил его чистотой. Старенький стол, два стула, настольная лампа, несколько книг. Самодельный мольберт повернут к чердачному окну. Множество рисунков, натюрморты, пейзажи, портреты, выполненные маслом, и акварелью. На нескольких портретах одно и то же миловидное лицо девушки. Вагабову показалось, он ее когда-то видел.

Акиф внимательно рассмотрел рисунки и, сложив их в прежнем порядке, спустился вниз.

— Ну, что там? — встретил его вопросом встревоженный отец.

— Ничего необычного. Обыкновенный чердак, не стоит волноваться.

У матери Назима, стоявшей рядом с мужем, вид был затравленный и отрешенный. Он подмигнул ей, улыбнулся и, повернувшись на каблуках, решительно двинулся со двора.

Через пятнадцать минут он сидел напротив отца Завура, коренастого мужчины с огромным синяком под глазом. Развалившись в кресле, тот вертел в руках дорожную зажигалку и сыпал угрозы в адрес Назима и его родителей.

— Его место в тюрьме, я ему не прощу, у меня неплохие связи среди ваших коллег. Вас, наверное, прислал Зейналов?

— Нет, я пришел сам, я отвечаю за этот участок.

Собеседник недовольно вздохнул.

— Хорошо же вы за него отвечаете! Зейналову уже звонили насчет этого хулигана, и, надеюсь, он дал соответствующие указания?

— Скажите, почему все-таки они подрались, вы беседовали с сыном? — задал наконец вопрос Вагабов.

Хозяин квартиры отрицательно качнул головой.

— Какие там беседы? Шпана паршивая, пристал к мальчишке из-за какой-то фотографии или картинки, — он поднялся, — может, вы и меня спросите, почему у меня под глазом синяк? Теперь представьте себе, как он отделал ребенка.

— Но Назим на год моложе вашего сына, — заметил Акиф.

— Ну и что, — взорвался тот, — я что-то плохо вас понимаю.

Акиф молча вышел. Еще не приняв никакого решения в отношении своих дальнейших действий, медленно направился к школе. Вспомнилась первая встреча с Назимом. Худенький, стройный мальчишка стоял в кабинете директора, опустив голову. В учительской разбили стекло, среди тех, кто крутился во дворе в тот момент, оказался и Назим. У него допытывались, кто бросил камень, он долго молчал, а потом признался, что это его рук дело. Позже лейтенант случайно узнал, кто разбил стекло, завел об этом разговор с Назимом, хотел узнать, зачем тот взял вину на себя.

Парнишка долго молчал, потом поднял глаза:

— Он сделал это случайно.

— Ну, а почему ты должен был за него отвечать?

— Так получилось, ведь оправдываться в той ситуации во всех отношениях было унижительно.

Эта беседа запала в память инспектору. Потом он не раз встречался с Назимом, бывали драки, пропуски занятий. Словом, трудный пацан, отец слепой, в семье, кроме него, еще двое детей. Мать работает уборщицей в двух местах. Где уж тут не попасть под влияние улицы.

Назим относился к лейтенанту настороженно, в беседах никогда не юлил, но и не откровенничал. Лишь однажды после некоторого раздумья попросил Вагабова не приходить к ним домой, чтобы не беспокоить отца.

— Пожалуй, я соглашусь на это, — ответил Акиф, — но с условием: не пропускай занятий, чтобы я имел возможность в любое время найти тебя в случае надобности,

На том они и порешили. С тех пор парнишка оттаял. Несколько раз Вагабов встречал его около школы, и они, медленно прогуливаясь, беседовали. Иногда во время разговоров на отвлеченные темы парнишка оживлялся и, забыв о всегдашней настороженности, начинал рассказывать о семье, родителях, братишке и сестренке, которых очень любил. Судя по всему, он много читал, жил напряженной внутренней жизнью. Он начал тянуться к Вагабову, но боролся с самим собой. Доброжелательность, искренность лейтенанта, его тактичность делали свое дело. Постепенно их беседы становились все продолжительнее, интереснее, затрагивали самые различные аспекты жизни, и паренек убедился, что его старший товарищ много знает, с ним интересно общаться.

— Ох, если бы не эта форма, — как-то с неподдельным огорчением вырвалось у него, — вы ведь общаетесь со мной по долгу службы.

Впервые за время их знакомства лицо лейтенанта потемнело, но он ответил своим обычным ровным голосом:

— Видишь ли, Назим, моя служба мне по душе. И знаешь почему?

— Нет, — мотнул головой Назим.

— Потому что в ней для меня неделимо то, что делается для долга и то, что для души. Понимаешь, это единое целое.

Задумавшись, Вагабов не сразу обратил внимание на группу подростков, стоявших с сигаретами в руках под баскетбольным щитом. Они молча наблюдали за ним, решая в какую сторону лучше всего ретироваться, чтобы избежать неприятной беседы о вреде курения.

Вагабова они все хорошо знали, относились с уважением за всегдашнее спокойствие, справедливость, ненавязчивость, но все же предпочитали не попадаться лишний раз на глаза, тем более, когда знали за собой грех.

Он опередил их намерения, подозвав к себе. Зная по опыту, что говорить напрямую о драке бесполезно, все равно ничего не узнаешь, завел разговор о посторонних вещах. Неожиданно для него один из парней сам спросил, что же будет с Назимом, все-таки взрослого мужчину ударил.

— Мне трудно судить, — ответил лейтенант, — я ведь ничего об этом не знаю.

— Так узнайте!

— Хотелось бы, но каким образом? Вы не скажете, Назим и Завур тоже предпочтут молчать.

— Французы говорят, ищите женщину, — шутиливо произнес один из ребят.

— Спасибо за совет, — в тон ему ответил Вагабов, — учту его. Главное, найти фотокарточку и узнать, кто она, так ведь?

Эффект сказанной на всякий случай фразы превзошел все ожидания. Ребята насупились и затоптались на месте, явно давая понять, что торопятся.

Он решил их больше не задерживать. Распрощался как ни в чем не бывало и зашагал к дому Назима.

Вагабов вовремя ушел со школьного двора. Из дверей школы в сопровождении директора появился Зейналов с папкой в руках.

Вагабов ускорил шаг. Подойдя к дому Назима, он вспомнил об их уговоре. С одной стороны, сегодня он уже нарушил уговор, хотя и не по своей вине, но все-таки, второй раз лучше его не нарушать, — решил лейтенант.

Стоять под забором долго он тоже не мог. Оставалось надеяться на случай. Назим мог увидеть его через чердачное окошко, если находился наверху. Ему даже показалось, его лицо мелькнуло за стеклом.

Истекли минут двадцать безрезультатных прохаживаний туда и обратно вдоль забора. На него начали обращать внимание соседи из дома напротив, и он счел за лучшее уйти. Жаль, надо было опередить Зейналова, что-то крылось за историей с фотографией. Что на ней? Вряд ли это рок-группы, культуристы. Нет, здесь все не так просто, подумал он.

— Акиф-муаллим, вы приходили за мной? — услышал он позади себя.

Обернулся. Перед ним стоял Назим, осунувшийся, с разбитыми в кровь губами.

— Заходил, — кивнул Вагабов, — только не за тобой, а к тебе. Расскажи, что произошло.

Парнишка покачал головой.

— Можно узнать, что вам уже рассказали об этом случае?

— Так, разное.

— Помните, вы говорили, что цените в отношениях между людьми открытость? Вы теперь изменили своим принципам?

— Нет, но как старший я имею право выслушать сначала тебя.

— Я должен оправдываться?

— Тебе нужно сказать правду, — отпарировал Вагабов, — мы во всем разберемся, поверь мне.

— А что здесь разбираться? Просто подрались.

— Но ведь была причина. Кто инициатор и все остальное?

— Остальное? — переспросил Назим.

— Конечно.

— Остального не было, я его просто избил, потому что он мне не нравится, — с вызовом ответил паренек.

— Больше тебе нечего сказать?

— Нет.

— Ну что ж, тогда до свидания! Я рассчитывал на тебя, но видимо, придется самому разбираться в этой истории, в которой задета не только твоя честь. Что же ты стоишь, иди.

Назим опустил голову и, медленно повернувшись, пошел обратно. В отличие от Вагабова, Зейналов уже завершил проверку.

— Пиши объяснение, почему провалил воспитательно-профилактическую работу с подучетным, — сказал он с видом победителя и отвернулся, давая понять, что разговор окончен.

В сердцах послав его ко всем чертям, Акиф молча вышел на улицу. Пусть думают, что хотят, напишу рапорт и переведусь в другой отдел, успокоил он сам себя, но ненадолго. Перед глазами встали нехитрая обстановка в доме Назима, бледное лицо его слепого отца, натруженные руки матери. Жалко мальчишку, возьмет все на себя и делу конец. Нет, рапорт он, конечно, напишет, но чуть позже, иначе потом будет мучить совесть.

— Привет, Вагабов, — высунулся из окна дежурки опердежурный капитан Нафталиев. — Тебя дважды спрашивала по телефону девушка.

— Номер оставила?

— Нет.

— Спасибо, если позвонит еще раз, спроси, кто она, и пусть оставит номер.

— Ладно, если она согласится это сделать.

Подожли двое инспекторов из отделения инспекции по делам несовершеннолетних.

— Не расстраивайся, Акиф, мы слышали, Зейналова скоро толкнут на повышение. Как-нибудь перетерпим, — произнес добродушный старший лейтенант Рагим Насибов.

Вагабов махнул рукой.

— Что его терпеть, разве в этом дело? Человек он дрянной, чем выше поднимется, тем больше бед натворит.

— Точно, — поддержал его уже не молодой инспектор Абульфат Рзаев.

Их разговор прервал опердежурный.

— Акиф, тебя к телефону.

Он трижды повторил «слушаю вас», пока на другом конце провода тонкий, срывающийся голос не произнес:

— Помогите, пожалуйста, Назиму, вся надежда на вас, он всегда очень хорошо о вас отзывался.

— Давайте встретимся и поговорим, — едва успел произнести Акиф, как раздались отбойные гудки.

Значит, действительно в конфликте замешана представительница прекрасного пола, — подумал Акиф.

Через окно он увидел направлявшихся к отделу Завура с отцом.

— Рискну, — решил Вагабов и направился было им навстречу, но опоздал. У входа стоял Зейналов.

Прошло не менее часа, прежде чем все трое вышли из кабинета начальника инспекции.

Распрощавшись как старые знакомые с Зейналовым, отец и сын, судя по всему, направились домой. Несколько поодаль за ними следовал Акиф. Он догнал их около самого подъезда.

Понимая, что он оказался рядом с ними не случайно, отец Завура остановился, выжидающе посмотрев на лейтенанта.

— Вас послал за нами Зейналов?

— Нет, я просто хотел сказать вашему сыну, что фотография действительно заслуживает внимания.

Под его пристальным взглядом Завур стушевался. На это обратил внимание его отец.

— А в самом деле, что это за фотография? — обратился он к сыну.

— Обычная фотография, — недовольно огрызнулся Завур.

— Что значит обычная? — накинулся на него отец. — Отвечай, когда тебя спрашивают. Чья это фотография?

Сын молчал.

— А ну-ка, лейтенант, давайте отойдем в сторонку, — вдруг подобревшим голосом предложил мужчина. Он взял Акифа под руку и зашептал:

— Кажется, я догадываюсь, в чем дело. Наверное, какая-то порнография. Мальчик сейчас постесняется сказать

нам об этом. Ваш бандюга сам, вероятно, ему ее дал, а потом стал отнимать. Товарищ Зейналов во всем разберется, он обещал наказать этого мерзавца.

— А что, товарищ Зейналов уже определил, кто из них мерзавец? Он видел эту фотографию?

— Насчет фотографии он ничего не знает, он о ней не спрашивал, его интересовала только драка. В уголовном кодексе действия вашего подшефного предусмотрены статьей 207 и именуются злостным хулиганством.

— Это вопрос спорный, прежде предстоит узнать, кому нести уголовную ответственность за изготовление порнографии.

— Черт возьми, неужели вы можете думать на моего сына?

— Следствие покажет, может, там не только изготовление, но и распространение.

Акиф почувствовал, что инициатива перешла в его руки. Папаша Завура потерял уверенность в себе, когда до него дошло, что дело может пойти значительно глубже, чем казалось. Он стал судорожно соображать, не выгоднее ли будет прекратить всю эту историю, не дай бог, действительно фотокарточка окажется делом рук его сына, дойдет до учителей, а ему в этом году школу заканчивать, нужна хорошая характеристика. Этот настырный лейтенант, опасаясь неприятностей для себя, о которых намекал Зейналов, будет защищать своего подопечного и наломает дров. Под влиянием этих мыслей он с ходу поменял тактику.

— Ладно, лейтенант, я сам разберусь с сыном и думаю, прекратим эту никому ненужную историю. Я позвоню Зейналову и заберу назад свое заявление.

Внутренне Акиф ликовал. Он на верном пути, теперь главное — дожать. Сложилась странная ситуация, фотография — это явный козырь в его руках, но как его использовать, пока не знал, поэтому решил блефовать дальше.

— В принципе я не возражаю, надо спросить у Завура.

Выражение лица Завура не оставляло сомнений, что он слышал разговор. На вопрос отца он с готовностью закивал головой.

— Я согласен. Только предупредите Назима, чтобы меня больше не бил.

— Этот паршивец должен благодарить судьбу, что у него такой защитник, — понимающе кивнул и улыбнулся лейтенанту отец Завура.

— Хорошо, — как о решенном деле, проговорил лейтенант. — Отдай мне негативы, чтобы я был уверен, что подобное не повторится.

— Давай, давай, если они у тебя, отдай и сожжем эту гадость прямо здесь, — нетерпеливо добавил отец.

Завур сбегал домой и вернулся, сжимая в руке три негатива.

Отец, опередив лейтенанта, схватил негативы и тут же поднес зажигалку.

— Зачем вы это сделали? — возмутился Акиф.

— Но ведь мы же договорились, — с деланным недоумением ответит тот.

Надо же, так хорошо начал и все же попал впросак, с досадой на себя думал Акиф. А завтра они вообще откажутся от всего. Уйти сейчас, значит признать свое поражение, отступить на прежние позиции. Папаша на глазах вновь приобретает самоуверенный вид.

— Зря вы это сделали, это ничего не меняет, фотография-то на руках.

— А у кого она? — спросил отец.

Спросите у своего сына.

— Где фотография?

— Ее забрал Назим.

— Ну, теперь я понял вас, лейтенант. Вы изъяли ее у Назима. И у вас улика против моего сына.

Вагабов не стал его в этом переубеждать.

Лицо мужчины вновь поскучнело и в голосе послышались просительные нотки.

— Может, договоримся насчет фотографии?

— Договориться можно, но я могу ведь вас обмануть и отдать другую. Спросите у Завура, какую из них вам отдать. Долго ждать не буду, решайте прямо здесь.

Взвинченный этой нескончаемой историей с фотографией, папаша со злостью вцепился в плечо сына.

— Давай, рассказывай, что это за фотография. Я уже заранее знаю, что это голая баба.

Ярость отца напугала отпрыска, и он, срывающимся, слезливым голосом рассказал, что хотел подшутить над одной девочкой, сфотографировал ее, а потом изображение ее лица приклеил на порнографическую карточку, сделал фотомонтаж. В школе показал ей фотографию и предложил встречаться с ним, в шутку пригрозив в противном случае размножить фотокарточки и расклеить по всему поселку.

Выяснив фамилию девочки, Вагабов не попрощавшись, ушел.

Уже третий раз в течение сегодняшнего дня он направлялся к дому Назима. По дороге заскочил в универмаг, купил несколько коробочек с акварельной краской, набор гуаши, тюбики с масляной краской и настоящую, колонковую кисточку.

Дверь ему открыла мать Назима. На шум из прихожей поднялся отец.

— Это вы, лейтенант? — догадался он.

— Я, а где Назим?

— Как всегда, наверху. Сейчас я его крикну, — направилась было к двери мать.

— Не нужно, я позову его сам.

Назим спустился с чердака и остановился напротив Вагабова. Рядом стояли его мать и отец. Все трое с напряжением ждали, что скажет лейтенант.

— Я принес тебе краски, — произнес тот, улыбаясь и протянул сверток Назиму.

Потом положил руку на плечо его отцу и твердо сказал:

— У вас очень хороший сын, как-нибудь позже, когда он мне разрешит, я навещу вас и мы поговорим об этом. А сейчас я спешу.

Назим нагнал его за воротами.

— А как же драка, Акиф-муаллим?

— А как фотография? — улыбнулся лейтенант. — Ну и денек ты мне сегодня устроил, дружище. Твои проблемы я уже решил, а свою пока нет.

Через каких-то полчаса лейтенант Вагабов зашел в кабинет к Зейналову и протянул свое объяснение, в котором все было расставлено на свои места.

Прочитав его, Зейналов понял, что проиграл, и все-таки, не желая признать свое поражение, спросил начальствующим тоном, какие меры приняты к Назиму.

— Самые строгие, — с открытым вызовом посмотрел на своего начальника лейтенант, — я подарил ему краски.

— Не понял, — недоуменно переспросил Зейналов.

— Вот и прекрасно, для вас это нормальное состояние — непонимание добрых человеческих чувств.

Действительно, не каждому дано отличить чистые цвета от мутных, думал Акиф по дороге домой.

В ПОРЯДКЕ ИСКЛЮЧЕНИЯ

Полупустой зал кинотеатра окунул в далекое детство. Вспомнилось, как убегал с уроков, и, сжимая в руке драгоценные двадцать копеек, подходил к окошку старого кинотеатра. Кассир, пожилая женщина, придирчиво смотрела через узкое оконце, будто спрашивая, с какого урока ушел, а затем отрывала от пачки заветный синий билетик. Приходили в основном пенсионеры и мальчишки, такие же как и он прогульщики, в своем кругу пацаны их называли шатальщиками.

Прошло много лет, с тех пор он ни разу не был на утреннем сеансе. И хотя это другой город и другой кинотеатр, прошло столько лет, все очень похоже, и зрители не изменились: те же мальчишки-прогульщики и пенсионеры. Правда, мальчишки получше одеты, ведут себя самоуверенно, а пенсионеры, наоборот, молчаливее. А он самый молодой из них — ему только тридцать. Да, и еще разница — фильмы не те — жесткие, динамичные, а герои — люди практичные, без комплексов, знают, чего хотят от жизни.

* * *

Он любил усаживаться в сторонке, и с первых кадров с головой окунался в жизнь, открывавшуюся на экране. Страдал вместе с героями, радовался их удачам, негодовал, когда зло оказывалось сильнее добра.

Ему хотелось быстрее вырасти, посвятить себя трудному делу, в мальчишеских мечтах он мысленно представлял себя летчиком, подводником, верхолазом. Будничные профессии его не привлекали, хотелось риска, подвига.

Он выросл, но все героическое и романтическое оставалось где-то далеко, будоражив воображение лишь в фильмах, газетных статьях под рубрикой «Мужество». Бесспорно, этот мир бесстрашных, сильных духом людей существовал, думал он, но его создали и жили в нем избранные, неординарные личности, не чета ему.

Джангиру определенно не везло. В авиационное училище не прошел по конкурсу, подался работать монтажником, но оказалось, что не все монтажники—высотники, этот невеселый вывод Джангир сделал после первых же дней работы, но увольняться не стал: неудобно было бегать с места на место. На работе, а затем, в армии все проходило буднично и просто. Служил в войсках связи, освоил несколько типов радиостанций, увлекся микросхемами. Форма, погоны, четкий армейский ритм пришлись по душе, все ладилось, заимел много друзей. Не скрывал грусти, расставаясь с частью. Уловив его настроение, замполит батальона капитан Макаров предложил остаться на сверхсрочную. Поколебавшись, Джангир отказался. — Поеду домой, думаю поступать в техникум связи.

В плацкартном вагоне царил суматоха. Большая группа студентов—веселых, симпатичных ребят ехала на практику. Не умолкали музыка, громкий хохот. Он не навязывался в компанию, сидел в сторонке, разглядывая попутчиков. Его внимание привлекла худенькая девушка с темными волнистыми волосами. Она безучастно смотрела перед собой, временами ее красивое большеглазое лицо становилось матовым. С ней определенно происходило что-то непонятное.

Он не сразу решился спросить, что с ней. Сдерживало опасение, что примет его участие за желание познакомиться. Преодолев колебания, он приблизился к ней.

— Вы больны?

Девушка подняла на него свои бездонные серые глаза и молча кивнула.

— Вас укачивает?

Она промолчала.

Жизнерадостная компания только теперь обратила внимание на состояние подруги. Девчонки заохали, засуетились, парни сочувственно перешептывались. В другом

конце вагона случайно оказалась врач. Осмотрев девушку, она ничего определенного не сказала, но посоветовала высадить на ближайшей станции и отправить в больницу. Проводника послали к бригадиру вызвать по связи «Скорую помощь». Девушке становилось все хуже, она теряла сознание.

Наконец поезд остановился. Джангир сам не мог потом понять, почему именно он на руках вынес ее. Машины «Скорой помощи» не было. Он понес ее к зданию вокзала. Медпункт в зале ожидания оказался открытым, он уложил ее на кушетку. Никого из персонала не было. Две студентки, сопровождавшие их, вышли искать медсестру.

Джангир боялся, что девушка умрет. Она вдруг открыла глаза, посмотрела на него, и длинные ресницы вновь опустились.

Наконец, пришла отоварившаяся где-то медсестра. Испуганно вскрикнув, она уронила авоську, крупные, румяные яблоки рассыпались по полу. После укола девушка пришла в себя. Энергичная медсестра, собрав яблоки, выбежала и через минуту вернулась. Скомандовала решительно:

— Ну-ка, солдатик, неси свою невесту в машину.

Машинально повинувшись, Джангир поднял невесомое тело. Он осторожно уложил девушку в машину «Скорой помощи», стоявшую у входа в здание вокзала. «Скорая» уехала, Джангир смотрел вслед, ощущая какое-то неведомое ему доселе чувство. Почему он так близко воспринял происшедшее с совершенно незнакомым человеком? Девушка непременно вылечится, просто у нее слабое сердце.

Поезд! Расталкивая людей, побежал через зал ожидания. Перрон был пуст. Что делать? Портфель уехал, в нем, правда, не было ничего, кроме туалетных принадлежностей, да нехитрых солдатских гостинцев родителям, братишке. И еще в вагоне осталась фуражка, в форме без головного убора неудобно. Прошелся по перрону, в маленьком киоске военторга купил форменную фуражку.

Бесцельно побродив по вокзалу, постоял перед графиком расписания поездов. Пересчитав деньги, вместе с мелочью набрал необходимую сумму. Поезд, следовавший в нужном направлении, ожидался через пять часов.

— Эй, солдатик, иди-ка сюда, — окликнули его.

Через зал, держа авоську с яблоками, шла вокзальная медсестра.

Джангир подошел.

— Ну, как твоя подруга?

Он не нашелся, что ответить.

— Не расстраивайся, полежит несколько деньков и поедете дальше, билеты не забудь перекомпостировать. В воинской кассе моя подруга работает, скажи, что от Аллы Григорьевны. Ну, я побежала, смена закончилась.

В буфете аппетитно пахло сосисками, но, помня о своих скромных финансах, Джангир решил ограничиться булкой. Утолив голод, принялся за чтение газет, оставленных кем-то из пассажиров на соседнем кресле. Не покидало смутное беспокойство. Обидно, конечно, что отстал от поезда, но не беда, попаду домой чуть позже. Откроется касса, возьму билет, и неприятное волнение пройдет, — успокоил он себя.

Бездеятельность угнетала, и ему, даже годы спустя, трудно было ответить, как пришла мысль съездить в больницу, узнать о состоянии здоровья девушки. Не раз потом Джангир вспоминал, как расспрашивал дежурного врача о девушке, доставленной с вокзала, не зная ни ее имени, ни фамилии. Ее быстро нашли в журнале по адресу, откуда пришел вызов — железнодорожный вокзал.

— Ничего страшного, сердечный приступ, состояние удовлетворительное, — объяснила врач, — сейчас она спит.

Джангир повторил про себя ее фамилию и имя. Робко попросил у доктора разрешения взглянуть на нее: он вдруг испугался, что это окажется не она.

— Хорошо, пойдемте, — сказал доктор, — возьмите халат.

Они поднялись на второй этаж, приоткрыли стеклянную дверь палаты, и он увидел ее лицо. Она спала.

— А когда ее выпишут?

— Будет зависеть от самочувствия. У нее ничего серьезного. Слабое сердце, переутомилась, а может, переволновалась. Нужен покой. Отвезете домой, и дело пойдет на поправку.

Поблагодарив доктора, Джангир вышел на улицу, не спеша добрал до вокзала. Мысли о девушке не покидали его. Что она будет делать без денег и вещей, когда ее выпишут? Веселые студенты укатили, не подумав о своей сокурснице.

Постояв у кассы, он так и не смог перебороть себя и взять билет. Повернул обратно к больнице, по дороге купил плитку шоколада и килограмм яблок. Стало легче от того, что покончил с колебаниями, деньги потрачены.

В больнице наступило время посещения больных, он

вошел в знакомую палату. Тамара, так звали девушку, лежала неподвижно с открытыми глазами. Увидев его, со смущенной растерянностью натянула одеяло до самого подбородка.

— Это вы?

— Я, — кивнул Джангир и, усевшись на краешек кровати, протянул сверток с яблоками и шоколад. Незаметно для себя разговорились, да так увлеклись, что не заметили прихода медсестры, объявившей об окончании времени посещения.

Через три дня Джангир с Тамарой ехали к ней домой. Эти трое суток перебивался булками. На деньги, вырученные от продажи часов, купил билеты. Родителям Джангир написал обстоятельное письмо, пригласил на свадьбу.

Встретив так неожиданно-негаданно спутницу жизни, он в еще более неожиданной ситуации сделал выбор жизненного пути.

Случилось это при следующих обстоятельствах. Планы с учебой в техникуме он решил отложить до следующего года и устроился монтажником на стройку, заработок обещал быть неплохим. Оработав первый день, торопился домой поделиться впечатлениями. Купив по дороге цветы, он решил заглянуть в кинотеатр около их дома, посмотреть, какой фильм на вечерний сеанс.

Город ему нравился: небольшой, чистенький, люди приветливые. Все здесь было по душе, может оттого, что это был ее город.

Неожиданно впереди раздался выстрел. Он увидел бежавшего навстречу мужчину в светлом костюме. Вот он, замедляя бег, обернулся и выстрелил в преследующего его милиционера.

Джангир прижался к стене, сделав вид, что уступает дорогу, а когда преступник поравнялся с ним, бросился на него и сбил с ног. Вместе с подроспевшим сотрудником милиции скрутили его, несмотря на отчаянное сопротивление.

Домой пришел с синяком под глазом и разбитой губой. Тамара всполошилась, а он, успокоив ее, тут же огорошил новостью.

— Мне предложили работать в милиции.

— И что же ты?

— Я согласился.

— Но ведь ты даже не посоветовался со мной, — обиделась Тамара вначале, а потом, посмотрев на него внимательно, молча принялась обрабатывать синяк и разби-

тые губы. Переубеждать его она не стала, хотя не скрывала, что недовольна выбором.

Начинал Джангир патрульным милиционером, потом заочно окончил юридический факультет, перешел оперуполномоченным уголовного розыска. Приходилось попадать в переделки, слышать свист пуль над головой. В розыске будни таковы, что скучать не приходится, здесь грань между обычным и героическим часто стирается.

Жена и дети уже привыкли к его длительным отлучкам, ночным вызовам и дежурствам. Она освободила его от всех хозяйственных забот.

* * *

Демонстрировался зарубежный художественный фильм о полиции. Импозантного вида комиссар творил чудеса, смело применял оружие, блистал приемами карате, успевая при этом предаваться любовным утехам. Супермен-полицейский вызвал в Джангире чувство необъяснимой злости. Великолепные машины, валяжные позы, рестораны, женщины, меняющиеся костюмы, плащи, куртки. Черт знает что, не работа, а прогулка. Как ни приукрашивай, а преступность есть преступность, т. е. насилие, искалеченные судьбы, потерянные жизни. Джангир как профессионал был глубоко убежден, что приукрашивание преступного мира, создание вокруг него романтического ореола ничего кроме вреда не принесет. Сильная личность полицейского, для которого не существует непреодолимых барьеров, раздражала бутафорностью.

Насмотрятся парни такой жизни и рвутся служить в милицию, а потом окунутся в прозу и рапорт на стол начальнику: «Прошу представить к увольнению, я ошибся в выборе жизненного пути». Сколько таких ребят он перевидел, и сам прошел через отрезвление реальностью. Взять, к примеру, заурядные бытовые скандалы, на них часто приходилось выезжать в составе оперативной группы. И всякий раз оставался неприятный осадок. Ругань, слезы, истерика, перекошенные яростью лица, испуганные глаза детей. Разнимать дерущихся — самое неблагоприятное занятие, нередко обе стороны объединяются, и тогда грязный мат звучит уже в твой адрес, кидаются в драку. В плаче закатываются дети, видящие в дяде-милиционере, увозящем пьяного отца, но все же отца, — злого, бесчувственного человека.

Вроде пустяковое дело — бытовой конфликт, как бы деликатно ни разнимал, разнимешь — ругают, что был грубым, не примешь меры — бедой обернется, и вновь виновата милиция. До сих пор его пробирает холодок от одного воспоминания. Произошло все следующим образом. Семейный дебошир, загнав в кладовку жену и детей, топором крошил мебель. Уповать на то, что покончив с мебелью, он успокоится, было нельзя, требовались энергичные действия. В пьяном угаре он мог перекинуть ярость и на домашних. Дверь в квартиру оказалась запертой, и соседи настойчиво предлагали ее взломать. Джангир решил поступить иначе. Поднявшись на крышу, он, повиснув на руках, спрыгнул на балкон, толкнул плечом дверь и влетел в комнату. Мужик оказался рослым и, несмотря на солидный вес, достаточно подвижным. Не раздумывая, он уверенно двинулся на неожиданного гостя, даже наставленный в его сторону пистолет не возымел действия. Джангир едва успел отскочить за массивный обеденный стол, перегородивший половину комнаты. В самом деле, не станешь же стрелять в пьяного человека. Они замерли, глядя друг на друга, разделенные столом.

— Кончай дурака валять, — пытался образумить хозяина Джангир. — Брось топор, давай поговорим.

Дебошир молчал, свирепо пожиная глазами откуда-то появившегося парня и вряд ли что-либо понимая. У него, наверное, белая горячка, подумал Джангир, и едва успел уклониться от удара, нанесенного через стол. Мужчина взревел, негодуя на неудачу, размахивая топором и яростно ругаясь, метнулся влево вокруг стола. В стремительном темпе они сделали несколько кругов и снова остановились, сторожа каждое движение друг друга. Преследователь тяжело дышал и, по-видимому, уже выдыхался. Переведя дух, он вновь предпринял попытку настичь Джангира, но опять безрезультатно. В молчании они изучающе осматривали друг друга. Улучив момент, Джангир засунул мешавший ему пистолет под ремень брюк, обе руки теперь были свободны. Долго беготня продолжаться не могла. В очередной раз они застыли по разные стороны стола, хозяин дышал тяжело и прерывисто, по лицу струился пот. Он поднял руку, чтобы смахнуть капельки с бровей, и Джангир, воспользовавшись моментом, схватил край скатерти и набросил ее ему на голову. Замешательства, длившегося какую-то долю секунды, оказалось достаточно, чтобы преодолеть расстояние между ними, отработанным

ударом в предплечье выбить топор, вывернуть руку за спину.

После того вызова он с опаской относился к бытовым выездам. Вот уж поистине, никогда не знаешь, что у пьяного на уме. Поднявший руку на мать, жену, детей, вряд ли пожалеет постороннего, да еще милиционера. Но обидно все-таки бывало, когда на следующий день после скандала в милицию приходили мать, жена или дочь и брали под защиту непутевого сына, мужа, отца. И не просто защищали, а порой наводили напраслину на работника милиции, приехавшего по их же вызову. Сознывая свою неправоту, оправдывались тем, что мы, мол, вызывали вас просто поговорить, пристыдить, а вы сразу к себе везете, привлекаете к ответственности. Как говорится, куда ни кинь, а сотруднику милиции везде клин.

* * *

Фильм, как он и предполагал, окончился полным успехом красавца комиссара, и зал быстро опустел. Джангирю некуда было торопиться, он медленно вышел на улицу, с неудовольствием думая о том, что впереди еще целый день. Пустое времяпровождение изматывало. Без работы, бывшей на протяжении многих лет смыслом жизни, чувствовал себя потерянным, не находил сил сопротивляться одолевающей его тоске, давящей на психику опустошенности. Сутки, когда-то вмещавшие массу событий, раздвоились в сознании на две сумрачные половины от утра до вечера и с вечера до утра. Преследуемый тягостными мыслями, не зная, чем заняться, он отчаянно тосковал. Рецепторы души были обнажены до последнего предела.

С небольшими перерывами неотвязно преследовали подробности последнего задержания. Им стало известно, что в одной из квартир скрываются двое опасных преступников, бежавшие из мест лишения свободы. За ними тянулся целый шлейф убийств, разбойных нападений, ограблений. Преступники знали, что их ждала высшая мера наказания и не рассчитывали на снисхождение. Такие сопротивляются до последнего. Операцией по задержанию руководил начальник городского отдела внутренних дел полковник Хромов. Высказывались различные предположения, но в итоге пришли к выводу брать преступников при выходе на улицу. Предусмотрели и такой вариант, как вызов преступниками такси. В этом случае за рулем должен

был сидеть один из сотрудников уголовного розыска. Обезвредить в момент посадки посчитали наиболее оптимальным. В деталях проработали расстановку группы захвата и обеспечения. Первым должен был встретиться с ними Джангир. Ему предстояло сыграть роль жильца, поднимающегося навстречу в подъезде. Для полной убедительности он должен был держать в руке сумку с провизией или ведро с мусором. В его задачу входило пропустить их и затем блокировать им путь назад. На исходные позиции заступили в шесть утра и простояли до десяти, ежеминутно ожидая появления преступников. Ребятам, затаившимся в машинах и на улице, было проще, а Джангиру при виде каждого жильца, появившегося в подъезде, приходилось с озабоченным видом рыться в хозяйственной сумке, завязывать шнурки туфель и придумывать другие ухищрения. Словом, изображать человека, поднимающегося к кому-то на верхний этаж.

Он четко уловил в отдававшейся тишине подъезда их шаги. Подхватив сумку, перешагивая через ступеньки, направился навстречу. Встретились на лестничном пролете между третьим и четвертым этажами. Мужчины предупредительно посторонились, давая ему возможность пройти. Поднявшись на пару пролетов, Джангир опустил сумку, снял пистолет с предохранителя и бесшумно скользнул назад. Внизу послышался топот ног, раздались выстрелы. Значит, сорвалось, с досадой подумал он. Снова выстрел и звук быстро приближающихся шагов. Вот их отделяет только один пролет. Они увидели друг друга одновременно. Преступник выстрелил не раздумывая, и Джангира обдало горячей волной. Навалившись на перила и теряя сознание, он нажал на спуск почти в упор.

В госпитале провалялся несколько месяцев, врачи сохранили ему жизнь, но со зрением вышло худо. Левый глаз ослеп полностью, а правым он видел нормально, но постоянно мучили головные боли.

После выписки потянулись длинные, однообразные дни, недели. Ничего не хотелось делать, друзей избегал, не желая ничьей жалости. С Тамарой, пытавшейся его как-то отвлечь, отмалчивался. Когда принесли пенсию, молча расписался, но к деньгам не притронулся. Спозаранку уходил бродить по городу, часами простаивал на бульваре, наблюдая за стариками, «забивавшими» в домино. Вечером приходил поздно и сразу укладывался в кровать. Круглые сутки один со своими думами, с нескончаемой болью и

смятением. Он понимал, что его уход в себя, состояние транса тяжело переживается женой, но ничего не мог поделать. Сбросить оцепенение не удавалось, несмотря на все усилия. В голову непрестанно лезли упаднические мысли, будущее для него перестало существовать. Прошрое осталось в прежней жизни, где был волевой, цельный в своих устремлениях человек.

Что делать дальше? Он напряженно искал и не находил ответа на этот вопрос.

Тамара неоднократно пыталась поговорить по душам, он не обрывал, но и не поддерживал, хотя в мыслях постоянно обращался к ней, советовался, спорил, жаловался.

Друзья успокаивали, мол, пенсия неплохая, найди легкую работенку, живи для себя. Жалея, не подозревали, что тем самым подавляли волю, сводя будущее к безбедному существованию. Джангир боялся услышать то же от Тамары. Он облегченно вздохнул, когда впервые за всю их совместную супружескую жизнь она уехала в командировку в Москву. Подумал, пусть развееется, отдохнет от дома, сменит обстановку, и ему не нужно будет приходить домой поздно и украдкой нырять в постель во избежание разговоров.

Но против ожидания ее отсутствие переносил очень тяжело. Проводив детей в школу, оставался один в пустой квартире, где все напоминало о ней. Джангир вспоминал подробности их знакомства. День ото дня волнение нарастало. Никогда раньше ее отсутствие не переживалось им так болезненно. Он уже корил себя за свое поведение, за то, что период после ранения превратил в пытку для семьи. Разве можно было так распускать нервы? То, что прости-тельно другому, непростительно ему, знающему цену человеческого горю, смотревшему не раз в лицо смерти. Джангир истязал себя упреками, насмешками.

Хотелось только одного — скорее увидеть Тамару, излить ей душу, объяснить свое состояние, доказать, что не сломался. Он устроится на работу, но не юристом, а на стройку монтажником. Физические нагрузки, свежий воздух сделают свое дело. А там видно будет, может, замахнется и на большее.

Оставаясь один, Джангир доставал из шкафа форменный китель с орденом Красной Звезды и тремя медалями. Конечно, наград было не так много, но они были дороги ему. Он вешал китель на спинку стула, и ему казалось, вот-вот прозвучит молчащий в последние полгода телефон

и дежурный скажет: «Вас срочно вызывают в отдел, совершено преступление». И хотя телефон продолжал молчать, настроение постепенно улучшалось, появилась вера в реальность самых смелых планов. Стал восстанавливаться нормальный сон.

* * *

Он спал и ему снилось, как к кровати подходит Тамара, легонько проводит ладонью по волосам, будит его, но ему не хочется открывать глаза, чтобы хоть немного растянуть приятное ощущение спокойствия и тепла. От жизни не уйдешь, надо открывать глаза, а вернее, один глаз. Он ловит последнюю мысль и одергивает самого себя: что, опять запаниковал? Решительно сбрасывая оцепенение, приподнимается на локти, и вот оно чудо — видит сидящую рядом Тамару. Какое у нее красивое лицо, — подумал Джангир, вместо того чтобы поздороваться. Мысли роились в голове, он не мог сосредоточиться. Она, улыбаясь, смотрела на него.

И тут его прорвало, он стал торопливо рассказывать о своих планах, горячо убеждая ее в том, что еще не сломен, что найдет в себе силы перебороть все невзгоды. Выговорившись, немного успокоился, а потом, набрав воздух, как перед прыжком в воду, выпалил самое заветное, дерзкое в его нынешнем положении:

— Попробую написать рапорт министру с просьбой вернуться на службу в порядке исключения. Такие случаи были. Я мог бы работать в инспекции по делам несовершеннолетних, возиться с трудными ребятами. Как ты считаешь?

Тамара смотрела на него и ничего не отвечала.

— Почему ты молчишь? — осекся он. — Думаешь, замахнулся на несбыточное? Поверь, у меня хватит сил, докажу это всем и прежде всего тебе.

Джангир обнял ее и поцеловал в мокрые от слез щеки.

— Не надо плакать, все будет именно так. Сегодня же отправлю рапорт.

Тамара, ни слова не говоря, вышла из комнаты. Она вела себя как-то странно. Он откинулся на подушку. «Неужели поздно? Из одной крайности я кинулся в другую, и это ей одинаково неприятно. Или она просто перестала меня уважать?».

Жена вернулась в комнату и протянула ему листок бумаги.

— Читай, Джангир!

Он нерешительно взял у нее листок.

— Что это?

— Ну прочти же! — не выдержав, наконец рассмеялась Тамара. — На свой страх и риск, не посоветовавшись с тобой, я написала от твоего имени рапорт с просьбой о восстановлении на службу в порядке исключения и вместе с медицинской карточкой отвезла в Москву. Ходила на прием к самому большому начальству. Мир не без добрых людей, поняли нас с тобой и пошли навстречу. Принято решение зачислить тебя в порядке исключения, учитывая многолетнюю добросовестную службу. Вот так-то, — закончила она, шутливо потрепав его по волосам.

Услышанное казалось несбыточным сном. Джангир потерялся от нахлынувшей радости, а Тамара деловито выговаривала ему:

— Доставай-ка быстро повседневную форму и приводи в порядок, а завтра, дружище, давай на работу, получи выписку из приказа. А сегодня я приглашаю тебя в театр, причем пойду с одним условием — ты будешь в парадной форме.

Капитан милиции в очках с затемненными стеклами, стройный, со спортивной фигурой, вошел в фойе театра под руку с большеглазой красивой женщиной. На них нельзя было не обратить внимания, прохаживаясь в ожидании третьего звонка они ловили на себе одобрительные взгляды. Женщина выглядела веселой и беззаботной, а капитан сдержанным и уверенным в себе.

Франтоватый вид офицера, темные очки не понравились лишь пожилому мужчине, видимо, из отставников, неодобрительно покачавшему головой вслед. К выправке капитана не придерешься, это старому вояке нравилось, а вот темные очки казались непривычными, даже захотелось сделать замечание, но сдержался. Больно понравилась спутница капитана. «Настоящая красавица, ради такой любые очки наденешь, лишь бы произвести впечатление», примирительно заключил ветеран.

ЖИЗНЬ НЕ КОНЧАЕТСЯ

Веселый лучик солнца, проникший в комнату, разбудил его. Сабир зажмурился и повернулся на бок. За окнами, прыгая по карнизу, весело чирикали воробьи. Вот и начался последний день его пребывания в колонии. До подъема оставалось около получаса, и он, сдерживая нетерпение, старался думать о чем-то приятном, но не очень получалось.

Мысли перекинулись на первые дни колонистской жизни, давила обстановка, требовавшая постоянного напряжения. Будучи немногословным, даже нелюдимым, он испытывал острую потребность побыть одному. Но ни в жилой, ни в промзоне ему ни на минуту не удавалось остаться с самим собой.

Как и повелось, сразу несколько осужденных проявили к новичку повышенное внимание. В изоляторе Сабир уже получил кое-какое представление о нравах преступного мира, узнал, что есть здесь свои авторитеты, а равно и свои изгои. Ему было нелегко сориентироваться во всем калейдоскопе характеров, группировок, разобраться в жаргонных определениях, по-своему либо возносящих, либо низвергающих человека до низшей степени унижения. Он с внутренним ужасом смотрел на тех, кого зона сделала неприкасаемыми. Одни стали жертвой своего малодушия, трусости, порой подлости, даже были обречены на это своими

статьями, других сломали за неподчинение, ошибки, истолкованные авторитетами как падло¹.

Основной контингент, так называемые мужики, вкалывали и жили одной мыслью — перетерпеть и выйти на волю. Они не подпускали к себе опущенных² и не связывались с блатными.

Сабир попал работать на лесоповал, чему очень обрадовался. Рослый, косая сажень в плечах, он играючи обращался с электропилой, правда, его не покидало чувство жалости к мощным красавцам с густыми кронами. В разговор не вступал, контактов избегал. Хлебников, как здесь назывались близкие друзья, не приобрел, хотя ребята из бригады относились к нему хорошо. Как-то, по неопытности, он отморозил уши и щеки, и один из парней, Виталий Силкин, сам сибиряк, первым заметив его беду, растер ему лицо снегом, отдал свой шарф, а вечером, когда вернулись в жилую зону, достал припасенную брагу и заставил выпить.

— Пей, земляк, лучшая профилактика, а иначе свалишься, вон глаза блестят от переохлаждения.

Не избалованный вниманием, Сабир растерялся, молча сделал несколько глотков густой жидкости, настоянной на карамели с дрожжами, и, даже не поблагодарив Виталия, улегся спать.

Но случай отблагодарить за добро представился быстро. В воскресенье, по установившейся привычке купив в ларьке несколько пачек печенья, сигареты, Сабир направился в библиотеку. Не жажда знаний или любовь к книгам тянули его, а простая возможность побыть одному. Обычно он располагался за один из столиков у теплой батареи парового отопления, клал для видимости перед собой какую-нибудь книгу и ел печенье, думая о своем. Небольшой читальный зал чаще всего пустовал, библиотекарь, из осужденных, очень худой, лысый, выглядевший значительно старше своего возраста, не отрывая головы, читал, делая заметки в толстой общей тетради.

Рассказывали, будто он кандидат наук и, будучи заведующим лабораторией, стал жертвой подлости своего заместителя, который, втянув его в аферу с платежными ведомостями на выполнение заказов, здорово нагрел себе

---

¹ Падло (жарг.) — предательство.

² Опущенные (жарг.) — отвергнутые в зоне.

руки, но остался в стороне, да еще, оказалось, был любовником жены начальника.

Сабира он очень уважал за его незаурядную физическую силу и спокойствие. А тот, в свою очередь, жалел библиотекаря, часто угощал его печеньем, чаем. У них уже установился своеобразный ритуал общения. Раздавленный горем, болезненный библиотекарь ударился в философию, отгородился от действительности проблемами мироздания, и среди осужденных пользовался репутацией тихого психа. Его не обижали, но и не воспринимали всерьез.

— У каждого своя боль, — думал Сабир.

В коридоре слышался глухой шум, ругань. Библиотекарь, сообразив, что случилось что-то неладное, умудренный опытом лагерной жизни, еще ниже опустил голову над тетрадь.

Сабир сидел неподвижно, не сомневаясь в том, что опять блатные затеяли скандал.

Внезапно дверь с грохотом отворилась и внутрь заскочил Силкин, взъерошенный, с окровавленным лицом. Следом ввалились трое осужденных из приблатненных. Верховодил троицей Семчиков, невысокий, тщедушный, с низким лбом и угреватым острым носом, по кличке «Вертун». В его лице, действительно, было что-то вертлявое. Его многие побаивались за постоянную готовность устроить дебош, столкнуть между собой осужденных, спровоцировать драку. Он был, несомненно, очень хитрым, расчетливым человеком. Умело используя разные приемы, он создал вокруг себя ореол сильной личности. Как правило, в числе первых подходил к новичкам, влезал в душу, разыгрывал сочувствие, мог даже оказать какую-нибудь услугу, за которую потом доверившимся ему людям приходилось расплачиваться. За ним укрепилась репутация человека, не подчиняющегося порядкам администрации, не раз помещавшегося в штрафной изолятор.

«Вертун» бравировал своей блатной непокорностью, преследовал осужденных, которые соблюдали дисциплину, хорошо работали. Под разными предлогами он вместе с дружками вымогал деньги, отбирал продукты, купленные в ларьке. Со своим окружением он изрядно трепал всем нервы. С ним старались не связываться, вариант проигрышный, даже если его покалечишь, новый срок получишь.

С Сабиром у них однажды произошел конфликт. После работы он в душевой умывался, обливался холодной водой. «Вертун» и пятеро его дружков появились неожиданно,

заговорщически переговариваясь. Откуда ему было знать, что по неписанному закону ему следовало тут же ретироваться, а он продолжал заниматься своим делом. Разъяренный наглостью мужика, «Вертун» со всего маху ударил его по спине валявшимся здесь грязным веником. Сабир опешил от неожиданности: такого оскорбления ему никто и никогда не наносил. Он взревел от унижения и боли, успев подумать, что лучше пусть убьют сейчас, чем мучаться вот так еще столько лет. «Вертун» нырнул за спины дружков, сообразив, что с этим парнем такая наглость не пройдет. Понимая, что взбешенный здоровый парень может наделать бед, искушенные в таких делах блатняги пошли на попятную, успокоили Сабира, погасили конфликт, посчитав, что разделаться с ним можно в другой, более подходящей обстановке, с меньшим риском для себя.

Случай этот не прошел для него незаметно. Первое время он боялся заснуть, зная нравы «Вертуна». Ребята из его секции заметили это и предложили дежурить по очереди, хотя он ничего им не говорил.

Шло время. Рассудительного, знавшего цену слову Сабира назначили бригадиром. Работал он истово, с радостью. В бригаде выходили неплохие заработки, появились льготные деньги, так что можно было разнообразить стол.

Тяжелая физическая работа действовала на него благотворно. Мускулы еще больше налились силой, он играючи приподнимал огромные бревна, вытягиваемые тягачами с делянки. Раза два пришлось-таки применить силу в отношении блатных, после чего с ним избегали обострять отношения. Он не лез в активисты, но и не сочувствовал отрицаловщикам, пытавшимся утвердить в зоне воровские традиции, диктовать свои условия. За ним укрепилась репутация решительного и жесткого человека.

Вот почему при виде Сабира «Вертун», сразу вроде ступавшийся, оценивающе глянул, а потом, демонстративно опустив руку в карман, двинулся на Силкина.

— Посчитаемся, наконец!

Двое других стояли у входа, нагло ухмыляясь.

Виталий производил впечатление человека, прощающегося с жизнью, ужас его был настолько велик, что он, смирившись со своей участью, не искал защиты у Сабира. И тут всех удивил запуганный, тщедушный библиотекарь. Он закричал тонким, пронзительным голосом:

— Остановитесь! Что же вы делаете? Неужели колония вас ничему не научила? Сжальтесь над ним!

Вряд ли «Вертун» намерен был убить Виталия, нет, ему доставляло удовольствие, балансируя на грани, взвизгивая себя и окружающих, издеваться над своей жертвой. Этими своими сценками и был страшен отъявленный подонки, утративший все человеческое, без чего нельзя даже в колонии, в тюрьме. Вихляющей походкой он приблизился к Виталию, выставив растопыренную пятерню левой руки и заноса правую с ножом.

Безудержная ярость охватила Сабир, он настиг «Вертуна», схватив за плечо, развернул к себе и, не говоря ни слова, нанес страшный по силе удар в грудь. «Вертун» перелетел через два стола, дернулся и затих, а Сабир, схватив за грудки двух блатных, ожесточенно бил их спинами об стену до тех пор, пока оба не перестали сопротивляться.

Тем временем «Вертун» пришел в себя, медленно поднялся на четвереньки, из носа тонкой струйкой шла кровь, в его маленьких глазах не было ничего, кроме тоскливой злобы, растерянности. Ноги не держали, и подошедший библиотекарь взгромоздил его на стул.

Подавив желание еще раз стукнуть «Вертуна», Сабир вышел из библиотеки, закурил. Рядом молча стоял Виталий.

— За что он тебя?

— Деньги требовал, а у меня нет.

— Ничего, больше не сунется.

Троица не заставила себя ждать, вид у них был неважный. Уже удалившись на приличное расстояние, «Вертун» обернулся:

— За мной должок, земляк, посчитаемся.

Сабир не ответил, ни один мускул не дрогнул на лице, им вдруг овладело полное равнодушие ко всему происходящему. Аналогичное состояние, продолжавшееся практически в период всего следствия, он испытывал после ареста. Вину свою он не отрицал, действительно, в драке на дискотеке участвовал, но не был ее инициатором, а вступился за соседа по общежитию. В конечном итоге все оказалось против него. Если вначале он пытался вникнуть в детали следствия, то потом плюнул, разуверившись в возможности доказать истину, и молча подписывал бумаги, составляемые следователем. Молоденькая женщина — адвокат от всей души хотела помочь ему, но все ее попытки докопаться до истины натывались на его молчание.

В драке двоим парням досталось здорово, рука у Сабир тяжелая. Дали ему пять лет строгого режима.

Так неожиданно рухнули все планы на будущее — скопить деньги и построить родителям новый дом. Отец Сабира когда-то был водителем, но попал в аварию, потерял обе ноги. Мать работала в колхозе, младшие брат и сестра учились в школе. Мысль подзаработать где-то в Сибири пришла ему в армии. Хотелось заодно и мир посмотреть, испытать себя. Родители не возражали.

— Езжай, сынок, года на три, не больше, — сказал отец. — Заработаешь деньги, обзаведешься семьей, поможешь брату с сестрой на ноги встать.

Устроился Сабир быстро, приняли его рабочим в геологоразведочную экспедицию. Ходили по тайге, искали нефть. Ребята подобрались компанейские, жили дружно и зарабатывали неплохо. За три года можно было отложить приличную сумму, но судьба распорядилась по-своему.

В тот и последующие вечера Сабир не раз чувствовал холодок страха, от блатных можно было ожидать всего, но беда обошла стороной, к тому же ребята из бригады не отходили ни на минуту. Слух о драке расползся по всей колонии. К нему внимательно присматривались, старались ладить.

Он еще больше ушел в себя, спасала работа, выполнял по два-три сменных задания за день.

С администрацией у Сабира тоже не возникало проблем, хотя несколько срывов допустил.

Начальник отдела капитан Карпенко относился к нему с явной симпатией, воспитательными беседами не надоедал, в душу не лез. Капитана уважали за справедливость и простоту. Он не боялся, оставив начальственный тон в беседах, спорить с осужденными за жизнь и если в какой-то сфере был не силен, никогда не стеснялся признать этого.

...Раздался звонок, и секция ожила. Знакомый шум, суета, уборка помещений.

После завтрака Сабира вызвали к Карпенко. Капитан обнял его, крепко пожал руку.

— Настал твой день Сабир, будь счастлив. Мой тебе совет, приедешь домой, присмотришься к хорошей девушке и женись. Появится желание — черкни мне письмо. Будут трудные дни, особенно вначале. Будь добр к тем, кто проявляет милосердие. Пойдем, провожу тебя.

Выйдя за КПП, Сабир отошел на сотню шагов, остановился, оглянувшись.

За этим мрачным серым забором с часовыми на вышках прошла какая-то часть его жизни. Мимо проходили машины, торопились по своим делам люди. Отсюда трудно представить себе, в какой тугой, взаимосвязанный узел скреплены там судьбы самых разных людей — от просто невезучих до самых отъявленных негодяев.

Карпенко смотрел ему вслед. Они помахали друг другу, и Сабир прибавил шаг, размышляя над словами Карпенко: «...У тебя будут трудные дни, особенно вначале».

Домой он добрался без приключений, в поезде в разговоры по-возможности не вступал, отсыпался. В селение приехал утром на попутной машине.

Сердце забилося учащенно при виде старого родительского дома. Он не предупредил о приезде. Другое дело, возвращался бы с радостными, добрыми новостями, было бы чем гордиться, а у него — освобождение из мест лишения свободы. Лишь прошмыгнуть незаметно, не привлекать внимания и, опустив голову, начать жизнь заново.

Мать, увидев его, залилась слезами, повзрослевшая сестра глядела с любопытством, для нее брат — он знал из писем — служил в армии.

— А где папа? — спросил Сабир, обняв по очереди сестру и мать и осекся, увидев на обычном месте пустую инвалидную коляску.

— Мы не написали, сынок, прости, но там тебе и так было тяжело.

— Когда это случилось?

— В позапрошлом году. Помнишь, я собиралась приехать, уже и билет заказали. Я написала твоему Карпенко письмо, вот его ответ.

Сабир раскрыл сложенный вчетверо листок, прочитал письмо. Карпенко, Карпенко... Он советовал матери не огорчать сына, тем более, что помочь пока тот ничем не может. Капитан хвалил Сабир, успокаивал мать, желал ей и всей семье крепкого здоровья.

Сабир припомнил, как капитан вызывал его к себе несколько раз, беседовали по душам, он просил, именно просил его чаще писать домой.

Первые несколько дней Сабир не выходил со двора, занимался хозяйством, давно требовавшим мужской руки.

В колхозе строили животноводческий комплекс, не хватало рабочих рук, и председатель предложил ему пойти на стройку. Вскоре он приступил к работе. Истосковавшись по домашней работе, затеял ремонт, перекрыл крышу, ош-

тукатурил стены, и дом на глазах преобразился. Мать старалась угадать каждое его желание, она никак не могла преодолеть чувство вины перед сыном за то, что ни разу не приехала на свидание. Сестра избегала оставаться с ним наедине, на вопросы отвечала односложно. Оживленно беседуя с матерью, она при его появлении замолкала и под благовидным предлогом уходила из комнаты. Нельзя было до бесконечности делать вид, что не замечаешь этого, и однажды он прямо спросил ее:

— В чем дело, сестренка, живем под одной крышей, а будто чужие?

Она промолчала. Сабир взял ее за плечи и повернул к себе.

— Почему ты так относишься к старшему брату? Я никогда тебя не обижал.

Слезы навернулись на глаза девушки.

— Отпусти меня! Я отношусь так, как ты заслуживаешь. Как я могу тебя уважать, если ты, здоровый, сильный парень, бросил отца-инвалида с матерью, двумя детьми и уехал устраивать свою жизнь? Откуда я знаю, что у тебя сейчас на уме?

В комнату вошла мать. Она поняла, что между братом и сестрой произошел неприятный разговор, но не стала вмешиваться, справедливо рассудив, что время само расставит все на свои места.

Жизнь в доме шла своим чередом, отношения с сестрой улучшились после приезда в краткосрочный отпуск младшего брата Бахрама. Днем он пропадал с друзьями, а вечерами играл с Сабиром в нарды, подшучивал над сестренкой, стараясь как-то сблизить их, втянуть в общий разговор.

После его отъезда всем взгрустнулось, но отношение сестры к Сабiru стало заметно теплее, и он дорожил этим. Долгие раздумья над ее словами убедили, что в чем-то сестра права, что нельзя было ему уезжать, ведь отец был совсем беспомощным. Он не отговаривал сына из гордости, не желая показаться слабым. Свой последний разговор с отцом Сабир вспоминал не раз. Жизнь не повернешь вспять, безусловно, он виноват перед семьей, и главное сейчас — это помочь устроить жизнь сестры и брата, обеспечить спокойную старость матери.

Похожие друг на друга дни уходили незаметно, но ему и не хотелось никаких изменений. В размеренности, покое,

ровных отношениях с окружающими он находил удовлетворение. Не искал ничего другого.

Если бы еще не визиты участкового инспектора милиции Мурсалова, совсем было бы хорошо. Участкового он знал с детства, как и большинство сельчан, относился к нему с уважением. И все-таки предпочитал видетсья с ним пореже. Старший лейтенант видит в нем ранее судимого, которого обязан контролировать по долгу службы, и эта мысль угнетала Сабира, настраивала на задиристый, ироничный тон. Мурсалов, казалось, этого не замечал. Зайдя в дом, приветливо улыбался матери, сестре, никогда не отказывался от чая. У порога снимал обувь, клал на стол свою выдавшую виды фуражку и заводил неторопливый разговор с матерью о колхозных делах. Его можно было принять за доброго старого дядюшку, навещавшего родственников. Мурсалов не надоедал с вопросами, не читал морали, и все-таки, Сабир всегда с нетерпением ждал его ухода.

На людях участковый к нему не подходил, издали обменивались приветствиями. «Ничего, — успокаивал себя Сабир, — должен же он присмотреться, убедиться, что нет у меня на душе ничего дурного».

Беда пришла неожиданно. Поздно вечером, когда сестра с матерью уже улеглись спать, а он, по обыкновению, во-зился в своей небольшой мастерской, в ворота сильно по-стучали. Набросив пиджак, он вышел во двор, отодвинул засов. На улице стояли сержант с овчаркой, двое в штатском и Мурсалов.

— В чем дело?

— Придется тебе, парень, поехать с нами, — хмуро произнес один из штатских.

— Но что произошло?

— В милиции объясним.

— У меня дома мать и сестра, что сказать им?

— Скажи, что задержан по подозрению в краже.

— В какой краже? — опешил от неожиданности Сабир, не двигаясь с места.

Заметив, что мужчина в штатском начинает раздражаться, инициативу перехватил участковый.

— Видишь ли, Сабир, обворовали сельский магазин. Овчарка взяла след и привела прямо сюда.

Что делать? Протестовать? Не подчиниться эти лю-
дям? Покончить жизнь самоубийством? Сабир лихорадоч-
но искал ответы на роившиеся в голове вопросы. Отказы-

вался верить в происходящее, но милиционеры с собакой были реальностью. Они хотели пройти во двор, но Мурсалов остановил их и, взяв его за локоть, подвел к милиционерскому УАЗику. Машинально повинаясь ему, Сабир забрался внутрь, с обеих сторон уселись парни в штатском. Сержант с Мурсаловым остались у дома.

В райотделе его усадили в небольшой комнатке напротив дежурной части. Понемногу он начал приходить в себя, происшедшее уже не казалось таким загадочным, вспомнил рассказы о том, как милиция «раскрывает» преступления, хватая ранее судимых. Он не верил таким разговорам. Послушаешь зека — сплошная невинность, все, кроме него, виноваты, редко, кто честно признает, что сам себя погубил. «И вот на своем горбу теперь испытал милицейские штучки», — горько думал он.

В дежурку вошел подполковник с усталым, раздраженным лицом.

— Ну что с кражей? — спросил он у дежурного. — Вещдоки взяли?

— Нет, товарищ подполковник, Мурсалов попросил следователя не делать обыск. Этого парня привезли, а они остались на месте.

Подполковник, неопределенно махнув рукой, направился к выходу.

— Я домой, держите меня в курсе дела. И с доставленным пусть разбираются быстрее.

— Есть, — козырнул дежурный.

Сабир предавался грустным мыслям. Себя ему не было жалко, больно было за мать и сестру. Мурсалов даже не дал попрощаться с ними.

Ему хотелось умереть, вся прошедшая жизнь казалась сплошной ошибкой. Вспомнил слова Карпенко о милосердии. Интересно, верил ли он в то, что говорил, или действовал согласно инструкции? Вспомнилась колонистская жизнь, навсегда вошедшая в его прошлое, а теперь уже и будущее. Его обвиняют в краже, учитывая первую судимость, нежелание встать на путь исправления, суд вкатит на полную катушку, невесело рассуждал Сабир.

Во двор въехала машина, и в дежурной части появился Мурсалов. Кивнув дежурному, направился к Сабiru.

— Ну, как ты?

Сабiru не хотелось отвечать, но, пересилив себя, выдавал чуть слышно:

— Ничего.

Потом посмотрел на участкового.

— Почему вы не дали мне попрощаться с матерью и сестрой? Вы же знаете, я невиновен! Я должен был им это сказать, и вы этого боялись.

Мурсалов вздохнул, покачал головой.

— Пойдем.

— Куда, в камеру?

— Нет, не в камеру, в гостиницу.

— Там тоже была кража?

Участковый еще раз вздохнул.

— Сейчас два часа ночи. Тебе надо где-то переночевать.

— Вы хотите сказать, что я свободен?

— Да, свободен, но у меня к тебе просьба не возвращаться без меня в селение. Дома я уладил, мать предупредил.

Устроив Сабира на ночлег, Мурсалов ушел.

Ночью Сабир не знал, что и думать. Происходят непонятные вещи: то его забирают из дому, обвиняют в не совершенной им краже, то отпускают без каких-либо объяснений. Сплошные загадки. Осторожно, чтобы не будить спящих в комнате постояльцев, наощупь разобрал постель, быстро разделся и улегся в кровать.

...Тем временем Мурсалов на своем стареньком мотоцикле спешил в село. Холодный ветер забирался под плащ, и он продрог до костей. Не заезжая домой, подъехал к участковому пункту, разжег печку, заварил чай. За окном забрезжил рассвет.

Выйдя из теплого помещения, ощутил неприятную дрожь. Холодное осеннее утро встретило колючим северным ветром. Мурсалов направился к магазину. При дневном свете внимательно осмотрел место происшествия, несколько раз обошел невысокое строение, в котором размещался сельмаг. Неторопливо, метр за метром обследовал всю прилегающую территорию в радиусе пятидесяти метров, кое-где подолгу усаживался на корточки, разглядывал приямную траву, изредко удовлетворенно покрывая. Подъехали следователь Шахбазов с экспертом-криминалистом, — еще ночью они условились произвести дополнительный осмотр места происшествия. Подошел завмаг Агагусейнов, полный лысеющий мужчина. Весть о краже прокатилась по селению, незаметно собралась небольшая

группа сельчан. Мурсалов ловил на себе вопросительные взгляды, но его лицо оставалось невозмутимым. Осмотр места происшествия завершился, и следователь, подойдя к Мурсалову, озабоченно покачал головой.

— Боюсь, мы зря потеряли время. Надо было еще ночью делать обыск.

Мурсалов согласно кивнул головой.

— Хорошо бы.

— Почему же вы настаивали на обратном?

— Я настаивал только в отношении Панахалиева, у него в доме краденого нет, он невиновен, поэтому я и настоял на том, чтобы его освободили из дежурной части.

— Но ведь собака ни разу не сбившись, привела к его дому, — возразил Шахбазов.

— Это провокация с целью сбить нас с толку. Парень судимый, его опорочить нетрудно.

— Но мы обязаны проверить эту версию!

— Зачем травмировать мать и сестру Панахалиева? Только-только в доме покой воцарился, поверили они в него, а тут мы с необоснованными подозрениями.

— Почему с необоснованными? Овчарка четко взяла след.

— Вот на овчарку преступники и рассчитывали, а мы-то поумней должны быть, — досадливо свел брови участковый. — Ночью у нас было мало времени на размышления, поэтому я не возражал против задержания Панахалиева, когда собака привела к его дому. Но в его причастности я очень сомневался. Не пойдет он на такое дело, кто-то намеренно навел на него. Прямоком от магазина направился к его дому, по ходу подбрасывая дополнительные «следы» для собачки, потом перелез через забор, проник во двор Панахалиева, подбросил коробочку от часов «Чайка», имевшихся в магазине, и через забор же ушел, но с противоположной стороны.

— Коробочку от часов кто-нибудь нашел или вы просто моделируете ситуацию? — спросил следователь.

— Я нашел.

— Так что же вы сразу не сказали?

— После того, как вы уехали, я не спеша обследовал двор, у меня хороший фонарик, и нашел коробочку. Слишком явно нам подкидывают доказательства. А в дальнем углу забора земля посыпана табаком. Видимо, в этом месте преступник перескочил забор и подготовил сюрприз для

собаки. Все эти детали убедили меня в чем-то злом умысле против Панахалиева.

Шабазов помолчал, обдумывая услышанное, а потом тоже поделился своими впечатлениями. Во-первых, входная дверь магазина заперта и опломбирована, следов повреждения не обнаружено. Преступник мог проникнуть сюда только через окошко в подсобку. Но стекло выбито изнутри. Изъяли несколько следов пальцев, проведем дактилоскопическую экспертизу. Проверим заодно и Панахалиева. Но я готов согласиться с вами, что скорее всего здесь имитация. Вы беседовали с завмагом по поводу украденных товаров?

— Наименований много, тысяч на тридцать наберется. Наручные часы, парфюмерия, одежда, транзисторные приемники и прочее. Как будем действовать дальше?

— Побеседуем с Панахалиевым, обыск, видимо, придется сделать, — неуверенно произнес следователь. — Если даже наши предположения насчет имитации верны, то доказательств пока нет. Нужна ревизия, может, удастся недостачу выявить, какие-либо злоупотребления. Поработаем с завмагом, проверим его причастность.

Мурсалов выслушал не перебивая, достал пачку сигарет, закурил.

— У меня есть одно соображение. Вынести такое количество товаров за одну ходку невозможно, да и как практически это сделать? Выбросить все наружу, а потом унести. Высота окошка от земли более двух метров, товар побьется. Значит, действовало несколько человек. Агагусейнову с его комплекцией просто невозможно пролезть в окошко и прыгать с него. Панахалиеву тоже одному не под силу такое количество товара унести. Друзей в селении у него нет, я знаю это точно, приезжих мужчин за последнюю неделю не было, кроме одного паренька.

— Ну, вы уж совсем, Джалал-муаллим, меня запутали, — невесело улыбнулся следователь. — Так у нас все окажутся вне подозрений.

— Нет, не все, — серьезно продолжил Мурсалов. — Я предполагаю у Агагусейнова недостачу, уж очень он последнее время кутил, покупок понаделал. А вчера в его машине, когда он возвращался из райцентра, я видел одного парня, худенький, в спортивной курточке, узенькая полоска усов. Заехали они во двор к завмагу, и тот не показывался. А ведь обычно Агагусейнов своих гостей по

селению возит, в чайхане любит перед ними прихвастнуть, каким весом он пользуется у сельчан.

— И кто же этот парень?

— Пока не знаю. Но под окном и в огороде Панахалиева осталось несколько отпечатков кроссовок.

— Да и в магазине в подсобке мы обратили внимание на рифленый отпечаток. Значит, думаете, завмаг привез парня, чтобы просто имитировать кражу, проскочить по ходу во двор Панахалиева и вернуться к Агагусейнову?

— Точно, а Агагусейнов, рассчитавшись с ним, отвезет его домой. Я точно навел кое-какие справки, заинтересовался одним из родственников Агагусейнова, живет в Баку, но часто появляется в районе, по-моему, приторговывает анашой. Худенький, одет очень модно.

Следователь обиженно пожал плечами.

— Джалал-муаллим, вы мне информацию выдаете по крупницам, как под прессом. Ну сразу бы все свои соображения выложили, тем более к вам у нас относятся с большим уважением. Я положился на ваш опыт и интуицию и не настаивал на обыске у Панахалиева, на его аресте.

— Не горячись, Гурбан, — мягко остановил его участковый, — я ведь тоже по ходу все анализировал, колебался, и самое главное, опасался сбиться с верного пути и на тебя повлиять. Интуиция интуицией, а факты — штука упрямая. Нам одинаково важно не ошибиться и не спешить.

— Но время-то упущено, и коли ваша версия верна, то преступник скрывался у Агагусейнова, а утром уехал.

— Нет, если он там был, то уехать не мог. Я вскоре после вашего отъезда и осмотра двора Панахалиева подошел к дому завмага, машина стояла во дворе под навесом. Потом попросил своего общественного понаблюдать до утра, а сам съездил в РОВД и заодно устроил в гостиницу Сабира Панахалиева.

— Значит, завмаг никуда не уезжал?

— Нет, он понимает, что это вызовет подозрения. В магазине кража, а он уехал в райцентр. Но сегодня вечером может спокойно это сделать под тем благовидным предлогом, чтобы узнать у вас, как идет следствие, или скажет, что вспомнил какую-нибудь деталь.

— Если преступник у него в доме, то сейчас попробуем задержать его там.

— А если я ошибаюсь? Тогда скандала не миновать, знаю я эту публику. Он потом не даст работать по делу, обвинит нас в пристрастности, жалобами замучает.

— Что же вы предлагаете?

— Вызовите его в РОВД к 17 часам. Пока у него подозрений никаких, тем более Панахалиева забрали. Все вышло так, как он задумал. Поговорите с ним и скажите, пусть не беспокоится, намекните, что преступление почти раскрыто. Попробуйте его еще больше расслабить. А на дороге мы их задержим. Отпираться парень вряд ли будет. Пошлите эксперта с понятыми во двор Панахалиева, пусть закрепит следы кроссовок во дворе под забором.

Шахбазов согласно кивнул.

...Преступник был задержан в «Жигулях» завмага. У следователя сразу отлегло от сердца, когда он увидел его кроссовки. В отделе парень дал развернутые показания, у него изъяли две тысячи, полученные от завмага за услугу.

Домой Сабира привез Мурсалов. В дороге он рассказал ему о западне, уготованной для него Агагусейновым.

Участковый успел ввести в курс дела мать и сестру, но они все-таки очень волновались за Сабира и не сдержали слез, вновь увидев его дома. Сабир только теперь понял, какая беда прошла стороной благодаря этому уже немолодому, чудаковатому милиционеру, раздражавшему его своими визитами эти несколько месяцев. Значит, не зря он ходил, изучал характер Сабира, присматривался, это помогло ему в решающий момент правильно оценить ситуацию.

Мурсалов не спеша выпил стакан чаю, поинтересовался, как идет служба у Бахрама, просил передать ему привет и собрался уходить. Сабир проводил его до ворот. Невысокий участковый рядом с ним казался совсем щуплым. За день на лице у него выступила седая щетина, и он выглядел совсем старым.

«Счастливый человек, — думал Сабир, сколько добра он сделал людям». Не сдержавшись, обнял за плечи участкового.

— Спасибо, Джалал-даи, уберегли вы меня от беды, я пока ждал вас, решил, что если не докажу свою невиновность, покончу с жизнью.

Участковый поднял на него глаза.

— Что за мысли у тебя? Молодой, здоровый парень, а растерялся. Со злом надо бороться, ты ведь не наделал глупости, когда мы тебя в милицию отвезли, слово сдержал, что будешь ждать меня в гостинице. Этим здорово мне помогло, значит, в трудную минуту мы поняли друг друга. Это хорошо. И помни, зло приходит и уходит, а почему жизнь не кончается? Потому, что добро всегда оказывается сильнее.

СОДЕРЖАНИЕ

Двое на маршруте	3
Ранение	16
Этюд для уголовного розыска	27
День, помеченный кружком	42
Ягоды шиповника	55
Сгоревшая автомашина	70
Убийство на почте	90
Краски	106
В порядке исключения	118
Жизнь не кончается	130

Джумазаде В.

Д 11   Этюд для уголовного розыска. Рассказы. Б.:
Язычы. 1990. — 148 с.

ISBN 5—560—00926—1

В сборник вошли рассказы, посвященные людям в мили-
цейской форме. В любое время дня и ночи они несут нелегкую
службу по охране правопорядка, в которой порой очень труд-
но определить грань, где заканчиваются будни и начинается
подвиг.

Д   4702010201—70
      М—656—90   194—90

С(Аз)2

Директор издательства *Ф. Меликов*

Директор типографии *А. Кулиев*

Художник *А. Валовик*

Художественный редактор *А. Алекперов*

Технический редактор *Н. Алиева*

Корректор *Т. Кязимова*

ИБ № 3409

Сдано в набор 31.05.90. Подписано к печати 26.07.1990. ФГ 15531. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Бумага № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 7,77. Уч.-изд. л. 7,77. Тираж 30 000.

Заказ № 132. Цена 2 руб.

Государственный комитет по печати Азербайджанской ССР.

Издательство «Язычы». 370005, Баку, площадь Натаван, 1.

Типография им. 26-ти бакинских комиссаров. 370005, Баку, ул. Али Байрамова, 3.

Чумазадә Валентин Нуријевич
Чинајәт ахтарышы үчүн етүд
Һекајәләр
Б а к ы — 1990

2 руб.

